

СЕНТ-КЛЕРЪ ОСТРОВИТЯНИНЪ,

ИЛИ

ИЗГНАНИКИ

НА ОСТРОВЪ БАРРА;

Переводъ съ Французскаго
Г. Трескинъ;

Сочиненіе Госпожи Моншолье сочи-
тельница Каролины Лихтфельдъ.

. One who Brings
A mind not to be chang'd by place or time.
The mind is its own place, and in itself
Can make a heav'n of hell, of heaven.

paradise lost, chan. I er.

Ч А С Т Ъ I.

МОСКВА, 1817.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Печаташь дозволяешся съ тѣмъ, чтобы
по оппечашаніи, до выпуска въ продажу,
предспавлены были въ Ценсурный Коми-
шешъ одинъ экземпляръ сей книги для
Ценсурнаго Комишеша, другой для Де-
наршаменша Минисшерства просвѣщенія,
два экземпляра для Имперашорской Ака-
деміи Наукъ. 1817 Года Іюня 15 дня.

Ординарный Профессоръ Михаилъ Снѣ-
гиревъ.

СЕНТ-КЛЕРЪ

ОСТРОВИТЯНИНЪ.

ГЛАВА I.

Въ послѣдніе годы царствованія Іакова I, Короля Шотландскаго, жилъ на Баррѣ, одномъ изъ Гебридскихъ острововъ, изгнанникъ по имени Сент-Клеръ Моншей, молодой человекъ съ открытымъ благороднымъ характеромъ и испытаннымъ мужествомъ; онъ былъ любимъ и уважаемъ не только на Баррѣ, но даже на всѣхъ островахъ, по временамъ имъ посѣщаемыхъ, откуда и власть даже Іакова не могла бы завести его выдти противъ воли.

Сент-Клеръ Моншей, или Сент-Клеръ островитянинъ, какъ его обыкновенно называли, имѣлъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, когда сосланъ былъ на

Барру; ему дано было хорошее познаніе въ военномъ искусствѣ дядею его Генераломъ Моншеемъ, послѣ котораго получилъ онъ великое имѣніе въ полуденной Шотландіи; но во время изгнанія его оно было конфисковано въ пользу непріязненной ему фамиліи Роскелиновъ. Изгнанъ будучи на островъ Барру по Королевскому повелѣнію, онъ основалъ свое пребываніе въ крѣпости, называемой башнею Мак - Леода. И въ семь - то печальномъ жилищѣ почелъ бы себя щасливымъ, есшли бы могъ забыть прошедшее. Чешыре друга, какихъ бываетъ мало, впади купно съ нимъ въ немилость, или лучше скажешь, захошѣли раздѣлять его несчастіе; и есшли съ одной стороны мысль, что онъ причиною ихъ изгнанія, умножала его горестъ, шо съ другой привязанность и любезное сообщество часто оную разсѣвали. Другія особы, изгнанныя въ разное время, или присоединившіяся къ нему по своимъ чувствамъ, жили также на Баррѣ и признавали Сенш-

Клера своимъ начальникомъ. Въ случаѣ нужды онъ бы могъ сослѣдовать войско хотя не шакъ многочисленное, но преданное ему и хорошо устроенное; въ числѣ его друзей находились опытные полководцы, а каждый изъ островитянъ былъ храбрый воинъ. Могуцество его не безызвѣстно было Шотландскому Двору, который однако же, по боязни, или по благоразумію, не принималъ никакихъ мѣръ и оставлялъ его въ совершенномъ покоѣ.

Сенш - Клеръ по прибытіи на островъ Барру роздалъ щедрою рукою не большое количество привезенныхъ имъ денегъ. Онъ надѣялся для своихъ нуждъ получать деньги изъ оставленныхъ подъ сохраненіемъ у вѣрнаго челоука, по имени Карнежія, жившаго близъ Единбурга, коему поручилъ собрать не донятые доходы съ содержателей своихъ помѣстствъ, пошому что доходы сіи не вошли въ число конфискованнаго имѣнія; а въ послѣднее время для уплаты многихъ не-

обходимыхъ издержекъ онъ перевелъ ихъ на его имя.

Изъ четырехъ изгнанниковъ, друзей Сент-Клеровыхъ, Сиръ Жамеръ Россъ былъ благородный и храбрый Рыцарь, товарищъ въ дѣшскихъ играхъ его и по оружію.

Аланъ Гамильшонъ съ тансовыми же качествами соединялъ любовь къ наукамъ и имѣлъ образованный умъ, какіе-вѣя расположенія на оспрозѣ Барръ больше еще увеличились.

Французъ, Рыцарь дю Бургъ, по свойствамъ своей націи, былъ скоръ, пылокъ и предпримчивъ, имѣлъ нѣчто особенное въ разумѣ своемъ и сердце склонное ко всѣмъ благороднымъ чувствамъ. Познакомясь съ Сент-Клеромъ въ арміи, онъ поѣхалъ съ нимъ въ Шотландію, и потомъ на Барру, желая лучше раздѣлять изгнаніе своего друга, нежели возвратиться въ опечесшво.

Послѣдній М. Робертъ Мак-Грегоръ былъ гордъ, неустрашимъ, столько же

готовъ испиить за оскорбленія, какъ и
 жертвовать жизнію за честь и дружбу.
 Онъ былъ младшій изъ трехъ братьевъ.
 Старшій Александръ Мак-Грегоръ жилъ въ
 помѣстьяхъ древней фамиліи своей; второй
 Рандольфъ имѣлъ нѣсколько подобный
 Роберту характеръ, но былъ гораздо его
 вспыльчивѣе, приверженный съ давняго
 времени въ Сент-Клеру; онъ находился
 въ опсущивши во время егѣ нещастія.
 Первое попеченіе по возвращеніи въ Шот-
 ландію состояло въ томъ, чинѣ со-
 единиться съ нимъ на Баррѣ, куда и
 прибылъ немедленно, рѣшившись никог-
 да не оставлять своего друга. Эти бла-
 городные попомки знаменитѣйшихъ Шот-
 ландскихъ фамилій были еще въ цвѣту-
 щихъ лѣтахъ, и хотя мужественно сно-
 сили насюящее свое положеніе и беспо-
 лезную жизнь на утесахъ Барры, одна-
 кожь съ удовольствіемъ помышляли о
 временахъ, когда могутъ сдѣлаться по-
 лезными членами общества.

Характеръ каждаго изъ приверженцевъ ихъ былъ различенъ, какъ и обстоятельство завлекшія ихъ на Барру; всѣ же они вообще происходили отъ благородной крови и имѣли личныя достоинства; но, или за политическія интриги, частныя ссоры, чрезъ семейныя несчастія, или же по причинѣ разстроенаго состоянія своего, принуждены были оставить отечество, и по разнесшейся о Сент - Клерѣ молвѣ избрали его своимъ начальникомъ. Число ихъ проспиралось до двенадцати; всѣхъ же жителей крѣпости было семнадцать человекъ.

Г Л А В А II.

„Наполнише ваши кубки, воскричалъ Сент - Клеръ: налейте ихъ полною и выпьемъ всѣ съ желаніемъ счастья добрымъ и мужественнымъ обиженнымъ и наказанія ихъ пришленишелямъ!“

Всѣ подали знакъ согласія, и кубки были выпиты.

„Такъ , друзья мои, мы изгнанники, это правда; но не заслуживаемъ споль несправедливаго угнѣшенія! На осьмнадцатомъ году я уже былъ ограбленъ и обезчещенъ , еще и теперь меня грабятъ, но шрепещушь имени моего, а я уже ничего болѣе не страшусь! Въ чемъ я виновенъ? Пусть скажутъ, что жопятъ враги мои, я не боюсь ихъ ; гдѣ вдова , которую бы я обидѣлъ? сирота, которую бы припѣсилъ? Пусть дѣвица , коей измѣнилъ я, придетъ обвинитъ меня!“

— Ты несклоненъ къ подобнымъ несправедливостямъ , сказалъ дю Бургъ : и это малѣйшее швое доспоинство; но горе тебѣ , естли безразсудность и необузданность суть причины всегдашнихъ швоихъ бѣдствій! Съ шесшадцати лѣтъ, какъ я шебя знаю, я никогда не видалъ шебя спокойнѣе, какъ со времени изгнанія швоего на Барру. —

„Это ни чуть не удивительно, опвѣчалъ Сенш - Клеръ : съ самой юности сердце мое было признашельнымъ. Бѣд-

ные сосѣди, жили Барры и смежныхъ еспровозъ любяпть меня и уважаюпть; но долженъ ли я спараться поведеніемъ своимъ оправдывать хорошее ихъ мнѣніе обо мнѣ? Я клянусь жизнію, что еспьли бы кто изъ насъ былъ опособенъ къ низкимъ и безчестнымъ дѣламъ, то я немедленно выгналъ бы его изъ нашего общества!

— Доселѣ желанія швои были единственнѣмъ дмя насъ закономъ и швои слова строго соблюдались, прервалъ одинъ изъ присутствующихъ. —

, Знаю, отвѣчалъ Сент - Клеръ, что надмѣнный Шопландскій Дворъ наконецъ смиряется предъ бесплодными скалами Барры, и отдаешь преимущественно проспымъ ея жителямъ. Не только наша собственная честь, но самое благоразуміе пребуешь опъ насъ, чтобы мы и впредъ поступали такъ, какъ поступали до сего времени. Здѣсь, въ древней нашей башнѣ, готовой разрушиться, мы безопасны какъ въ крѣпчайшемъ Замкѣ; ибо

каждый изъ сосѣдей нашихъ готовъ сражаться и умереть за насъ!“

— Ничего ивъшь справедливѣе, сказалъ Мак-Грегоръ: однако я часшо думаю, что не худо было бы исправить нашу хрѣпость и увеличить въ ней число жиделей; легко спастись можешь, что Иаковъ не всегда будешь шакъ смиренъ, а въ случаѣ опаснѣши насъ шолько семнадцать человекъ! —

„Семнадцать человекъ преданныхъ, живо возразилъ Сенш - Клеръ, довольно для побѣды, и ешьли насъ побѣдятъ, довольно шакже для погибели!“

— Я съ шобой согласенъ, сказалъ Жамесъ Россъ: однакожь ивънѣя Мак-Грегора не должно пренебрегать. Твои враги могущесшвенны; они не должны считашъ себя въ безопасности до шѣхъ поръ, пока шы будешь живъ. —

„Можешь бышь это правда, ошвѣчалъ Сенш - Клеръ: но много уже друзей сдѣлались участниками моего нещаснѣя. Жребій нашъ рѣшенъ, должно пре-

дашься ему; но постарайся перенести, чего не въ силахъ избѣжать. Что же касается до шѣхъ, кошорые приспали къ намъ добровольно, то думаю, что они по весьма основательнымъ причинамъ оспавили общество, но добрые наши оспровищяне не имѣють къ тому никакихъ. — Имъ предназначено жить по примѣру ошцевъ своихъ; они довольны своею участью: для чегожь возмущать ихъ спокойствіе? Нѣшь, оспавимъ ихъ пресмыкашья въ щасливой неизвѣсности; имъ предлежитъ миръ и шрудлюбіе, а намъ шумная и веселая жизнь! Нальемъ наши кубки, выпьемъ ихъ и оспавимъ разсужденія!“

Кубокъ передавался кругомъ, и когда достигъ до Гамильсона, то онъ сказалъ: „я согласенъ съ вами, насъ довольно здѣсь для мирнаго времени; но въ случаѣ опасности подъ знамена Сенш-Клера соберется цѣлая армія.“

— Насъ, какъ мушкетеръ, сказалъ дю Бургъ, очень довольно, въ шемъ я не

спорю съ нашимъ начальникомъ , и подобно прочимъ вошювъ сражашься и умереть , когда-то будешь надобно ; но почишаю нѣсколко жестокимъ Французу моихъ лѣшъ и съ моимъ характеромъ жить какъ монаху въ кельѣ. — Женщины , кажутся мнѣ , оживилибъ наше уединеніе. —

„Женщины! вскричалъ Сент - Клеръ , спавя на споль свой кубокъ : женщины ! ахъ , Рыцарь ! ешьли ны ихъ сюда введешь , шо я пошчасъ уѣду. Приведи ко мнѣ змѣй , шигровъ , дьяволовъ , фурій , но не женщинъ. Не ужь ли шебѣ наскучилъ покой ? Съ ними шы поселишь между нами вѣчныя ссоры , измѣну и вѣроломства ; съ ними увидишь шы несчастія и убійства , и наша кровь прольется рудою лучшихъ друзей нашихъ : вошь какіе ужасы введуть за собой женщины ! Нѣшъ , нѣшъ ! повшорилъ онъ , принимаясь за кубокъ : нѣшъ здѣсь другой любовницы , кромѣ бушылки , и много прешупленія , кромѣ пьянства !“

— Сенш - Клеръ говоришь правду, сказала Гамильшонъ: женщины больше дѣлають зла, нежели мужчины; они все приводящъ въ безпорядокъ; щасливѣе пошъ, кнѣ можешъ безъ нихъ обойсись! Хотя мы ведемъ монашескую жизнь, по крайней мѣрѣ орденъ нашъ весель и покойнѣе для насъ легко. —

„Превосходно, вскричалъ одинъ изъ товарищей, который недавно прибылъ на Барру; это разсужденіе досшойно мудрости и глубокомыслія Гамильшона — другаго и ожидать ошъ него нельзя — но не ошъ Сенш - Клера; онъ не имѣешъ причины бышъ непріятель женщинъ. Не уже ли не имѣешъ онъ мащера? не уже ли никогда не былъ онъ влюбленъ?“

— Такъ, я имѣю мащъ, отвѣчалъ Сенш - Клеръ, покраснѣвъ ошъ негодованія: я имѣю мащъ; но она жестокосердѣе и безчеловѣчнѣе самыхъ шигровъ; да не шольго лишила меня покрови

тельства въ дѣлствѣ и отпоргла опъ себя въ такіхъ лѣпахъ, когда всѣ пвари охраняются попеченіями магери, но въ совершенномъ возрастѣ жопѣла меня погубишь. Подобно прочимъ безумцамъ я позналъ любовь; блестящая голова змѣи въ видѣ женщины привлекла мои взоры, и спрѣла любви глубоко вонзилась мнѣ въ сердца. Нѣсколько времени уступалъ я моей глупости, но наконецъ съ помощію разсудка и съ великимъ усиленіемъ я испоргъ ядовитую спрѣлу... —

Звукъ рога, раздавшійся въ крѣпости, возвѣстилъ въ сію мизнущу прѣздъ нѣсколькихъ иностранцовъ. Это были даспухи Лохаберакіе, доспавившіе прежде Сент - Клеру быковъ и барановъ какъ для употребленія въ крѣпости, такъ и для вспомоцешзованія бѣднымъ остроушьянамъ, которые претерпѣвали крайнюю нужду въ продолженіи жестокой зимы, з чпо Сент - Клеръ давалъ имъ росписку на имя Карнежія своего повѣреннаго Эдинбургскаго; по сей послѣдній ош

вался принять ее, потому что получилъ повелѣніе отъ Графа Роскелина не давать болѣе денегъ Сенш - Клеру, ибо Король далъ ему одному право располагать всѣмъ имѣніемъ изгнанника.

Сенш - Клеръ съ бѣшенствомъ выско-
чилъ изъ-за стола. „Бездѣльникъ! вскри-
чалъ онъ: клянусь моею честію от-
крыть вѣроломство швое въ присуш-
ствіи самаго ширана; повелѣніе Іакова
не можешь меня удержашъ на островахъ
Барра. При первомъ попутномъ вѣтрѣ
я ѣду въ Шотландію, чтобы возрешить
мою собственность, или умереть!“

Россъ, Гамильшонъ, дю Бургъ и Мак-
Грегоръ, взявшись за мечи, вскричали
вмѣстѣ: — какое бы ни было послѣдствіе,
щасливое или несчастливое, мы хо-
димъ ѣхать съ тобою; ты не одинъ
и не безъ ищенія погибнешь! —

. Мы поѣдемъ всѣ, вскричали едино-
душно друзья Сенш - Клера; онъ не оспа-
винъ никого изъ своихъ друзей!

Сенш-Клеръ смотрѣлъ на нихъ съ нѣжною признашельностію. „Нѣтъ, друзья мои! нѣтъ! ни одинъ изъ шѣхъ, коихъ жизнь находится въ опасности; не долженъ оспавлишь оспрова. Будешь время, когда мы всступимъ въ свои права, хотя несправедливость покамѣспъ и будешь шоржесшвовашъ. Настоящеежъ обспояшельство касается до одного меня; я одинъ имѣю причину вѣхашъ.“

— Клянусь моею чесшію! шы не поведешь одинъ, вскричалъ Жамесъ Россъ: еспшли шы рѣщаешься подвергаться опасностямъ, шо я хочу и долженъ раздѣляшь ихъ съ шобою! —

Всѣ прервали Росса съ шакимъ же крикомъ: мы хошимъ умерешъ съ шобою!

„Друзья мои! сказалъ имъ Сенш-Клеръ: вы хошите, чшобъ я жилъ въ безчесшіи, не въ состояніи будучи заплашишь своихъ долговъ, и употребляеше шакое средство, которое одно шолько можешъ удержашъ меня здѣсь!“

— Нѣтъ, оспѣчалъ Робертъ Мак-Грегоръ: благоразуміе иногда лучше безразсудной храбрости. Ёхать шеелеръ ко Двору Шопландокому, значить безъ нужды подвергать себя опасности; это будетъ глупость. Думаешь ли Сент-Клеръ, что мщеніе усыплено, и что смерть Герцога Албанскаго (*), его сына и Графа Сенора забыты? Нѣтъ, цѣлая вселенная воспоминаетъ съ ужасомъ, какъ тиранъ шоржестивуя послалъ вдовѣ его окровавленную голову ещѣ ея, мужа и оыновой! Сент-Клеръ! день мщенія наступаетъ; сохраняй жизнь свою и друзей своихъ, и жертвуй ею за важнѣйшее дѣло, а не за пустое огорченіе. Останься здѣсь, Сент-Клеръ; до того времени, когда ты будешь призванъ на зацщипу своего ометешва, живи или умереть для него. —

„И пажъ я долженъ оставить по-
длаго Роскелина пользоваться спокойно

(*) Вельможи сіи были осуждены на смерть Іакономъ I. Исторія не говоритъ за какое преступленіе.

воинъ имѣиеть, и опсказати самому себѣ въ справедливомъ плашежѣ своихъ долговъ, въ которые нужда заставила меня войти?»

— Можешь ли ты чѣмъ-либо болѣе порадовать враговъ твоихъ, сказалъ Гамильшонъ, какъ подвергнувъ себя наказанію за непослушаніе, еспли оставишь мѣсто изгнанія своего? —

Сенп-Клеръ замолчалъ. „Я подумаю до завтрашняго дня, сказалъ онъ: но Сенп-Клеръ Монтей долженъ или жить съ честью, или умереть!“

Тогда Рандольфъ Мак-Грегоръ, прѣѣхавшій на много послѣ на островъ, не знавшій совершенно несчастія Сенп-Клера, подошелъ. — Буря спростей должна имѣть свое шеченіе, сказалъ онъ: и кто захопѣлъ бы удержати ее, былъ бы подобенъ чловѣку, которой бы спалъ разсуждавъ съ безумнымъ. Мы знаемъ, что Сенп-Клеръ мало дорожитъ своею жизнью, но больше цѣнитъ жизнь друзей своихъ; однакожь въ семъ случаѣ Сенп-

Клеръ долженъ прѣбовать и получишь справедливостъ; но этого можешь онъ достигнуть, не оставляя мѣста своего изгнанія и не подвергая опасности друзей своихъ. Россъ, Гамильшонъ, дю Бургъ и Мак - Грегоръ! вы должны остаться на Баррѣ; а я, какъ никакимъ закономъ не удерживаемъ и никому ни при Дворѣ Якова, ни въ Замкѣ Роскелиновъ не извѣстенъ, могу бытъ причинѣ всѣхъ употребленъ для представленія и удовлетворенія требованій Сент-Клера. Изъ общества нашего выберу я для себя спутника, которой былъ бы въ равномъ со мною положеніи; мы отправимся по нашему порученію, и послѣдствія, какія съ нами встрѣшатся, послужатъ впредь руководствомъ для его будущихъ поступковъ. —

Всѣ одобрили этошь совѣтъ, кромѣ Сент-Клера; но опасность друзей его погасила въ немъ жарь, и онъ, сжавъ хладнокровнѣе, думалъ о томъ основательнѣе.

„Другое время, другой и совѣтъ! вскричалъ Россъ: пусть Рандольфъ отправится шеперь. Ежели онъ не принесетъ тебѣ ошвѣща, сходнаго съ швоимъ желаніемъ, тогда всѣ одобряетъ предприятие швое и вооружается для швоей защиты. Мы послѣдуемъ за тобою со всѣми жишелями оспрововъ, поѣдемъ въ Шотландію; нашу спорону примутъ крешьяне швоего дяди, мои и всѣхъ нашихъ друзей: тогда въ состояніи будемъ шребовать нашей свободы, нашихъ правъ и швоей собственности; мы ихъ получимъ, или погибнемъ!“

Эшо мнѣніе шполь жарко приняшо, что Моншей долженъ былъ уступить; оно сосшояло въ шомъ, что Рандольфъ, будучи свободенъ и ни къмъ не знаемъ, не могъ встрѣшиться никакой опасности. Всѣ шѣ, которые не были изгнаны, хотѣли ему сопуществовать; вмѣсто одного спущика онъ принужденъ былъ взять шрехъ. Сдѣлавши всѣ приготовления къ ошѣзду, они рѣшились воспользоваться

первымъ пепушнымъ въспромъ и пуспитъ-
 ся въ Шотландію на рыбацкѣмъ суднѣ.
 Между прочимъ Рандольфъ получилъ шай-
 ное приназаніе отъ Росса, Гамильтона
 и своего брата Мак-Грегора взявъ съ
 помѣстныхъ содержателей все, чѣмъ они
 были имъ должны, давъ имъ въ помѣ-
 росписки и доставивъ Сент-Клеру всѣ
 эти суммы, пошому что одни только
 помѣстья Моншея и было конфискованы.

Г Л А В А П Я Т А

Рандольфъ и его спутники изтоп-
 вившись въ отъѣздѣ, одѣлись по крестьян-
 ски и оправились изъ Барры съ письмомъ
 Сент-Клера къ его повѣренному Карнекию,
 которое было слѣдующаго содержанія:

„Нѣскольио уже времени, какъ я по-
 слалъ къ тебѣ приказаніе заплачивать
 двадцать марковъ, въ чемъ ты одна-
 коже отказалъ. — Нынѣ препоручаю за-
 плачивать шестидесять, каковая сумма

„весьма незначительна въ сравненіи съ
 „шою , которую я тебѣ оставилъ. И
 „такъ постарайся выдать оную по сему
 „письму, не ожидая личнаго моего требо-
 „ванія , и горе тому подлому человѣку,
 „который во зло употребляетъ мои пра-
 „ва, и тебѣ презрительному орудію сего
 „злоупотребленія.“

Сент-Клеръ Монтей.

Путешествіе ихъ въ шотландію бы-
 ло продолжительно ; однако же они при-
 ѣхали благополучно къ Единбургу , и не
 теряя времени, отдали письмо Сент-Кле-
 ра его повѣренному , которое пробѣжалъ
 онъ съ чрезвычайнымъ смятеніемъ, тща-
 тельно разсуживалъ посланныхъ съ
 нимъ, но не находя для себя ничего опа-
 снаго въ простой ихъ наружности , оп-
 вѣчалъ имъ съ надмѣнностію и прика-
 залъ явиться на другой день къ Роскелину.

„Придемъ , опивѣчалъ Рандольфъ вы-
 говоромъ , приличнымъ его одеждѣ : но я
 надѣюсь , что ты поспѣшишь нашимъ
 дѣломъ , ибо мы не привыкли дожидать-

ся въ передней, какъ слуги, и не можемъ перемѣнить нашихъ обычаевъ; мы пребудемъ принадлежащаго храброму Сент-Клеру, въ чемъ откажешь ему: было бы низко и безчеловѣчно, и кажешься ты не заставишь его возвратиться собственно свои лично.“

— Дерзскій! ошвѣчалъ Карнежи: знаешь ли ты, что Сент - Клеру запрещено подь смертною казнію показываться въ Шотландіи? —

„Почести я не зналъ, гдѣ не имѣешь онъ права бытъ. Касательнужь его жизни, увѣряю тебя, что кто осмѣлился на нее поуси ньяся, шопъ будетъ раскаяваться.“

— Ты смѣешь еще грозить, бѣднякъ, сказалъ Карнежи. —

„Сохрани Боже, ошвѣчалъ Рандольфъ: грозить свойственно вельможамъ, а мы оспровишяне с л о в а м ь предпочитаемъ дѣло.“

Карнежи долго еще разсмаширивалъ ихъ со вниманіемъ. — Надобно, сказалъ онъ, прежде посовѣтоваться мнѣ съ Лордомъ

Роскелиномъ; завтра будешь у него въ За-
жкѣ въ двенадцать часовъ. — Послѣ чего
онъ оставилъ ихъ, а они пошли съ доро-
ги опдожаушь.

Рандольфъ и его товарищи пришли
къ Роскелину въ назначенный часъ. Они
принуждены были ждашь долгое время на
дворѣ предъ глазами слугъ, кои надъ
ними насмѣжались, подражая господамъ
своимъ, съ шѣмъ шолько различіемъ, что
вмѣсто надѣвности и презрѣнія, съ ка-
ковыми сіи принимающъ низшихъ себя,
слуги употребляютъ грубую наглость.
Наконецъ ввели ихъ въ большую залу, въ
коей на возвыщеніяхъ мѣстахъ, покры-
тыхъ богатою шипою золотомъ маше-
рією, сидѣли Графъ Роскелинъ и прекра-
сная, гордая Графиня Елеонора въ много-
численномъ кругу Дамъ и кавалеровъ.

Къ великому удивленію сего блиста-
тельнаго собранія, пышность и велико-
лѣпіе не произвели въ Рандольфъ и това-
рищахъ его ни малѣйшаго изумленія; они
вошли свободно, не снимая даже шляпъ

и имѣя лѣвыя руки завернушыми въ Шотландское плашье.

„Вы пришли опъ изгнанника Сент-Клера, сказаь имъ Графъ : знаете ли, какъ поспунаюшь съ тѣми, кои перебу-юшь имѣнїя, которое ему не принадлежишь, которое всегда мнѣ принадлежало по праву, а шеперь болѣе еще принадлежишь по правосудїю и по волѣ Короля?“

— Я не понимаю эшого, отвѣчала Гандольфъ: можетъ быть эпо въ обычаѣ при Дворѣ; на нашихъ островахъ и Король не имѣеть права опнимать собственности у невиннаго челоѣка. —

„Невѣжа! сказаь Карнежи, сползшїй въ почпишельномъ разстоянїи опъ Графа: знаешь ли ты, съ кѣмъ и предъ кѣмъ осмѣливаешься говорить въ шляпѣ!“

— Знаю, что я говорю съ Женомъ Роскелиномъ, и уже сказаь, что мнѣ неизвѣстны придворныя обыкновенїя; а не снимаю шляпы по тому, что простудился, дожидаясь на дворѣ между слугами. —

„Это для тебя очень хорошая компанія, сказала Графиня Роскелия: но кажешься ты научился дерзости отъ этого, который тебя посылаетъ.“

— Не для разговоровъ съ женщинами пришелъ я сюда, возразилъ Гандольфъ, да и не привыкъ къ этому. Заплашишь вы мнѣ деньги, которыхъ требуетъ Сенш-Клеръ? сказалъ онъ Графу. —

„Нѣтъ, отвѣчалъ Графъ: но послушай меня, еслили ты сей же часъ отсюда не выйдешь, то будешь наказанъ за свою наглость!“

— Меня наказывать? повспорилъ онъ: еслилибъ всѣхъ бездѣльниковъ наказывали, то честные люди не были бы пришъсняемы! —

„Говорю тебѣ, поди вонъ, и опиши отвѣтъ мой, или будешь раскаяваться въ своей дерзости!“

— Насшупишь время, когда всѣ виновныя раскаются, сказалъ Гандольфъ, кинувъ съ презрѣніемъ на средину комнаты свою перчатку, попомъ не снимая

пьяны и не кланяясь никому, онъ и его шоварици хотѣли выдти. —

„Слушай, сказала Роскелинъ, что нто значишь, чего ты требуешь отъ меня, видя перчатку, безъ сомнѣнія ты не имѣешь... ты не можешь имѣть дерзости вызывать меня?“

— Я пребую, отвѣчалъ Райдольфъ, шобы ты ее поднялъ. Еспльишь нто вибулъ бросилъ мнѣ перчатку, жопя бышо былъ и самъ Жонъ Роскелинъ, шо я обизанъ буду поднятъ ее. —

„Ты не шо, чѣмъ кажешься по наружности, вскричалъ Роскелинъ.“

Другъ мой! прервала Графиня: шпоишь ли шакъ горячиться на шоварицварь. Не видишь ли, чпо бездѣльникъ, у коего онъ живетъ, нарочно для наглостей послалъ его къ тебѣ? Принажи оруженосцамъ швоимъ взять его подъ шражу, шопъ въ шюрмъ Замка научишся онъ почищать шебя.

— А ты, Сударыня, знай, чпо въ великолѣпнѣмъ залахъ и въ брачной да-

жъ комнатъ скромность и искренность
суть украшеніе женщинъ, и что та, ко-
торая измѣняетъ вѣрности, или про-
даетъ свою честь, есть самая презри-
тельница изъ своего полу! —

„Неспершимъ дерзостью! вскричалъ
Роскелинъ: схватите ихъ и опведите
въ тюрьму! это переодѣтые измѣнники,
и общій покой пребудетъ, чтобы они бы-
ли наказаны.“

— Кто бы насъ наказалъ? отвѣчалъ
Гандольфъ, устремивъ на Графа взоръ,
который принудилъ его пощипать гла-
за свои: безъ сомнѣнія не Жонъ Роске-
линъ, который при всемъ своемъ желаніи
не будетъ имѣть столько смѣлости! —
Поидемъ, продолжалъ онъ, оборотясь къ
своимъ товарищамъ, выйдемъ отсюда —
благоухающій воздухъ въ этой залѣ
очень тяжель для меня. —

„Схватите ихъ! закричалъ Графъ: я
не могу больше ихъ слушать.“

— Однакожъ ты долженъ слушать,
и скоро дашь полной во всемъ отчесть! —

Слуги хотѣли взять Рандольфа и его повариху; но они вынужены изъ подылашья широкія свои мечи пробились до ворошъ, у коихъ стояли ихъ лошади, и сѣвши на нихъ, вскорѣ поперяли изъ виду Замокъ Роскелиновъ. Удвоивъ скоростъ, въ короткое время прѣехали къ заливу Форшскому, чрезъ который переправясь, прибыли въ Першъ и тамъ оспановились, чшобы самимъ имъ и лошадямъ ихъ нѣсколько отдохнушь какъ въ безопасномъ мѣстѣ отъ преслѣдованія Роскелиновъ. Обязанности, которыя должно было имъ выполнитъ по препорученію Росса, Гамильсона и Мак-Грегора, удержали ихъ отъ обратнаго пути на островъ; по дѣламъ Росса и Гамильсона они должны были ѣхать въ Графство Инвернесъ; помѣстѣе же Мак-Грегора находилось не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ они тогда находились.

Въ нѣсколько дней они окончили это дѣло, почему и отправлены немедленно въ Инвернесъ, гдѣ получили зна-

зипельныя суммы съ олкупщиковъ Росса ; но Рандольфъ желалъ видѣться съ сшаршмиъ своимъ брашомъ Сиромъ Александромъ Мак - Грегоромъ , который въ по время находился въ Англии въ Тивельдали.

Съ самага изгнаія меньшаго брата своего Сиръ Александръ пекся о сохраненіи имѣнія его и о вѣрномъ поступленіи съ онаго доходовъ. Но Рандольфу желательно было лично видѣться съ нимъ для совѣщанія о мѣрахъ , какія изгнаннымъ предприняшь должно было ; ибо безъ сомнѣнія Сепш - Клеръ не оставишь безъ ошмщенія оскорбительнаго приняшя шребованій его въ Замкѣ Роскелинъ.

Согласившись съ своими поварищами , Рандольфъ ошправиль на Барру вѣспника съ письмомъ къ Сепш - Клеру , въ кошоромъ увѣдомлялъ его , что ихъ ошсущствіе вѣрояшно продолжишся около двухъ мѣсяцовъ , и пошому принялъ бы онъ шерпѣніе. Наконецъ , чшобъ не лишишь его надежды , скрылъ , сколько могъ , постшупокъ Роскелина , объявилъ также о намѣ-

реніи своемъ посовѣшовавшись съ Сиромъ Александромъ Мак-Грегоромъ, какія мѣры принять имъ лучше.

Распорядившись такимъ образомъ, они повѣхали въ полуденную Шотландію, переодѣвшись прилично своему званію. Пріѣхавши въ Тивельдаль, имѣли удовольствіе заспать Сира Александра Мак-Грегора.

Онъ, какъ хорошій политикъ и военный человекъ, не совѣтовалъ до нѣкотораго времени начинать непріятелискихъ дѣйствій, рѣшая ихъ по обшпояшпелспвамъ самыми опасными для нихъ. Такъ онъ говорилъ онъ, — со дня на день дѣлаются народу ненавистнѣе; но пропивъ нынѣшняго могущества его все усилія будутъ тщетны. Дѣло Сент-Клера справедливо, и я первый не пощажу своей жизни для возвращенія его правъ. Должно только дѣйствовать благоразумно: ударивъ, который нанесши готовимся, мы поразимъ вѣрнѣе; а до того пуская Сент-Клеръ располагаетъ моими

дѣвнѣмъ; я увѣренъ, что со временемъ онъ разочтнется съ своими друзьями.

Поелику же Сиръ Александръ имѣлъ намѣреніе скоро возвратиться въ свои помѣстья, то Рандольфъ и друзья его остались у него, желая быть ему спутниками. По сей-то причинѣ и по другимъ неизбѣжными обстоятельствомъ отсупствствіе ихъ изъ Барры продолжалось около четырехъ мѣсяцовъ, изъ коихъ другъ уже проспало, какъ они оставили островъ.

Коль скоро Сиръ Александръ пригосновился, то они отправились на Барру; число ихъ, считая четырехъ слугъ, состояло изъ девяти человекъ.

На другой день въ вечеру, проѣзжая пустую степь, повстрѣчались они съ верховымъ въ ливреѣ фамиліи Роскелина, который скоро проскакалъ мимо ихъ.

Рандольфъ подѣхавши, остановилъ его и сказалъ: „ты очень смѣшишь, другъ мой; не слуга ли ты Графа Роскелина?“

— Нѣтъ, я служу у мащери его Лади Роскелинъ; она слѣдуетъ за мною въ закрышой коляскѣ. —

„У тебя очень богатая госпожа; говоришь, что она была нѣкогда прекраснѣйшая въ Шотландіи женщина?“

— Она была красавица, и теперь также можешь назваться: ей еще сорокъ чепыре года. —

„Такъ ты можешь еще надѣяться имѣть новаго господина? Красота съ богатствомъ рѣдко осмается безъ искашелей.“

— Такъ, она имѣетъ ихъ, но спараніе ихъ щцелшно; все ея вниманіе и любовь обращены на внука, маленькаго Моншроза Роскелина, сына Графа Жона; она была съ нимъ два мѣсяца на своей дачѣ Евздалъ, и теперь возвращается съ нимъ въ Замокъ Роскелинъ. —

— Это диня должно бышь малолѣшно, сказала Рандольфъ: кажется мнѣ, что Графъ недавно женился?“

— Около трехъ лѣтъ, сказалъ слуга : а маленькому Графу только одинъ годъ и два мѣсяца ; это прекрасное дитя ! Одвакожъ , прости же , сударь , вечеръ наспунаешь ; я спѣшу впередъ пригото-вить госпожѣ моей хорошій ночлегъ . — Съ симъ словомъ прищпорилъ онъ свою ло-шадь и ускакалъ изъ виду . Рандольфъ ос-шановился и осшановилъ своихъ шевари-щей . „Братецъ ! сказалъ онъ : мщеніе въ нашей власни , и Сенш - Клеръ будетъ свободенъ ; я надѣюсь , что вы не оп-кажетея согласишься на мое предпріа-шіе , которое очень легко выполнишь .“

— Я не понимаю своихъ мыслей , ска-залъ Александръ Мак - Грегоръ : ежели ты думаешь о Ладѣ Роскелинъ , то долженъ знать , что она ему величайшая непріа-шельница . —

„Я это знаю ; но не объ ней думаю : ея внукъ Монпрозь не можетъ ли быть выкупомъ за Сенш - Клера ? Ежели онъ попадетъ на нашъ островъ , то ни Графъ Роскелинъ , ни самъ Іаковъ не рѣшатся на-

наспѣ на изгнанниковъ; но еспѣли осмѣ-
ляпся, то они могупъ уѣхать въ Нор-
вегію, гдѣ будущъ находишься въ безо-
пасности.“

— Почеспи, сказалъ Сиръ-Александръ:
это будешъ для нихъ неожиданный ударъ,
еспѣли бы шолько удалось. —

„Какъ не удашься, прервалъ Рандольфъ;
будучи такъ вооружены, мы не боимся
непріятелей, хотя бы ихъ было вшрое
болѣе насъ. Сверхъ того ночь наспу-
наешъ; насъ не зкуютъ и будущъ шолько
подозрѣвашъ набѣгъ Англичанъ, желаю-
щихъ взять выкупъ.“

Подумавши немного, Сиръ Александръ
одобрилъ планъ, собралъ всѣхъ людей, и
сообщивъ имъ оный, приказалъ подѣ кня-
швою хранишь въ шайнѣ.

Лишь шолько успѣли они кончить
это, какъ примѣнили приближающую-
ся коляску; чепыре всадника ѣхали впе-
реди, шесшь позади и по два по споро-
намъ коляски. Число сіе, повидимому, бы-
ло досмашочнымъ въ мирное время. Раз-

Рандольфъ прежде всѣхъ подвѣжалъ къ коляскѣ и приказалъ оснзновившись; но видя упорство, онъ низвергъ кучера, и пошлись все пришло въ замѣшательство и ужасъ. Провожашые, на которыхъ напали, не знали числа нападающихъ, коихъ по причинѣ мрачной ночи казалось больше. Никшо не смѣй пошевеливаться! вскричалъ Рандольфъ: мы не причинимъ вамъ никакого зла, а только хотимъ сказать нѣсколько словъ Лади Роскелинъ; сопротивление бесполезно.

Однакожь вѣрные слуги попыпались было еще пропивиться, нока нѣкоторые изъ нихъ отъ неуспрашимости Рандольфа и его поварицей не пали на мѣстѣ. Послѣ чего одни разбѣжались, а другіе положили оружіе и просили пощады. Рандольфъ подошедъ тогда къ коляскѣ, въ коей сидѣла Лади Роскелинъ и три другія женщины, изъ коихъ одна держала на колѣнахъ маленькаго Моншроза, спокойно спящаго, не смотря на шумъ, который вокругъ его происходилъ.

Лади Роскелинъ, думая, что это были разбойники, съ поспѣшностію подавала имъ свой кошелекъ, браслеты, бриліанты и проч.; но Рандольфъ ошполкнувъ ея руку, сказалъ: намъ ненужно вашего золоща и вещей, Милади; мы хопимъ шольчо взять маленькаго Лорда Роскелина; за него можно получишь хорошій выкупъ, а между тѣмъ будемъ прилагать о немъ всякое попеченіе. Сказавши это, онъ хопѣлъ взять дичя; но Лади Роскелинъ кинулась предъ нимъ на колѣни и умоляла прогашельнѣйшимъ образомъ ошавишь его. Рандольфъ былъ глухъ къ ея просьбамъ и непреклоненъ къ слезамъ; препенущей ошъ спраха женщинѣ велѣлъ онъ опдашь дичя, и она принуждена была ушупишь силѣ. Онъ взялъ Графа, завернулъ въ свою мантію и прижалъ съ нѣжною пію къ груди своей; безушѣшной же его бабушкѣ сказалъ: „будьте спокойны въ разужденіи его, даже когда бы сердца наши лишились чувспвишельности,

какъ лишилось ваше, и тогда бы онъ былъ въ опасности; ибо наша польза заславивъ насъ хранишь его, а вы знаете, Милади, сколь сильна эта причина. — Прощайте!“

— Скажите по крайней мѣрѣ, куда вы его везете? вскричала она въ величайшемъ опчаянн, чтобы приготовить и послать требуемый вами выкупъ? —

„Въ Англiю. Будьте спокойны; мы обѣщаемъ, что онъ будетъ въ опасности.“

Онъ далъ приказанiе своимъ товарищамъ, сѣлъ на лошадь съ своею маленькою ношею, и поѣхалъ по дорогѣ къ Англiи, чтобы обмануть людей, коихъ могли послать ихъ преслѣдовать.

Прѣжавши нѣсколько миль, они сворошили съ дороги и скрылись между двумя горами. Одинъ изъ товарищей былъ посланъ въ деревню купить припасовъ; онъ возвратившись, привезъ хлѣба, вина и молока, котораго Рандольфъ далъ диняши, когда онъ проснулся.

Маленькой Моншрозъ сначала осмо-
трѣвшись вокругъ себя съ испуганнымъ
видомъ, горько заплакалъ; но Рандольфъ,
лаская его забавляя — и онъ въ корот-
кое время нѣкъ познакомился съ своимъ
похитителемъ, что гладилъ своею ма-
ленькою рученкою по загорѣвшему лицу
воина, игралъ его мечемъ, и ѣлъ съ охо-
ткою, что давалъ ему Рандольфъ.

„Почести, славалъ Сиръ Александръ,
смѣяеъ, природа чрезвычайно ошиблась,
сдѣлавши изъ меня воина; ты имѣешь
превосходнѣйшія качества. бышь совер-
шенною нянькою.“

— Клянусь Небомъ, сказалъ Рандольфъ,
качая дичя у себя на рукахъ: шеперь,
когда онъ не заразишься развращеніемъ
Двора, гордостію и высокоуміемъ сво-
ей фамиліи, ручаюсь, что сдѣлаешься
славнымъ и мужественнымъ Рыцаремъ.
Посмотрите, сказалъ онъ, поднесши
спаканъ вина къ губамъ его, которое
дичя пилъ съ удовольствіемъ: онъ уже

пѣсть какъ изгнанникъ; я увѣряю васъ, что онъ похожъ на Сенш-Клера.

Опдохнувши нѣсколько минутъ, они сѣли на лошадей и поѣхали въ Думфрїи. Маленькой Монпрозь сидѣлъ передъ Рандольфомъ и, повидимому, забавлялся движеньемъ лошади и всѣмъ, что предшлялось глазамъ его. Опдохнувъ нѣсколько въ Думфрїи, поѣхали въ Киркандбригль, гдѣ нашли судно, идущее въ Поршпарликъ. Они сѣли на него и при попушномъ вѣтрѣ вскорѣ прїѣхали въ Ирландію, гдѣ опдохнувши нѣсколько времени, взяли шамъ женщину ходишь за дышяшею; на другомъ суднѣ прибыли пошомъ на Барру, оставивши Сиръ Алексантра и спутниковъ его, который возвратился домой, проживши нѣсколько недѣль въ Ирландїи.

Въ продолженіе сего времени извѣстіе о похищенїи дышяши достигло въ Рокелинъ; розыски повсюду были чинимы, но прежде всего въ Англїи, куда, думали, онъ былъ отвезенъ: никто не

могъ воображать, чшобы его взяли вмѣсто залога и для выкупа Сенш - Клера. Хотя же Графъ Роскелия и зналъ, что Рандольфъ и его шоварищи не шо были, чѣмъ казались по наружности; но какъ довольно прошекло времени между ихъ пощщеніемъ Замка Роскелина и похищеніемъ дшпяши, случившимся на границахъ Англіи, повѣренныешъ Сенш - Клера не имѣли надобности шуда ѣхать, а должны были, по мнѣнію Графа, возвратиться на свои острова: шо соображеніе сіе и отклонило опъ нихъ подозрѣніе. Ежедневно ожидали шребованія о выкупѣ маленькаго Монпроза, и въ эшомъ положеніи дѣль Графиня произвела на свѣшъ вшораго сына, кошорый ешъли не изгладилъ воспоминанія о старшемъ, шо по крайней мѣрѣ уменьшилъ нѣсколькo печаль о его потерѣ.

Г Л А В А IV.

Рандольфъ и его поварищи, приставши къ берегамъ Барры, вышли изъ судна, и приказавъ кормилицѣ дитяши за собою слѣдовать, пошли къ крѣпости. Рандольфъ несъ юнаго Роскелина, копорый шакъ былъ уже къ нему привязанъ, что предпочиталъ его всякому другому.

Дорогою встрѣшили они пастуха, играваго на рожкѣ. Рандольфъ приказалъ ему идти впереди себя, играя самую веселую пѣсню — и такимъ образомъ дошли они къ башнѣ Маклеода.

Сенип-Клеръ и друзья его были въ большой залѣ, какъ вдругъ звукъ паспущьяго рога и побѣдovосные крики поразили его слухъ. — Это безъ сомнѣнiя Рандольфъ, вскричалъ онъ, вскочивши поспѣшно. Но къ чему эти восклицанiя, я не могу понять!

Онъ хотѣлъ поспѣшь выдти на встрѣчу своему другу; но Рандольфъ вошелъ, крича: шоржешувуй, Сенип-Клеръ!

я веду къ тебѣ знаменипаго плѣнника, вѣрной залогъ своего удовольстворенія и что должно быть для тебя всего драгоценнѣе — я разшерзалъ сердца враговъ твоихъ. Преспри объяснiя свои, Сенш-Клеръ! и прими даръ, который я тебѣ даю: это наслѣдникъ Роскелиновъ, юный Лордъ Монпрозь!

Сенш-Клеръ ошполбенѣлъ онъ удивленiя; онъ устремилъ взоры на дитя и дрожалъ, какъ бы взирая на змѣю. Невозможно! произнеешь онъ наконецъ: но положимъ, что это правда, чтожь сдѣлало мнѣ дитя Жона Роскелина?

„Какой вопросъ! возразилъ Рандольфъ: это дитя возвращаетъ тебѣ свободу, достоинства, имѣнiе.“

— Я не знаю какъ, возразилъ Сенш-Клеръ: но прошу тебя, другъ мой, изъясни мнѣ столь чудесную штуку; ибо я увѣренъ, что это не можешь быть иначе. —

„Это совершенная правда, и въ короткихъ словахъ я тебѣ все изъясню.“

Жонъ Рокелинъ гнусно поступилъ съ нами, и щастіе доставило намъ средство опмспити ему, завлекши это дитя на дорогу, по кой мы ѡжали. Будь увѣренъ, Сент-Клеръ, что родители его ради будущъ отдашь за него все, что они у тебя опняли.“

— Бѣдное дитя! сказалъ Сент-Клеръ съ чувствомъ сожалѣнія и гнѣва: не уже ли осужденъ ты спрадать за пресвуупленія живоижъ родителей? —

„Онъ не подвергнется спраданію, сказалъ Рандольфъ, но будешь щаспливъ съ нами. Чпожъ касается до его родителей, они наказаны справедливо.“

— Безъ сомнѣнія, сказалъ Сент-Клеръ: но извини меня, Рандольфъ, я не хочу возвращать собственности моей такимъ средствомъ, и ни чѣмъ не желаю бытъ обязанъ дитяти. —

Рандольфъ пошупилъ глаза съ него дованіемъ. „Вотъ какъ привимаюшся, сказалъ онъ, доказательсшва моей вѣрности и дружбы!“

— Милый Рандольфъ ! сказала ему Сент-Клеръ : я чувствую всю великость твоей дружбы ; но подумай , какими глазами долженъ я смотрѣть на это дѣло : со стороны отца его гордость , прищворство , жадность , со стороны же мащери вѣроломство , подлость и обманъ . —

„Клянусь жизнью , сказала Рандольфъ : ежли сынъ будетъ сходенъ съ ними въ сихъ качествахъ , то его физіогномія очень обманчива.“

— Онъ поразительное имѣетъ сходство съ Сент-Клеромъ , замѣнилъ Гамильшонъ ? —

„Ничего въшь справедливѣе , прибавилъ дю Гургъ : это совершенно его черты ; что скажешь ты объ этомъ Сент-Клеръ ? не уже ли въшь очень обыкновенной причины этому сходству?“

— Оставимъ шушки , возразилъ Сент-Клеръ : сдѣлай милость , Рандольфъ , изясни мнѣ это происшествіе ! —

Рандольфъ подробно рассказалъ ему обо всемъ своемъ путешествіи ; сказала ему

что Сиръ Александръ одобрялъ это предпріятіе, но не одобрялъ шѣхъ мѣръ, какія они хотѣли предпринять для полученія собственности Сенш-Клера. Онъ кончилъ сими словами: „пріѣхавши въ Ирландію, я успалъ бышь нянькою и нанялъ старую женщину. Не нужно было для нее большихъ объясненій; я сказалъ ей, что везъ дитя къ отцу его Сенш-Клеру Моншею, потому что мать его умерла, и перемѣнилъ имя его Монпрозь Роскелинъ на Рандольфа Моншея; въ самомъ же дѣлѣ думаю, ты долженъ гордиться своимъ сыномъ шакъ, какъ я своимъ крестникомъ.“

Сенш-Клеръ скрылъ то, о чемъ думалъ, а только сказалъ послѣ минушнаго молчанія: — я шѣмъ болѣе огорченъ симъ произшествіемъ, что лица дѣшней перемѣняются чрезвычайно; очень можешь спашься, что его въ послѣдствіи не признають, и фамилія его поступишь съ нами, какъ съ обманщикомъ. —

„Этому не лзя бышь, возразилъ Рандольфъ: природа позаботилась напечатлѣнь на немъ право рожденія неоспоримымъ знакомъ.“ Говоря это, онъ приподнялъ рукавъ у мальюпки, и показалъ руку его, на которой было красное какъ кровь пятно съ кисти до локтя.

— Этому знакъ, сказала Сенш-Клерт, послужимъ нѣкогда доказательствомъ правъ его рожденія; но что касается до выкупа, то рѣшительно объявляю, что не хочу его получить. Довольно объ этомъ предметѣ; пусть дитя съ своею кормилицею усюкоится опъ пуши, а мы, друзья мои, поидемъ праздновать ваше щасливое возвращеніе; забудемъ Роскелиновъ и посвятимъ ночь веселію. Завтра мы поговоримъ объ этомъ дѣлѣ. —

Они сѣли вокругъ стола; наилучшія вина были вынуты изъ погреба, кубки беспресщанно передавались, и вечеръ прошелъ въ веселіи; но ни удовольствія за столомъ, ни возвращеніе Рандольфа не могли изгнать изъ Сенш-Клера печали о

присидеицеиъ. Удалясь въ свою комна-
ту, онъ предался размышленію, и горестъ
его усугубилась. Онъ чувствовалъ всю
силу дружбы, которая заставила Ран-
дольфа рѣшиться на поступокъ не столь
честный, но которой казался ему столь
же не предосудительнымъ, какъ и взявъ
въ плѣнъ на сраженіи. . . . Я ли шопъ,
говорилъ самъ себѣ Сенш-Клеръ, воспи-
танникъ благороднаго и храбраго Мэн-
тея, который захопѣлъ бы возвращить
себѣ свободу эшимъ недоспойнымъ по-
ступкомъ похищеніемъ слабаго дитяи?
Мщеніе безъ сомнѣнія есть мой долгъ и
сердечное желаніе; но я хочу опмстить
за себя не такимъ недостойнымъ обра-
зомъ, а какъ прилично храброму Рыцарю.
О! еслили бы вмѣсто этого дитяи
я всерѣшилъ когда нибудь его опца, и
еслили бы я тогда не показалъ ему и-
стиннаго благородства крови, текущей
въ моихъ жилахъ, и подлоспи его: по
пущъ пребудешь на мнѣ всегда прокля-
шіе Неба!

Однако же онъ былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ, совершенно не зналъ, что ему дѣлать съ дитяшею; не возможно было отослать его родителямъ, не вовлеки Рандольфа въ несчастіе, и поссориться съ нимъ въ такое время, когда онъ далъ ему столь сильное доказащельство своей дружбы, было равномѣрно невозможно; ибо тогда не только Рандольфъ, но и всѣ друзья Сенш-Клера возпали бы прошивъ него. Они всѣ объявили, что почишали маленькаго Мовпроза за важнѣйшаго плѣнника, который можешь сдѣлаться для нихъ нѣкогда полезнымъ; всѣ благодарили Рандольфа за важную его услугу; и шакъ Сенш-Клеръ рѣшился хранить его нѣсколько времени, чшобы посмѣ рѣшиться на что нибудь лучшее. На другой день была изгошовлена въ крѣпости комната для дитяши и его няньки. Наиболѣе причиняло горести Сенш-Клеру, что онъ долженъ былъ почищать его ошцемъ, какъ Рандольфъ сказалъ нянькѣ — и должно было продолжашь

обманъ, а иначе женщина возымѣла бы подозрѣніе.

Въ короткое время Рандольфъ, какъ его называли, сдѣлался любимцемъ всѣхъ изгнанниковъ, исключая Сенш-Клера, который видѣлъ его каждый день съ шестымъ чувствомъ и почти съ отвращеніемъ; ибо по справедливости своей онъ не могъ ненавидѣть дѣла, а ненавидѣлъ однѣ воспоминанія, къ которымъ онъ подавало ему случай. Однако вліяніе прелестной юности и невинности, сердцемъ отъ природы добрымъ, было велико, такъ Сенш-Клеръ иногда забывалъ, кому маляшка одолженъ жизни, и съ нѣжностью ласкалъ его. Но имя отца, которое юный Рандольфъ началъ выговаривать, поражало его всегда какъ электрическій ударъ и возбуждало въ немъ гнѣвъ.

Уже два мѣсяца дѣла находилось на Баррѣ, какъ рыбацье судно привезло туда незнакомца, который спрашивалъ Сенш-Клера, и просилъ позволенія съ нимъ поговорить. Онъ съ осторожно-

стию былъ введенъ въ крѣпость. Моншей удивился, увидя прекраснѣйшаго молодого человѣка, чрезвычайно хорошо одѣтаго, и который по всему казался значущее, а не изъ числа простыхъ сс-провиантъ, какія обыкновенно его посѣщали. Его станъ былъ понокъ и прекрасенъ, черты лица совершенно правильны, и его прекраснѣйшая физіономія показывала очаровательное смѣшеніе чувствительности, нѣжности и достоинства. Онъ вошедши поклонился, и сказалъ: „я желаю говорить съ Сенш-Клеромъ Моншеемъ; прошу васъ мнѣ его показать.“

— Это я, сказалъ Сенш-Клеръ: и ешьли судишь по особѣ, которую ко мнѣ посылаюшь, то дѣло, о коемъ мнѣ хочишь говорить, должно бышь очень пріятно! — Сенш-Клеръ просилъ осматривать его одного съ незнакомцемъ, и друзья его вышли.

„Я надѣюсь въ самомъ дѣлѣ, что оно вамъ будетъ пріятно, сказалъ прекрасной молодой человѣкъ: пашь недѣль

какъ я оставилъ? Дворъ Шотландскій; предъ моимъ отъѣздомъ ввѣрили мнѣ для доставленія вамъ маленькой ларчикъ, еслили буду имѣнь къ тому случай. Для сего единственно переплылъ я море изъ Россѣскихъ, и рѣдуюсь, что вѣрно исполнилъ сдѣланное мнѣ порученіе.“ Сказавши это, онъ вручилъ Сент-Клеру запечатанный ларчикъ.

— Любезный незнакомецъ! сказалъ Сент-Клеръ, принявши его: не сдѣлаешь ли ты мнѣ милости, сказавъ, что въ немъ заключается, и къ что его посылаютъ? —

„Этого я не знаю, сказалъ молодой человекъ: мнѣ приказано только вамъ его вручить; открывши его, вы можете быть это узнаете, а я между тѣмъ выйду, чтобы вы все могли разсмотрѣть.“

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сент-Клеръ: прошу садиться; я открою его при васъ. — Онъ разломилъ печать, открылъ ларчикъ и, къ чрезвычайному своему удивленію, примѣтилъ въ немъ прекраснѣйшую золотую цѣпь, принадлежавшую дядѣ его Мон-

шею, другія драгоценности и кошелекъ съ шестидесятью марками, а на днѣ ларчика слѣдующее письмо :

„Драгоценныя вещи и деньги, заключающіяся въ эпомъ ларчикѣ, принадлежатъ Сенш-Клеру Моншею; они возвращаются ему однимъ другомъ, кошорый увѣщаваетъ его бытъ шерпѣливымъ; въ настоящемъ положеніи, всякое покушеніе оставишь мѣсто своего изгнанія для него пагубно: ибо враги его ищутъ только случая, чшобъ лишить его жизни. Просимъ Сенш-Клера дать посланному какую нибудь бездѣлку, чшобъ показать, что ларчикъ ему вѣрно доставленъ.“

— Спранно, сказалъ Сенш-Клеръ: всѣ эти драгоценности принадлежали моему дядѣ. Какъ же они не попали въ руки грабителей, особенно деньги? Я непременно хочу знать ошъ себя, кто эшопъ незнакомый другъ, кошорой оказалъ мнѣ эшо одолженіе? —

„Я очень молодъ, возразилъ незнакомецъ, но могу однако же хранить тайну. Извините меня и не спрашивайте болѣе, или я ничего не знаю, и не измѣню шайнѣ друга.“

— Хорошо, молодой человекъ! но позволь мнѣ еще сдѣлать себѣ одинъ вопросъ. Жонъ Роскелинъ, или Карнежи участвуютъ ли въ этой посылкѣ? —

„Нѣтъ, клянусь честію!“

— Однакожъ все мое имѣніе въ ихъ рукахъ? —

„Безъ сомнѣнія; но они не могутъ ни продать, ни заложить вашей собственности. Наконецъ вы еще вѣроятно получите извѣстіе отъ погожъ друга, кошорой вамъ это посылаетъ; но я буду просить его поручить это другому, пошому что не люблю вопросовъ.“

— Этошь подарокъ — ибо я не могу иначе думать — потерялъ бы половину цѣны своей, ешьли бы врученъ мнѣ былъ другимъ. Разумъ и обращеніе твое мнѣ

правятся ; ты говоришь , что прїѣхалъ
ещь Двора : что тамъ теперь дѣлается ? —

„Мало хорошаго : Король въ без-
преспанной ссорѣ съ Вельможами ; очень
сожалѣюшь о спаромъ Регентѣ ; за три
мѣсяца маленькой Монпрозь Роскелинъ
похищенъ разбойниками на границѣхъ Ан-
глїи и по сихъ поръ нѣтъ о немъ ника-
кого извѣстія.“

— Вся фамилїа должна быть этимъ
очень огорчена ? — сказала Сент - Клеръ .

„Это правда , что Графъ и Лади
Роскелинъ очень чувствують эту поте-
рю ; но молодая Графиня Елеовора переменола
это совершенно равнодушно : кажеши серд-
це маэри должно быть разперзано ? —

— Конечно ; но естѣли я не ошиба-
юсь , то Графиня не имѣеши маэринскаго
сердца . Я вижу , что ты ее знаеши , сказала
Сент - Клеръ съ смущенїемъ : лице ея очень
обманчиво , подъ личиною ангела скрѣ-
ваеши злоба , неблагодарисши и лжи-
востъ дїавола ! —

„Вы говорите съ смущеніемъ, Сент-Клеръ! Сказываютъ, что вы были въ нее влюблены, и что она много причинила вамъ зла?“

— Я все забылъ. Сколько тебѣ лѣтъ, молодой человѣкъ? —

„Девятнадцать лѣтъ.“

— Я считалъ, что тебѣ только пятнадцать, или шестнадцать лѣтъ. Ты говоришь, что не любишь вопросовъ, и я боюсь тебѣ ихъ дѣлать; однако же участье, которое ты мнѣ внушаешь, принуждаетъ меня къ тому. Гдѣ ты живешь? имѣешь ли при Дворѣ какое мѣсто? —

„Нѣтъ, я не люблю Двора; оспровъ Барра гораздо мнѣ лучше нравится.“

— Это странно! но ты станешь иначе думать, прекрасной молодой человѣкъ, когда дамы будутъ искать швей любви! —

„А когда они ее получаютъ, то для того только, чтобы пожертвовашъ мною первому бездѣльнику, который будетъ меня богаче. Не такъ ли, Моншей, дѣлаешь на свѣщѣ?“

— Я съ побою еогласенъ; но ты мнѣ кажешься очеѣ свѣдущъ — ты менѣ будешь обмануть, нежели другой. —

„Я шакже думаю; ибо желаю, чѣпобъ дѣвица, кошерую я спану любить, одного меня любила, и гоповабъ была на все; чѣпобы шолько мнѣ понравилъся, чѣпобы раздѣляла мою бѣдноспъ, какъ я гоповъ раздѣлять ея.“

— Молодой человекъ! сказалъ Сенш-Клеръ улыбаясь: ясно видно, что тебѣ шолько девашнадцашъ лѣшъ; ищи своего Феникса, и когда найдешь ее, шо опдай ей эпу цѣпъ и скажи, чѣпо изгнанникъ Сенш-Клеръ почишаетъ ее выше всѣхъ женщинъ. —

„Вы забыли, сказалъ незнакомецъ, чѣпо она шлишкомъ превосходитъ другихъ женщинъ, чѣпобы бышь привязанной къ золопу; а въ соспоянн, въ какомъ шеперь ваши доходы, это можешъ бышь употреблено полезнѣ. Извините меня; еспъли я опъ нее опкажусъ; дайше мнѣ проспое кольцо, кошорое будетъ имѣшь.

тут же цѣну въ глазахъ моихъ, дабы увѣришь вашего друга, что я вѣрно исполнилъ его порученіе.“

— Для него довольно и кольца; но я себя прошу принять эту цѣпь въ память Сенш - Клера. Если бы я былъ счастливѣе, то просилъ бы твоей дружбы, но я довольно имѣю поварихей въ моемъ злополучіи; однакъжъ, если когда-либо въ несчастіи понадѣбился шебѣ другъ, то вспомни тогда о Сенш - Клерѣ и возвратись къ нему. —

„Я возвращусь къ вамъ, сказалъ молодой человекъ, взявши руку Моншей и приложивъ ее къ губамъ своимъ: время и игра счастья не щадяшъ никого; но будьте увѣрены Моншей, что жребій вашъ переменится. Вы имѣете друзей, кои гдѣмъ безпрестанно занимающся, и которые не упускаютъ ни одного случая, чтобы только возвратили вамъ свободу.“

— Почемужъ бы, сказалъ Сенш-Клеръ, не открылъ мнѣ имени друзей сихъ, чтобы я могъ засвидѣтельствовать имъ мою

призчателность? Скажи мнѣ по крайней мѣрѣ, какъ тебя зовутъ? —

„Амврозіемъ. Я лишился родителей и живу съ жестокимъ опекуномъ, кошмарный управляетъ дни мои.

— Бѣдный молодой человекъ! но ты имѣешь друга? Давшій тебѣ это порученіе, также долженъ быть твоимъ другомъ, судя по его довѣренности. —

„Безъ сомнѣнія; но онъ мало имѣетъ способствъ; они столь же ограничены, какъ и мои. Если бы онъ могъ дѣлать все, что желаетъ, то всѣ благополучія земныя были бы удѣломъ Сенш-Клера!“

— Благодарю тебя за него. Но очаровательность твоего разговора заставила меня забыть правила гостепріимства; пойдемъ, я представлю тебя моимъ друзьямъ — ты отдохнешь у насъ нѣсколько времени. —

„Никакъ не лзя; мнѣ надобно завтра по утру ѣхать.“

— Жаль, очень жаль! Возьми эпощъ персень и опдай его эпощу спайнсвен-кому другу; скажи ему, что его внимание заспавляетъ меня чувствованъ опяшь цѣну жизни. — Чпожъ до тебя касает-ся, милый Амврозій, я спребую, чпобъ ты принялъ цѣпъ, и не ожидаю опка-зу. — Сказавши это, онъ накинупъ ее на шею молодого чеповѣка споль быспро, чпо спощъ не могъ опъ спого зацциспить-ся. Амврозій очень покраснѣлъ, и казал-ся смущеннымъ. Сени - Клеръ улыбулся. — Эпощъ вѣжной румянецъ, сказалъ онъ, сполько приспалъ къ тебѣ, чпо возбу-дилъ бы зависпъ въ прелеспвѣйшихъ жец-щинахъ! —

„Не упрекайте меня въ спощъ, чпо не опъ меня зависпъ, сказалъ ему мо-лодой чеповѣкъ съ величайшимъ замѣша-пельспвомъ; поспощъ оправаясь вѣсколько, присовокупилъ: я посмопру, не можно ли мнѣ будепъ принять мужеспвеннѣй-шаго вида опъ бурного воздуха опспро-

ва Барры и опъ солнечнаго жара на вашихъ горахъ?"

— Мы будемъ шебъ очень рады; но пойдёмъ къ сполу. Ты не найдешь у изгнанниковъ придворной роскоши, но наши честныя и искреннія сердца предложашъ шебъ просной споль, и будущъ всегда готовы исполнишь все, что объщашъ. — Сказавши эшо, Сенш-Клеръ опвелъ его въ комнату, гдѣ находились изгнанники и накрышый споль. Онъ имъ предспавиль молодаго Амврозія, который опъ всѣхъ былъ дружески приняшъ.

Г Л А В А V.

Сенш - Клеръ посадиль своего гостя подлѣ себя; прочіе шакже сѣли за споль. Каждый внимательно разсмаприваль незнакомца, который не обращаль на шо никакого вниманія, и говорилъ очень мало. Когда подали десертъ и поставили напишки, шо онъ, не омотря на всѣ убъ-

жденія, ошказался опшь пишья, говоря, что вино для него вредно, и насилу за-спавили его согласишься выпишь онаго не много съ водою, дабы принять уча-спіе въ шоссахъ, копорые цили.

Рыцарь дю Бургъ, сидѣвшій подлѣ незнакомца, смопрѣлъ на него съ такимъ вниманіемъ, копорое очевидно приводило его въ замѣшательство; наконецъ обра-шась къ нему съ улыбкою, и взявши его за руку, въ коей онъ держалъ кубокъ, ска-залъ: „я могу рѣшишь вопросъ о кра-сошѣ рукъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, или Англинскихъ, и признаюсь, что ни гдѣ не видалъ такихъ, копорыябъ могли еравнишься съ швоими!“

— Я не люблю комплиментовъ, опшвѣчалъ молодой человекъ, опнявъ свою руку съ гордостію, и не думалъ слышашъ ихъ на островѣ Баррѣ. —

„Испинна можетъ бышь выслушана и сказана вездѣ, сказалъ Рыцарь.“

— Не естъ и шакія испинны, ко-порыя непріятно слушашь, и копорыя

вмѣстѣ похвалы можно почестъ укоризною. —

„Эпошъ Рыцарь Французъ, сказалъ Сенш-Клеръ: и ты безъ сомвѣнія знаешь Амврозій, что языкъ ласкашества есть природной его языкъ; слѣдовательно не ожидай отъ него скромности. Французъ увѣренъ, что комплименты всегда принимаются съ удовольствіемъ, и пошому не хочешь опьыкаться опъ своей учтивости.“

— Здѣсь нѣтъ женщинъ, сказалъ Рыцарь, съ ишпорыми бы я могъ продолжати эпошъ навькъ. Вошъ каково опьвращеніе нашего начальника къ женщинамъ! Не часъ его придетъ, и я порадуясь, увидя его эпошь же нѣжнымъ и учтивымъ, какъ я! —

„Не знаю, когда ударитъ эпоша часъ; а до сей минушъ сердце мое свободно, и я поспараюсь сохранити его шакимъ навсегда.“

Россъ, Гамильшонъ и пречіе вмѣшались въ разговоръ, кошорый съ пріятностію обратился на пошторонніе предме-

шты. Незнакомецъ принялъ въ немъ уча-
 сшіе, но такъ, какъ прилично было его
 лѣтамъ. Онъ показалъ довольно позна-
 нія о свѣтѣ и Дворѣ; но въ мнѣніяхъ
 своихъ былъ оспорженъ и скроменъ.

Сполн. продолжался за полночь. Сенш-
 Клеръ вспалъ, и взявши подъ руку своего
 гостя, ошвелъ его въ пригоповленную для
 него комнашу въ крѣпости, гдѣ пожавъ
 ему руку, пожелалъ доброй ночи.

Сенш - Клеръ вспалъ по утру очень
 рано. Тайна, съ какою вручены ему были
 вещи и золото, любезный незнакомецъ,
 привезшій эту посылку, незнакомый
 другъ къ нему писавшій — попеременно
 занимали его воображеніе и мысли. Ве-
 щи ему принадлежали, въ эпомъ не лзя
 было сомнѣваться; но имѣли ли онъ ша-
 кое же право на деньги? . . . Опъ извѣ-
 стной ненависти Графа Жона Роскелинъ
 и мапери его онъ не могъ ожидать ника-
 кой помощи, и однако же они одни мо-
 гли обладать этими вещами. — Теряясь
 въ догадкахъ, Сенш - Клеръ пошелъ пре-

гуляться по берегу, какъ къ величайшему удивленію увидѣль вдали маленькое судно, въ коемъ пріѣхалъ незнакомецъ, и самаго Амврозія, споящаго на палубѣ и прощающагося съ нимъ рукою; онъ приложилъ ее къ сердцу и пропянулъ еще къ Сент-Клеру въ знакъ дружбы. Сент-Клеръ сложилъ свои руки, умоляя его возвратиться; но лодка продолжала путь свой. Сент-Клеръ до шѣхъ перъ не переставалъ смотрѣть на прелестнаго Амврозія, пока совершенно не пошерялъ его изъ виду.

Погруженъ будучи въ мысли, онъ возвратился въ крѣпость, и собравъ друзей своихъ, увѣдомилъ ихъ о спраннымъ шпѣздѣ Амврозія. Ихъ мнѣнія были различны; нѣкоторые почипали Амврозія шпіономъ Роскединовъ, и поздравляли Сент-Клера, что онъ не видалъ Монпроза; другіе шочно вѣрили словамъ молодаго челоувка, что онъ посланъ отъ какого нибудь шайнаго друга Сент-Клера. Онъ самъ былъ шого же мнѣнія и удивлял-

ся только странности и скорости его отъезда, подавшего ему некогда подозрѣнія.

„Моя мысль объ этомъ совершенно отлична отъ вашихъ, сказала Рыцарю Бургъ: вы судите о вещи, какъ люди и воины; а я какъ Французскій Рыцарь, какъ обожатель красоты, и увѣренъ, что мои подозрѣнія о молодомъ Амврозіи справедливы. Я думалъ сначала, что Сенп-Клеръ былъ участникомъ тайны, но теперь вижу противоположное; я разсматривалъ этого молодого человека: прелесть его сана, живость румянца, кротость взоровъ его, близость и прелестью окладъ руки, и что убедительнее всего, шептаніе моего сердца, когда я сидѣлъ подлѣ Амврозіа — увѣряетъ меня, что онъ дѣвица, или Ангель!“

— Какое заблужденіе! возразилъ Сенп-Клеръ: за чѣмъ такая дѣвица, пріѣдетъ на Барру? —

„За чѣмъ? Чтобы видѣшь и услышать тебя, отвѣчалъ Рыцарь. Ахъ! для чего

Небу не угодно было, чтобы я былъ извѣдлю ея путешествія! — Есльлибъ сердце швое было не каменное, Сенш-Клеръ, шо ты сдѣлалъ бы подобное моему опкрышю!“

Большая часть изъ собранія согласилась съ Рыцаремъ. Они приписывали скорый опъѣздъ мнимаго Амврозія боязни бытъ опкрышымъ, боязни, которую пламенные взоры Рыцаря могли очень оправдать.

Одинъ Сенш-Клеръ продолжалъ опровергать ихъ заключеніе; но должно признаться, что онъ не могъ слышать безъ примѣчанія подозрѣній дю Бурга, ему хотѣлось бытъ одному. Опъ проспился съ своими друзьями ранѣе обыкновеннаго; и когда они его оставили, шо почти неволью мысли его обратились къ камашѣ, гдѣ ночевалъ незнакомецъ. Тамъ новый предметъ удивленія поразилъ его. На столѣ была золотая цѣпь и возлѣ ее записная книжка Амврозія. Сенш-Клеръ нашелъ въ ней слѣдующія слова.

„Будучи пронуть великодушіемъ,
 „кошорое не прилично наспоющему поле-
 „женію вашихъ дѣлъ, я возвращаю вамъ
 „подарокъ, кошорой довольно значите-
 „лень по цѣнѣ своей. Вы можете изъ не-
 „го сдѣлать употребленіе, согласнѣйшее
 „съ моими желаніями, и я долженъ при-
 „бавить увѣреніе, что чувствую всю
 „цѣну сего подарка, хотя и не имѣю
 „нужды въ памятникъ столь драго-
 „цѣнномъ, чтобы воспоминашь ошровъ
 „Барру и благороднаго начальника изгнан-
 „никовъ. Да будетъ онъ увѣренъ, что
 „друзья его занимающія имъ и средсшвами
 „перемѣнишь его жребій, и да позволить
 „мнѣ быть въ числѣ друзей своихъ!“

Амврозій.

Сенш - Клеръ терялся въ догадкахъ.
 Онъ старался припомнить въ мысляхъ
 своихъ каждое слово изъ разговора, ка-
 кой онъ имѣлъ съ молодымъ незнаком-
 цемъ. Ему казалось, что нѣкоторыя изъ
 его выраженій оправдывали подозрѣнія
 друга его дю Бурга, а другія опдалали

ихъ. Наконецъ не зная, что думаешь, и чувствуя, что эта неизвѣстность спановилась ежеминутно пятгоспяѣ, воячески спарался изгнашь ея изъ своихъ мыслей. Нѣшь, нѣшь! говорилъ онъ самъ себѣ: заключенія Рыцаря споль же пусшы, какъ и безумны. Онъ основываетъ ихъ сполько на красопѣ молодого человѣка. Однакожь бывающъ подобные примѣры; и ешьмилице Амврозія имѣешь рѣчно женское, сподуша его кажется споль пвердою, споль выразительною, и умъ споль образованнымъ, что мушинѣ и зрѣлыхъ лѣшь не лзя желашъ болѣе. Безъ сомнѣннѣя, превосходныя дарованія эши рѣже бывающъ вмѣспѣ у молодой женщины, нежели красота у молодого мужчины. Онъ показаль о любви и дружбѣ сужденія нѣсколькo романическнѣя, къ коимъ молодая женщина съ такою красотою, и которая безъ сомнѣннѣя бы ею пщеславилась, была бы не способна; равномѣрно и не имѣла бы такой пвердости опказашъся ошь подарка, продолжалъ онъ, перево-

рачивая золотую цѣпь — по всему видно, что онъ увѣхаль шайно изъ крѣпости для того, чтобы заставить меня принять ее. . . . Нѣшь, нѣшь! это не женщина. Если бы я могъ этому повѣрить, то не захотѣлъ бы пользоваться золотомъ, привезеннымъ ею; но алмазы показываютъ, что я имѣю право на эту посылку, и вѣроятно вздорная мысль дю Бурга не заставитъ меня отказаться отъ столь полезной помощи.

Какъ уже ничего не слышно спало о молодомъ незнакомцѣ, и ничего не послѣдовало изъ спранныго его посвѣщенія, то и спали менѣе имъ занимаясь въ крѣпости; одинъ только Сенш-Клеръ часто объ немъ думалъ, но болѣе отъ признашельности къ незнакомому другу, нежели съ мыслями, относящимися къ молодому посланнику. Онъ столь же неперпѣливо желалъ проникнуть чудное происшествіе и узнать великодушнаго друга, какъ отмстишь за обиды, полученные имъ отъ Роскелиновъ.

Почти въ то же время повальная болѣзнь, нѣсколько уже мѣсяцовъ опустошавшая сосѣдніе острова, достигла также и до Барры. Жители крѣпости, забывъ опасность, поспѣли на помощь несчастнымъ островитянамъ, раздѣляли съ ними всѣ лѣкарства, могущія помочь имъ, и искали всѣхъ возможныхъ средствъ истребить гибельную болѣзнь. Наконецъ она и ихъ коснулась, и крѣпость сдѣлалась въ свою очередь больницею вѣиновъ, погибающихъ отъ заразы. Смерть поразила тѣхъ, кои крѣпостию своего сложенія, казалось, могли сопротивляться ей долгое время, и въ числѣ несчастныхъ жертвъ ея былъ храбрый Рандольфъ Мак-Грегоръ, наилучшій другъ Сенш-Клера, и послѣ того они потеряли еще двухъ своихъ сообщниковъ, изъ добровольно къ нимъ присоединившихся.

Робертъ Мак-Грегоръ, братъ храброго Рандольфа, хотя былъ чрезвычайно опечаленъ, но все меньше, нежели Сенш-

Клеръ. Онъ услуживалъ своему другу днемъ и ночью съ неутомимою бдительностью, и на приближеніе конца его взиралъ съ такимъ отчаяніемъ, превозмогавшимъ иногда и мужество его, что не всегда могъ скрыть это отъ своего умирающаго друга, копорой какъ жилъ, такъ и умеръ безъ боязни и слабости. Въ послѣдній часъ свой спрашивался онъ одной только опасності, коей подвергался Сент - Клеръ, не оставляя его ни на минуту. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, и сказалъ: „Сент-Клеръ! силы мои истощились, я не могу уже поднять меча ни для защиты твоей, ни для мщенія; но сердце мое всегда одинаково. Усерднѣйшее мое желаніе при разставаніи съ міромъ есть то, чтобы ты воспоржествовалъ надъ Роскелинами и опрощилъ имъ за обиды. Обѣщай же мнѣ на смертномъ одрѣ моемъ именованіе нашей дружбы, что ты не откажешься отъ средства, копорое Провидѣніе чрезъ меня, какъ чрезъ свое орудіе, дало тебѣ

въ Монпрозѣ. Ешьли будешь случай, ты можешь упошребить его къ возвращенію похищенныхъ у тебя правъ ; ешьли же нѣтъ, то по крайней мѣрѣ можешь имѣть удовольствіе сдѣлать изъ сына Роскелиновъ храбраго воина и чеспнаго чело-вѣка. Даже, когда онъ возвращень будешь своей гнусной фамиліи, то она не можешь разврашить сердца его , побою образо-ваннаго , ни изшребить чувствъ чеспи и добродѣтели, кои ты въ немъ посѣешь. Чпо касаешься до моей послѣдней воли , то я привель всѣ дѣла мои съ брашомъ въ порядокъ , и прошу у тебя только шоржештвенной кляшвы дѣйшвовать по моимъ желаніямъ ; дай мнѣ ее , Сент-Клеръ , продолжалъ онъ , пропянувъ къ нему охладѣвшую руку свою : и мнѣ нечего уже будешь дѣлать болѣе , какъ шолько покориться своему жребію и умереть спокойно. Такъ , милый Сент-Клеръ ! ешьли душа переживаетъ шѣло , то моя не оставишь ни шебя, ни дитя , кошораго я шебѣ опдалъ ; она безпре-

спянно будете блуждать вокругъ васъ. Дай мнѣ свою руку, и обѣщай съ нимъ не разсваиваться! . . .“

Сенш - Клеръ , проливая слезы , сдѣлалъ , что желалъ другъ его , и далъ ему пребуемое обѣщаніе . Равдольфъ еще разъ хошѣлъ видѣшь жишелей крѣпоспи ; онъ всѣмъ имъ пожалъ руки и съ швердоспію простился съ каждымъ , попомъ умолкъ на нѣсколько часовъ . Сенш - Клеръ , сидѣвшій возлѣ него , съ трудомъ могъ удержатъ свои рыданія . Вдругъ умирающій оборотился къ нему . „ Моншей ! сказалъ онъ : ты слабъ , какъ женщина ! Еслилибъ я палъ на полѣ брани , то ты не сожалѣлъ бы и не оплакивалъ бы меня такимъ образомъ ; будь мужеспивень . Свѣшь не въ самомъ ли дѣлѣ подобень полю сраженія , гдѣ мы всѣ должны пасшь одишь послѣ другаго ? За чѣмъ ты огорчаешся неизбѣжнымъ зломъ , кошорое ешь всеобщее , и кошорое , повѣрь мнѣ , не шакъ шягосшно , какъ думающъ ? —

Ты не увидишь меня болѣе; но я остаюсь съ тобою. — Проси, Сенш-Клеръ!»

Таковы были послѣднiя слова храброго Рандольфа. Товарищи въ глубокой горести окружили его; а Сенш-Клеръ палъ на изголовье постели друга своего, и держа его за руку, самъ казался умершимъ; но чрезъ нѣсколько минушъ поднялся, приложилъ охладѣвшую руку къ губамъ своимъ, проси! вскричалъ онъ, проси; наилучшiй изъ друзей! За чѣмъ, ахъ! за чѣмъ прежде меня? — Пусть все имѣнiе мое останешся у Роскелиновъ, пусть никогда я не опмщу имъ, но только бы могъ возвратить своего друга!

Г Л А В А VI.

Юному наслѣднику Роскелиновъ, или Рандольфу, какъ называли его на островѣ Гаррѣ, исполнилось тогда уже три года. Онъ былъ крѣпокъ, смѣль и рѣзвъ, какъ горная серна. Будучи похищенъ малолѣтнимъ изъ пышнаго жили-

щъ своего отца, онъ вовсе его не помнилъ, и зналъ только островъ Барру, гдѣ былъ щасливъ. Его юное сердце было сильно привязано къ крестному отцу Рандольфу Мак-Грегору; какъ бы врожденное чувство научило его, что ему единственно одолженъ онъ былъ щаспемъ, коимъ наслаждался у изгнанниковъ. Онъ безпреспанно находился подлѣ своего вѣрнаго друга Рандольфа, и сіи слова умѣлъ уже произносить дѣтскимъ своимъ голосомъ; онъ умѣлъ также называть мечъ, шлемъ и многія другія выраженія, которыя крестный отецъ любилъ заставлятъ его выговаривать. Когда скоро онъ просыпался и могъ вырваться изъ рукъ няньки, потчасъ бѣжалъ къ комнашѣ воина. Если находилъ ее запершою, то спущалъ своимъ кулачишкомъ, крича изо всей силы: *другъ Рандольфъ!* до шѣхъ поръ, пока другъ его отворишь; но часто по вечерамъ Рандольфъ нарочно ее не зашворялъ: тогда малютка вбѣгалъ въ его комнашу, вскарапкивался къ нему

на постелю и пробуждалъ его своею ревностію и ласками. Даже болѣзнь Рандольфа не прервала посѣщеній дитяти; но его тогда шопчасъ опшуда высылали, боясь, чтооь онъ не заразился.

Въ слѣдующее утро, по смерти Рандольфа, малюшка, пробудясь ранѣе обыкновеннаго, шакъ что нянька еще спала возлѣ его, шихонько вспалъ и въ одной рубашкѣ вышедши изъ своей комнаты, побѣжалъ къ двери своего крестнаго опца. Другъ Рандольфъ! кричалъ онъ: опвори швоему маленькому другу. Комната не была заперта; онъ вошелъ въ нее, посмотрѣлъ на постель, увидѣлъ бездушное шѣло воина, и подумалъ, что Рандольфъ крѣпко спитъ. Улыбался, предшавляя себѣ игѣ ласки, кои надѣялся получить при его пробужденіи; потомъ, взлѣзши на спуль, а опшуда на смертный одръ, обнялъ руками шею своего друга и приложилъ губы къ его щекѣ; но почувшвовавъ смертный хладъ, сказалъ: ему очень холодно, а мнѣ жар-

ко ; хорошо же , я лягу возлѣ него. Онъ вскарапклся на грудь Рандольфа и скоро заснулъ сладкимъ сномъ , свойственнымъ его лѣшамъ. Такъ нашелъ его Сент-Клеръ , кошорый , распавшись съ шѣломъ своего друга на нѣсколько минушь , былъ привлеченъ онышь къ нему своею гореспїю. Зрѣлище конца и начала жизни чрезвычайно его поразило ; чувство нѣжной привязанности къ дитяши , какого онъ еще не имѣлъ къ нему , возникло въ его сердцѣ : ему казалось , что онъ онышь найдетъ Рандольфа , и называя дитя симъ милымъ именемъ , поцѣловаль его , спросивъ : что онъ шушь дѣлаешъ ?

„Я согрѣваю Рандольфа , опивѣчалъ дитя : посмотри , какъ ему холодно ! Потрѣй его шакже и ты ! — Онъ не можешъ даже говорить !“ И шарался согрѣвашъ его своимъ дыханїемъ.

— Доброе дитя ! сказалъ Сент-Клеръ , едва удерживаясь ошь слезъ : ошь кого наслѣдовалъ ты сердце споль чувствительное и признашельное ? —

„Проснись, другъ Рандольфъ! кричалъ дитя съ неперевънимъ, ударивъ его по рукѣ: скажи своему малюшкѣ, что ты его любишь!“

— Я буду любить тебя теперь, сказалъ Сенш-Клеръ, взявши его на руки: поди, бѣдное дитя, нашъ другъ спитъ, и никогда болѣе не проснешся! Малюшка посмотрѣлъ на мертваго съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ страхомъ, и ничего не сказавши, прижался лицомъ къ плечу Сенш-Клера. Онъ опнесъ его къ нянѣкѣ, бранилъ ее, что позволила выдти, и приказалъ его вымыть и одѣть въ другое платье.

Съ этого дня родилась въ Сенш-Клерѣ и въ дитяши, имъ усыновленномъ, нѣжная другъ къ другу привязанность. Сенш-Клеръ любилъ играть съ нимъ и заславлялъ произносить тѣ слова, коимъ научилъ его другъ, ими потерянный. Твой крестный отецъ, говорилъ онъ иногда дитяши, качая его на своихъ волнахъ: былъ твоимъ другомъ при жи-

зни и по смерти; онъ любилъ тебя и отказалъ мнѣ эту любовь, любя тебя. Я люблю его, и когда я называю тебя Рандольфомъ, то забываю собственное швое имя.

Погребеніе Рыцаря Рандольфа Мак-Грегора и двухъ жителей крѣпости, умершихъ въ одно съ нимъ время, совершенно торжественнымъ образомъ. — Можно было судить тогда о привязанности островитянъ къ изгнанникамъ: не только жители Барры находились при трагической сей церемоніи, но множество также и съ другихъ соседнихъ острововъ пріѣхали на судахъ, или лодкахъ, какія могли только найти. Для совершенія погребенія призванъ изъ Мира Священникъ, и все многочисленное собраніе препровождало швъя шрехъ воиновъ до мѣста, гдѣ ихъ похоронили. Впереди печальной церемоніи шли музыканты, играя на флейшахъ рогахъ военные марши; за ними островитяне несли оружіе Рандольфа, его копье, мечъ, броню, шлемъ и шпоры;

шѣла воиновъ были несены храбрыми солдатами, позади коихъ находился Священникъ. Жипели крѣпости, подѣ начальствомъ Сенш - Клера, слѣдовали за ними, будучи вооружены какъ бы на сраженіе, но съ опкрытыми головами и преклоненными къ землѣ мечами. Маленькаго Рандольфа попеременно несли друзья война, и слезы его показывали, что онъ понималъ причину церемоніи. За ними шли всѣ оспровитяне шакже съ опкрытыми головами, и опъ времени до времени они наполняли воздухъ пронзительными печальными воплями. Когда шѣла были преданы землѣ, окроплены священою водою и всѣ приличные обряды религіи кончаны, тогда процессія возвратилась въ шомъ же порядкѣ въ крѣпость, гдѣ былъ пригеновленъ большой обѣденной столъ, соразимѣрный множеству посѣщителей. Всѣ бывшіе при похоронахъ въ немъ участвовали. Когда обѣдъ кончился, то отдохнувъ нѣсколько часовъ, они пошли на мѣсто погребенія и шамъ сдѣла-

ли каменное надгробіе. Число рабошниковъ, упошребленныхъ къ сосшавленію его, было шакъ велико, что надгробіе шощасъ соорудили. Они водрузили надъ нимъ крестъ, чшобы защишишь души воиновъ опъ власши злыхъ духовъ. Опшдавши долгъ своей привязанности, Сенш - Клеръ и его поварищи опшавили у себя опшровишянъ еще на два дни и угощали ихъ въ крѣпости, послѣ чего каждый возврашлся въ свое жилище и къ шрудамъ.

Когда первое изліяніе горести прошло, Робертъ Мак - Фрегоръ сказалъ изгнанникамъ сіи слова: „Друзья мои! еще намъ опшасешся исполнить одну должностъ въ разсужденіи нашего любезнаго Рандольфа. За три дни предъ смертію онъ написалъ шрепещущею рукою свою послѣднюю волю, и засшавливъ подписалъ Гамильтона и меня; я вамъ прочшу эту духовную.“ Онъ вынулъ изъ-за пазухи пергаменшъ, развернулъ его и чшпалъ слѣдующее :

„Я, Рандольфъ, Мак - Грегоръ, буду-
 „тя осужденъ . по волѣ Божіей умереть
 „ошь болѣзни на постели, а не такъ, какъ
 „бы прилично было воину (но должно
 „покориться неисповѣдимымъ судъ амъ
 „Провидѣн'я и вѣришь, что Оно все дѣла-
 „етъ къ лучшему), желаю до послѣдняго
 „ча а распорядиться моимъ имѣніемъ по
 „и длежащему завѣщанію, поелику братья
 „мои Александръ и Робертъ очень бога-
 „ты — первый по имѣнію, доставшему-
 „ся ему ошь нашего родителя, а впорый,
 „получивъ наслѣдство ошь нашего дяди, —
 „то по сей причинѣ я оставляю движи-
 „мое и недвижимое имѣніе мое, наслѣдо-
 „ванное мною послѣ крестнаго моего оп-
 „ца Сира Рандольфа Брюа, Сенш - Кле-
 „ру Моншею по конецъ его жизни, а по
 „несть сыну его, моему крестнику, юному
 „Рандольфу. Еспыли я сдѣлалъ зло эшо-
 „му дитяши, по крайней мѣрѣ вознагражу
 „его пѣмъ, что въ моеи власти Я опка-
 „зываю мою броню и шлемъ брату Алек-
 „сандру, копы и шпоры брату Робер-

„шу, а кинжалъ и щитъ Сенш - Клеру.
 „Прошу ихъ перенести смерть мою, какъ
 „слѣдуешь мѣ вамъ и храбрымъ воинамъ,
 „и бышь уврѣнными, подобно мнѣ, что
 „душа безсмертна, и что одно только
 „мое шело съ ними расстаешся, съ ка-
 „ковою надеждою умираю.“

Рандольфъ Мак - Грегоръ.

Сенш - Клеръ слушалъ внимательно въ глубокомъ молчаніи и погрузясь въ размышленія.

„Сенш - Клеръ! сказаль ему Жамесъ Россъ: побѣди эпу глубокую печаль; она отправляешъ всѣ надежды благополучія. Подобно тебѣ и я оплакиваю потерю нашего храбраго товарища; но чшожь дѣлать: мы всѣ родимся для шого, чшобы умереть.“

— Конечно, возразиль Сенш - Клеръ: люди смертны; но доколѣ они живутъ, чувствують горести и печали. Горесть моя о смерти Рандольфа, коего память для меня священна, усугубляешся во мнѣ

послѣднею его волею; я не могу принять завѣщаемаго мнѣ. —

„Какъ! ты хочешь отвергнуть даръ дружбы? сказалъ съ живостию Мак-Грегоръ: ты хочешь быть клятвопреступникомъ? Не клялся ли ты умирающему Рандольфу исполнить послѣднюю его волю? Она не дѣлаетъ никакой обиды его фамиліи; Рандольфъ отдастъ тебѣ то, что получилъ отъ Рандольфа Брюса, своего друга и крестнаго опца; слѣдуя его примѣру, онъ передаетъ его своему другу и крестнику. Ты непременно долженъ его принять, или я буду считать тебя безчестнымъ человѣкомъ.“

— Я принимаю, сказалъ Сент-Клеръ: но великій Боже! для чего Ты далъ мнѣ эшу спрасъ дѣлать добро въ шакое время, когда я не въ сосшояніи эшого дѣлать? О Рандольфъ, вѣрный и истинный другъ мой! для чего не покоюсь я подлѣ тебя въ могилѣ, когда мнѣ определено проводить дни мои въ праздности, и благодареніями друга, коего по-

шера для меня споль жеспока, что опдалъ бы жизнь мою для возвращенія швоей? —

Еще нѣсколько времени мрачное облако печали покрывало нашихъ изгнанниковъ: они сажались безъ удовольствія вокругъ спола, копорой недавно одушевляемъ былъ веселіемъ, острошою ума и дружбою; со вздохомъ смотрѣли на мѣспа, копорыя прежде занимали ихъ шоварици; но наконецъ время возымѣло свое дѣйствіе. Одинъ шолько Сент-Клеръ, сколько ни спарался, но не могъ преодолѣшь своей горести; пошера друга умножала огорченіе, копорое онъ чувствовалъ опъ воспоминанія обидъ, ему причиненныхъ. „Нѣпъ болѣе друга, говорилъ онъ: эшого друга, копорый живѣ меня чувствовалъ всѣ оскорбленія, копорыя мнѣ дѣлали, и болѣе меня жаждать мщенія! . . . А мои враги шоржеспивуюшъ; кто же эши враги? Великій Боже! сама природа предназначила мнѣ люоипъ ихъ . . . а я долженъ ихъ шакъ

называть! Не уже ли я долженъ жертвовать чужимъ людямъ моею благодарностью, любовію, слезами, всѣми сладчайшими сердечными чувствами? Милый Рандольфъ! ты былъ мнѣ истинный братъ, а не эгоистъ подлый Роскелинъ! Чшожь касаешься до Карнежія, то онъ совершенно презиралъ его.“

Рыбаки сосѣднихъ острововъ, продавашіе свою ловлю на берегахъ Шотландскихъ, привезли на Барру извѣстіе о большомъ преждневномъ турнирѣ, котораго давали въ Перствѣ въ честь Королевы, и что отличные юноши Шотландскіе и множество знаменитыхъ иностранцевъ были туда ожидаемы. Сенш - Клеръ объявилъ, что ничто не можетъ воспрепятствовать ему туда ѣхать; но чтобы успокоить друзей своихъ, онъ обѣщался ѣхать туда переодѣшымъ и не вступать ни съ кѣмъ въ единоборство, которое могло бы его открыть.

Хотя никто не одобрялъ предпріятія сего, но надежда, что прогулка

разсвѣтъ его мрачную меланхолію, заставила друзей его на то согласишься, съ условиемъ, чѣтобъ онъ выбралъ изъ нихъ себѣ спутниковъ. Онъ сначала имъ на отпрѣзъ въ томъ отказалъ; но разсудивъ нѣсколько, согласился взять съ собою Жамеса Росса и Рыцаря дю Бурга. Трое изъ другихъ товарищей также должны были съ нимъ ѣхать, чѣтобы въ случаѣ опасности увѣдомить Роберта Мак - Грегора и Аллана Гамильтона, и сіи послѣдніе должны были тогда поспѣшь собрать всѣхъ людей, преданныхъ Сенш - Клеру, взять съ собою молодаго Роскелина, который оставался съ ними въ крѣпости, и освободить изгнанниковъ, естли бы захошѣли ихъ тамъ удерживать силою. Распорядившись такимъ образомъ, они отправились на островъ Мулъ, гдѣ Сенш - Клеръ, Россъ и дю Бургъ доспали полное рыцарское вооруженіе, а три ихъ товарища платье оруженосцевъ, и переѣхавши морской рукавъ, раздѣлавшій ихъ отъ Шотландіи, они

вышли шамъ на берегъ, называясь Данискими Рыцарями, желающими присутствовать на турнирѣ. Продолжая путь свой, наконецъ благополучно прибыли въ Перпъ, за день предъ открытіемъ празднества. Они скрытно оспановились въ нѣкопоромъ разстояніи отъ города, и чрезъ то не возбудили ни малѣйшаго подозрѣнія.

Г Л А В А VII.

Въ слѣдующее утро турниръ возвыщенъ былъ военною музыкою и шумною радостію толпы, пришедшей на мѣсто сраженія. Въ десяшь часовъ весь Дворъ и всѣ Рыцари собрались въ обширной долинѣ при городскихъ верошахъ. Королева и ея придворныя Дамы сидѣли на мѣстнахъ, болѣе или менѣе возвышенныхъ, смотря по сщепеніи ихъ достоинства. На одной сторонѣ сидѣлъ на шронѣ Король, вокругъ его придворные, всѣхъ сана и судіи сраженія; съ другою

спороны Рыцари и знаменишые чужешпранцы, прѣвхавшіе бытъ зрштелямм игръ ; впереди эшой толпы находилсѣ вооруженные Рыцари, пригошовившіесе къ сраженію.

Сент - Клеръ и друзья его съ безопасностію разсмапривали собраніе, помыму что забрала шлемовъ ихъ были опущены. Они узмали многихъ, а сами не были узнааны. Въ нѣкопоромъ распояніи ошъ Королевы сидѣла Лади Роскелинъ, а возлѣ ея невѣспка, молодая Графиня Елеонора. Сент - Клеръ, бросивши быспрый вокругъ себя взоръ, примѣшилъ ее, и на минушу глаза его на ней ошпановились ; но успыдясь своего удивленія, онъ отворопидся ошъ нее съ презрѣніемъ и началъ внимашельно разсмапривашъ другіе предмешы.

Поелику Графа Роскелина не было ни между придворными, ни между судьями сраженія, шо Сенти - Клеръ заключилъ, что онъ былъ въ числѣ сражаю-

щихся, и осматривая ихъ тщательнѣе, старался его примѣнить.

Игры начались; многіе Рыцари Шотландскіе и иностранные испытывали свое искусство съ разными успѣхами до той минуты, какъ одинъ молодой Шотландскій Рыцарь, прекрасно вооруженный въ черныя лапы, убранныя золотомъ и разными изображеніями, приблизился и далъ повелѣніе герольду провозгласить съ его стороны, что Королева Жанна, супруга Короля Шотландскаго Іакова I, есть прелестнѣйшая изъ женщинъ, и что онъ вызываетъ всѣхъ ихъ на сраженіе, кои осмѣлятся утверждать противное.

Англинскій Рыцарь принялъ сей вызовъ, утверждая превосходство прелестней Графини Сализбури. Сраженіе началось. Равная сила и искусство сражающихся оспаривали долгое время зрителей въ недоумѣніи; но наконецъ Англичанинъ низложенъ съ лошади, а Шотландецъ провозглашенъ побѣдителемъ. Французскій Рыцарь занялъ мѣсто перваго; но не былъ

щаспливѣе. Черный Рыцарь, приставя копье къ его груди, принудилъ признаться, что прелести прекрасной любовницы его, Герцогини Бельфортской, сестры Герцога Бургонскаго, были ниже прелестей Королевы Шотландской.

Гордясь своими побѣдами, молодой Черный Рыцарь взялъ оружія побѣжденных и положилъ ихъ къ стопамъ Королевы. „Встаньше, Рыцарь Лорнъ, сказала она съ смущеніемъ: хотя вы выбрали для себя Даму не столь славную, какъ красавицы Французскія и Английскія, однакожь это не воспрепятствовало вамъ благородно защищать ваше дѣло, и я васъ за то благодарю. Ваша храбрость и вѣжливостъ должны нравиться всѣмъ красавицамъ; и я знаю одну, которая можетъ вознаградить васъ за сдѣланное мнѣ одолженіе. Сиръ Жамесъ Стюартъ хотя и младшій братъ Лорда Лорна, однакожь можетъ надѣяться по праву рожденія своего и по собственнымъ достоинствамъ получить знаменитѣйшую,

богатѣйшую и прекраснѣйшую дѣвицу въ Шотландіи (*).“

Пошомъ Королева, обращаясь къ пажамъ своимъ, сказала: „Позовите Лади Роскелинъ, и попросите ее привести свою прекрасную воспитанницу, наследницу Киншала; я хочу съ нею говорить.“

Лади Роскелинъ немедленно подошла съ молодою дѣвцею, столь совершенной красотою, что всѣ обратили на нее глаза; одинъ только Сент-Клеръ отъвернулъ свои взоры, чшобъ не видѣть Графини Елеоноры, которая шла за своею свежростью. Наслѣдница Киншала была одѣша въ бѣлое атласное платье, руки и шея ея были украшены драгоцѣннѣйшими перлами, прекрасные бѣлокурые волосы пріятнымъ образомъ были перевязаны позади золошою нитью, віющіеся же локоны упадали на чело ея и црости-

(*) Сиръ Жамесъ Стуртлѣ, названный въ Исторіи чернымъ Рыцаремъ Лорномъ, женился на Королевѣ Шотландской во смерти Короля Іакова I.

рались по шеѣ, бѣлѣйшей алебастра, въ видѣ золошой цѣпи.

Глубокое молчаніе царствовало въ собраніи. Лади Роскелинъ и юная дѣвица поверглись къ стопамъ Королевы, которая подняла ихъ съ пріятною улыбкою.

„Моншей! сказала Рыцарь дю Бургъ тихимъ голосомъ, но съ примѣшнымъ удивленіемъ: Моншей! не слѣпъ ли ты? Глаза меня не обманываютъ; посмотри, есѣли въ прекрасной наслѣдницѣ Киншала ты не узнаешь юнаго своего друга Амврозія?“

Сенш-Клеръ задрепеталъ. — Не возможно, сказалъ онъ, и превозмогши чувство ошвращенія, причиненное видомъ Графини, обратилъ сверкающіе свои взоры на ту сторону, гдѣ происходило дѣйствіе. — Клянусь Небомъ, сказалъ Сенш-Клеръ: это онъ . . . это она. . . Но нѣтъ, это не можеть быть! — Тише, дю Бургъ! . . . молчи! Пусть она

заговоришь ; звукъ ея голоса не можешь обманушь меня. —

Королева начала говорить : „Дворъ Шотландскій, сказала она, долженъ благодарить Лади Роскелинъ ; она привезла къ нему нѣмѣ прелеснѣйшее украшеніе нашей страны, свою пишомиду, наслѣдницу Киншала. Наше величайшее желаніе есть имѣть ее при себѣ, и если-ли она согласна принять супруга отъ руки Королевы Шотландской, то я пошлю себя щасливою, представя ей моего Рыцаря Сира Жамеса Стуарша Лорна. Я давно уже изъяснила мое желаніе въ разсужденіи эшого союза ея опекуншѣ Лади Роскелинъ, и она эшо одобрила ; и хоня скромность и робость ея юной воспитанницы препяществуяющъ, можешь бышь, изъявишь ея согласіе, но я надѣюсь, что слава, пріобрѣтенная въ эшомъ-день Рыцаремъ Лорномъ, мое желаніе и воля Короля могушь ея расположишь въ согласію на наше желаніе.“

Нѣсколько минушь молодая наслѣдница казалась смущенною и размышляющею; наконецъ она подняла свои прекрасные глаза и устремила ихъ съ доспѣйною скромностію сначала на Королеву, а потомъ на Рыцаря Лорна. „Давно уже, сказала она съ твердостію: я была гонима за союзъ, который Ваше Величество мнѣ предлагаете, и давно уже объявила откровенно мое нежеланіе. Лади Роскелинъ шеперь въ присутствіи всего Двора Шотландскаго и всѣхъ знаменитыхъ Рыцарей, пріѣхавшихъ отъ иностранныхъ Дворовъ, когда вторично пребуешь отъ меня признанія, должна сказашь, что я не могу выйти замужъ за того, кого мнѣ назначаюшь. Онъ родшвенникъ Лади Роскелинъ, и я согласна, что она желаетъ вручитьъ ему мою руку и богатство; но не могу ли я также быть свободна въ томъ, что такъ ко мнѣ близко? Думали безъ сомнѣнія, что у меня не спанешъ духа изъяснишься прямо въ такомъ собраніи, и

опкажашь въ чемъ-либо моей Всемилоспи-
вѣйшей Государынѣ. Конечно эшо многого
споишъ моему сердцу; но Ваше Величе-
ство сполько добры и великодушны,
что не потребуете такой жершвы. Бла-
годарю Сира Жамеса Спуарша за опли-
чїе, оказанное мнѣ предъ другими дѣви-
цами шѣмъ, что избираешь меня своею
супругою; но мои чувства ему извѣстны,
и послѣ эшого домогательство его не
означаетъ ни благороднаго человекъ, ни
храбраго и учливаго Рыцаря. Проепи-
те, Ваше Величество, вольность моего
опвѣща; я родилась и воспитана между
жишелями Шопландскихъ горъ, и сохра-
няю ихъ просшосердечїе и необразован-
ность: не зная притворства придворна-
го, я не умѣю давать руки безъ сердца,
а оно никогда не будетъ принадлежать
Рыцарю Лорну.“

— Чшо я слышу! говорилъ Моншей дю
Бургу: клянусь душею, эшо онъ —
шопъ же звукъ голоса, — но, Амврозїй.

дѣвица и какая дѣвица: ангель по разуму и красота! —

„Амбруазина! сказала Лади Роскелинъ: знаешь ли ты, въ чѣмъ присутствіи находишься, говоря съ такою дерзосцію? Какъ неблагодарно отвергаешь ты щастіе, предлагаемое шебъ Государынею?“

— Есшьли сердце ваше опдано, сказала Королева съ благосклонностію: что можно васъ извинишь; но Лади Роскелинъ увѣрила меня въ прошивномъ. —

„Лади Роскелинъ, сказала Амбруазина съ улыбкою, хошя и совершенно знакома съ наукою евѣпа, но не научилась еще чищать сердца чловѣческаго.“

— Гордая и дерзкая дѣвица, сказала Лади Роскелинъ, не хочешь ли ты сказать Государынѣ, что швое сердце уже опдано? Есшьли ты сдѣлала достойный выборъ, что объяви его; есшьли же онъ бѣднякъ, котораго ты не смѣешь назвать: по вспомни, что ты по волѣ своей мащери зависишь отъ нея. —

„Я не отвергаю этого права, ошчала Амбруазина: но для меня довольно завистшь ошъ себя самой, дабы дать увѣреніе, что я не едѣлаю выбора, своему имени неприличнаго. Видали ли вы когда нибудь въ моемъ поведеніи ошешупленіе ошъ моихъ обязанносшей и моего достоинства? — Нѣтъ, никогда Амбруазина Киншаль не вспунишь въ неприличный ей союзъ. Я поклялась не ошдавать никогда моего сердца и руки челошву, [когого кровь не была бы споль же знамениша, какъ пекущая въ вашихъ жилахъ.“

— Переспаньте, сказалъ Государь: переспаньте смущаешь эту юную дѣвицу; она довольно прекрасна и заслуживаетъ всеобщее вниманіе и любовь; разумъ ея и швердосшь духа заспавляютъ совершенно на нее положиться; въ избраніи супруга выборъ сей достоинъ того, чтобы дать ей время о шомъ подумать. —

„Такъ , вы жопише , сказала Королева , оставишь ее въ покоѣ ? Очень хорошо ; я надѣюсь , что ей немного нужно размышленія , дабы согласишься на наши желанія.“

— Никогда , возразила съ живостію Амбруазина , ешьли Рыцарь Лоріъ въ нихъ участвуешь. —

Королева , не оказывая гнѣва , подала имъ знакъ возвратиться на свое мѣсто. Игры начались снова и продолжались до половины дня. Послѣ сего Король и Королева въ сопровожденіи Двора своего поѣхали на праздникъ , приготовленный по случаю сего торжества. Сенш - Клеръ и друзья его также ушли въ свое уединенное убѣжище.

„Ну , что же , Сенш - Клеръ , сказалъ Рыцарь дю Бургъ , положивъ руку на сердце своего друга : каково оно теперь ? все ли еще каменное , или оживляется ?“

— Оно оживляется только опъ удивленія и любопытства. Я желалъ бы не

вѣрять глазамъ и ушамъ своимъ; но это не возможно. —

„Ты видишь, Монсей, что на зло своимъ врагамъ счастье у тебя на порогѣ.“

— Самымъ оскорбительнымъ образомъ, опившись Сенш - Клеръ. Безъ сомнѣнія эта прекрасная наследница, услышавъ о моемъ несчастіи, пожалѣла обо мнѣ, и воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы подать мнѣ помощь. Но какъ я презираю враговъ моихъ, что они заставили меня быть предметомъ сожалѣнія! какъ жестоко это счастье, которое ты хвалишь! —

„Ахъ! напротивъ, счастье жестоко для меня, вскричалъ Рыцарь: потому что я не сдѣлался предметомъ сожалѣнія прекрасной Амбруазины. Не чувствительный Шотландецъ! ты недостойнъ своего благополучія! Если бы отъ меня зависѣло быть на своемъ мѣстѣ, Амбруазина увидѣла бы, какъ Французъ умѣетъ любить! Безъ сомнѣнія, связь ея съ фамиліею Роскелиновъ побудила ее узнать

твою исперію, и можешъ бытъ счасли
чшо нибудь изъ твоего имѣнія. Она жер-
швуешъ всѣмъ, лишь бы тебѣ одному
доснавилъ все, а ты клянешъ эту вели-
кодушную преданность! Чшо касаешъ до
меня, я вижу шущъ шолько шо неща-
стіе, чшо эта молодая дѣвица отдаешъ
свое сердце нечувствительному.“

— Отдаешъ свое сердце? Ахъ, дю
Бургъ, чшо ты осмѣливаешъся говоришь!
Она никогда меня не видала. —

„Я не знаю, какъ это едѣлалось,
сказаль Жамесъ Россъ: но я думаю пак-
же, какъ и дю Бургъ, чшо одна шолько
любовь можешъ руководствовашъ моло-
дую дѣвушку къ шому, чшо она сдѣлала.
Сенш-Клеръ! ешъли подлинно ты не-
лучиль ея сердце, ешъли ты получишь
ея руку, какое шоржешшо надъ Роске-
линами!“

— Обыкновенно далеко заходящъ въ
предположеніяхъ, подхвашилъ Сенш-
Клеръ: но они въ насшоящемъ случаѣ во-

все невѣроятны. Нѣтъ, нѣтъ! любовь болѣе для меня не существуетъ! —

„Для чегожъ нѣтъ, я тебя о томъ спрошу, сказалъ Россъ: не уже ли наследница Кяншала не такъ хороша, какъ твоя надмѣнная Елеонора?“

— Она слишкомъ хороша и слишкомъ много имѣешь достоинствъ, но лишаясь надежды несчастнаго изгнанника имѣешь ее своею супругою. —

„Избери ее самою судіею въ этомъ вопросѣ, сказалъ Рыцарь.“

— Чѣмбы бышь почтену за сумасшедшаго? Прежде нежели совѣшовашь рѣшишься на такую поступокъ, должно дать мнѣ смѣлость обыкновенную въ твоей націи. —

„Скажи лучше мою чувствительность, мою спрость къ идеальнымъ совершенствамъ.“

— Какая дѣвица! Клянусь Небомъ, Сент-Клеръ, ты щастливѣйшій изъ смертныхъ, и я почти желаю бышь съ тобою, убишь тебя, похишишь ее и на-

сильно заспавишь любишь меня. Амбруазина! эшо одно имя производишь во мнѣ дѣйствіе сладчайшей музыки. Я желалъ бы пѣть ее на всѣ шоны и вызвать за честь ее красоны всѣхъ Рыцарей турнира, начиная съ тебя, нечувствительный смертный! или можешь быть твою Елеонору возвратила своего вѣнника? —

Сенш - Клеръ сдѣлалъ знакъ презрѣнія. „Замѣтили ли вы, сказалъ онъ потомъ, что она шоль же безпечная машъ, сколько была вѣроломная любовница; видны ли на лицѣ ее знаки печали о пошерѣ своего сына?“

— Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ Россъ: я приспально эшо замѣчалъ; она весела необыкновенно, и дия ея вовсе забыто. Я всегда шебѣ говорилъ, Сенш - Клеръ, эша женщина не имѣеть сердца, она любитъ шолько одну себя; но ты такъ былъ очарованъ ея прелестями, что не хотѣлъ меня слушать. —

„Ахъ! я признаюсь въ эшомъ; но мнѣ было шогда шолько осьмнадцать

лѣтъ, я любилъ въ первый разъ; чувство, кошорое она поселила въ меня, не было любовь, но одно токмо изпупленіе; однажды излѣчившись опъ него, я уже былъ совершенно свободенъ и только краенѣль опъ своей глупости; но теперь уже не боюсь новаго паденія.“

— Я бы желалъ знать, сказала Рыцарь: какъ и почему наслѣдница Киншалья зависишь опъ Лади Роскелинъ? —

„Не знаю, отвѣчала Сент-Клеръ: помнишь только мнѣ, что была дружественная связь между Лади Киншаль и Лади Роскелинъ. Лордъ Киншаль былъ превосходный человекъ; я много слышалъ хорошаго объ немъ и о его дочери не только въ Графствѣ Россъ, но и на островѣ Ки, гдѣ лежатъ его земли. Мой дядя Моншей былъ ему искренній другъ, такъ что одна только смерть могла разорвать эту связь; онъ не долго жилъ послѣ моего дяди, и думаю, что не болѣе двухъ лѣтъ какъ онъ умеръ.“

— Что предполагаешь ты завтра дѣлать? сказалъ Россъ: не вмѣшаешься ли въ игры? —

„Не знаю, отвѣчалъ Сенш - Клеръ. Безъ сомнѣнія, мнѣ хочется испытать свое оружіе, которое долгое время лежало въ бездѣйствіи; но я не видалъ ни одного Рыцаря, съ коимъ бы я могъ биться, кромѣ Рыцаря Лорна.“

— Я слышала, отвѣчалъ Россъ, что онъ первый любимецъ Королевы, и что она не упускаетъ ни одного средства къ его возвышенію и умноженію его щасія, чему должно приписать и желаніе ея соединить его съ прекрасною наслѣдницею. Сенш - Клеръ! ешьли ты хочешь, мы вмѣшаемся завтра въ число сражающихся; я не хочу забывать своей спарой должности. —

„Согласенъ, сказалъ Сенш - Клеръ: попробуемъ завтра нашего щасія. Сего дня произошло странное открытіе, хотя вы и жопите, чтобы оно было щасливо, однакожь я въ шомъ сомнѣваюсь;

но можетъ быть завтрашній день будешь намъ еще благопріяшнѣе.“

Изгнанники рано пріѣхали на мѣсто сраженія; однако же Дворъ шамъ уже присутствовалъ, и побѣдитель перваго дня Рыцарь Лорнъ провозглашалъ еще прелесть своей Государыни. Дважды прозвучала труба, но никто не выступалъ противъ него на ристалище; наконецъ въ третій разъ поданъ знакъ, и одинъ Рыцарь быстро приблизился — это былъ Сенш - Клеръ.

„Рыцарь! сказалъ онъ, ломая языкъ по иностраннымъ: какимъ образомъ, влюбясь въ одну женщину, вы защищаете другую? Если вы не видите всѣхъ совершенствъ въ Амбруазинѣ Киншалъ, то ее не стойте. Я утверждаю, что она есть прекраснѣйшая и совершеннѣйшая изъ своего поля.“

— Я вижу въ Амбруазинѣ возлюбленную души моей, возразилъ Сиръ-Жемезъ, и желалъ бы пожертвовать ей мо-

ею жизнью; но въ Государынь я вижу богиню, которую почитаю и обожаю. —

„Ну такъ, Рыцарь, я выступаю пропивъ васъ: ни Богини, ни Королевы не будутъ управлять мечемъ моимъ; я не извлеку его также на защиту прелестей нашихъ дѣвскихъ дѣвъ, ни даже наследницы Киншала, но для прелестей Амбруазины, небесной воспитанницы горь, копорая соединяешь съ образомъ Ангела духъ и мужество героя. Я утверждаю, что никакая женщина въ свѣтѣ не можешь съ нею сравниться; и если въ при оборота я не свергну васъ съ лошади и не заставлю въ шомъ признашь: что недостойнъ бышь ея Рыцаремъ.“

— Рыцарь! вы очень горды, а это неприлично ни прежде, ни послѣ побѣды. А принимаю вашъ вызовъ, хотя онъ и несогласенъ съ правилами, пошому что вы берете имя любимой мною особы; всякое даже дитя признало бы ее ниже въ красотѣ моей великой Государыни. —

„Я также люблю ее, Рыцарь, но не нахожу ни превосходящей, ни равной ей въ красотѣ.“

Сказавши это, они пустили своихъ лошадей и сразились съ мужествомъ, умножаемымъ гордостью и ревностью; но все искусство Рыцаря Лорна не могло сравниться съ силою, ловкостью и проворствомъ Монтея, который почто такъ, какъ обѣщаль, въ прешій оборотъ распростеръ своего соперника на мѣстѣ сраженія.

— Не увѣрялъ ли я васъ, сказалъ Монтей насмѣшливо и сохраняя свой прищворной выговоръ, что Королевы и Богини должны уступить Дѣвѣ горь? Хотите ли вы вачашъ сраженіе, или согласны со мною? —

„Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Сиръ Жамезъ, вскочивши съ бѣшенствомъ: до послѣдняго моего издыханія я буду твердо сшоятъ, что Государыня Шотландская не можетъ имѣть соперницы въ красотѣ.“ Онъ обнажилъ мечъ и началъ сра-

женіе ужаснѣе, нежели первое; но это было только для того, чтобы испытать новое несчастіе. — Не смотря на все его усилія, онъ былъ обезоруженъ съ нзкою жестокостію, что Король приказалъ ему не опваживаться на шрепне сраженіе.

Никакой торжественной крикъ, или знакъ удовольствія не почтилъ побѣду Моншея. Вельможи Шотландскіе, изумленные побѣдою иностранца надъ Рыцаремъ ихъ Королевы, клялись ошмспить ему; а между тѣмъ Сенш-Клеръ одинъ на мѣстѣ сраженія съ опущеннымъ забраломъ говорилъ имъ сими словами: „Вельможи и Рыцари! будучи иностранецъ, я не желаю шакъ легко приобрѣсти палъму побѣды; я еще не успалъ, Амбруазина еще поддерживаешь мечъ мой; не уже ли я одержу только одну побѣду?“

— Мы этого не желаемъ; но ты будешь побѣжденъ въ свою очередь, сказалъ Рыцарь Тракеръ, пустясь къ нему вскачь на лошади своей. Мы признаемъ

всѣ красосу наслѣдницы Кинпала, но также всѣ твердо поддерживаемъ, чиня Королева Шотландская не уступаешь въ прелестяхъ своихъ никакой женщины. —

„Увидимъ, отвѣчалъ Моншей: ешуйнай! прелести Амбруазины сшали мнѣ извѣстны только со вчерашняго дня; но они могутъ содѣлать непобѣдимую руку, слабѣйшую моей.“

Необыкновенная храбрость, казалось, одушевляла прекрасный и мужественный сшанъ Сенш-Клера. Въ нѣсколько минутъ онъ нанесъ противнику своему пахой ударъ, что шоль принужденъ былъ ему уступить и положить оружіе. Три другіе Рыцаря, которые попеременно заступали мѣсто побѣжденнаго, не были щасливѣе; Сенш-Клеръ скоро привелъ ихъ въ несостояніе сражаться.

— Теперь моя очередь. Хотя мнѣ кажется, что самъ чортъ шобѣ помогаетъ, вскричалъ одинъ Рыцарь, приближаясь къ Сенш-Клеру: но я воспоржествую надъ шобою и чортомъ, и Коро-

лева Шотландская будетъ опомщена ; она придастъ силу рукъ моей болѣе , нежели твоя Амбрузина . И такъ голюсь , дерзкій иностранецъ ! —

При первомъ словѣ Сент-Клеръ узналъ Графа Жона Роскелина , и сердце его сильно забилося . Прежде казалось ему , что онъ будетъ щасливъ , имѣя случай унижить своего врага : опомспитъ обиды , имъ причиненныя ; но теперь невольное великодушное чувство заставило Сент-Клера желать , чтобъ Роскелинъ не вступалъ съ нимъ въ сраженіе ; однакожь , не могли уже оставитъ сего предпріятія и вспомнивъ всѣ бѣдствія , Графомъ причиненныя , сказалъ , сохраняя притворный свой выговоръ : увы , бѣдная Государыня ! ты заслуживаешь лучшаго защитника . Рыцарь ! вспомни , что ты будешь сражаться при видѣ той , которую сердце и уста твои наименовали ; надобно доказать ей , что ты можешь не только любить ее , но также и покровительствовать , когда бы потребовала того надобность .

Сраженіе началось. Графъ Роскелинъ хотя былъ рослый, крѣпкій и храбрый Рыцарь, однакожь не имѣлъ силы Моншея. Нѣсколько минушь онъ защищался съ довольнымъ искусствомъ; но наконецъ подвергся жребію своихъ предшественниковъ, бывъ ебитъ съ такою жестокою спію, что не могъ уже начать новаго сраженія.

„Эшо только игрушка, сказала Сенп-Клеръ, помогая ему вспашъ: но, Рыцарь! въ важнѣйшемъ сраженіи я не совѣтую тебѣ мѣришься со мною своими силами. Природа дала мнѣ надъ тобою преимущество: моли Бога, чтобы наша шеперешняя встрѣча была въ послѣдній разъ.“

Никакой другой соперникъ болѣе уже не представлялся, и игры опложены были до другаго дня. Предъ уходомъ Моншей взялъ оружія побѣжденныхъ Рыцарей, и положилъ ихъ къ ногамъ Амбруазины.

„Рыцарь! сказала она ему: я съ прудомъ могу возблагодарить васъ за почтеніе, кошорое вы дашъ мнѣ много ге-

респей. Бы безъ сомнѣнїя мужеспвенны, искусны и опытны въ военномъ искусствѣ, и можете поржеспвовать надъ врагами вашими, какъ защищали неизвѣстную молодую дѣвицу, копорая не сполла такой храбрости. Да возжете вы успѣть въ предпрїятїяхъ полезнѣйшихъ и справедливѣйшихъ, и вспомнишь, что человеклюбіе должно бытъ первою добродѣтелию щасливаго и поржеспвующаго. Съ своей стороны Амбруазина будешъ всегда съ благодарностию воспоминашь о чести, копорую вы сдѣлали ея имени.“

— Сударыня! ошвѣчалъ Моншей Дашкинъ нарвчїемъ: миѣ спойшь только подумашъ о васъ, чтобы вспомнишь крошкое и благодѣтельное сосипраданіе. Да и кто жешъ забудъ Амбруазину, ту, копорая съ совершенною красолюю соединяешъ всѣ преимущества, ума и добродѣтели сердца, ту, копорая не ослѣпляешся богатствами, пышностию

и лестію, но ищетъ несчастныхъ и угнетенныхъ, и умѣетъ утѣшать ихъ горести. —

„Вы болѣе разпочаеши мнѣ похвалъ, нежели я заслуживаю, отвѣчала она, покраснѣвъ: но благодарю васъ, что вы такъ сѣдиши о моемъ сердцѣ; да возвратиши васъ попутный вѣтръ благополучно на берега Датскіе; тамъ безъ сомнѣнія вы найдете двѣицу, кошорая заплашиши вамъ долгъ Амбруазини.“

— Я не думаю совсѣмъ о возвращеніи, сударыня; не смѣю также любить; но естли когда-либо Амбруазина возымѣетъ нужду въ Рыцарѣ, то нуситъ вспомниши, что естъ одинъ, кошорый готовъ пожертвовашъ жизнию для ея услугъ. — Онъ низко ей поклонился, сѣлъ на коня, наспигъ шоварицей и осшавиль съ ними мѣсто сраженія.

Въ слѣдующее утро Моншей, Россъ и дю Бургъ первые пріѣхали на мѣсто сраженія, когда Дворъ собрался; они при-

казали провозгласить Герольду красосу Амбруазины, и объявивъ о себѣ, что они всѣ прѣе ея Рыцари, вызывали пѣхъ на единоборство, кои откажущся отдашь ей преимущество. Никто не выѣжалъ; побѣды прошедшаго дня охладили мужество всѣхъ сражавшихъ съ Сент-Клеромъ; никто не смѣлъ вступишь въ единоборство съ иносстранными Рыцарями, коихъ почитали столь же опасными, какъ Монтея.

„Прекрасная Амбруазина! сказалъ ей Король: ваши Рыцари умножаются; въ случаѣ опасности, я вѣрю, что однимъ именемъ вашимъ можете дать мнѣ войско.“

— Не число Рыцарей, Ваше Величество, можете льстить моей гордости, но одинъ, коегобъ чувства были искренни: вошь все, чего сердце мое въ правѣ ожидать, и все, чего оно желаетъ. —

„Для чего же не хопите вы видѣшь этого щасливаго Рыцаря въ Сирѣ Жамесѣ Стуартѣ? сказалъ Король.“

— Пошому , что сердце мое отказывается признашь его , сказала она : я всегда находила его моимъ совѣтникомъ , и какъ бы меня ни принуждали , я буду дѣлать по шолько , что оно мнѣ внушитъ. —

„Берегитесь , сударыня , чтобы оно не привело васъ въ заблужденіе ; вы имѣете гораздо и могущественнаго соперника въ семь Дашскомъ Рыцарѣ ; знаете ли вы его ?“

— Нѣтъ , Ваше Величество , я не знаю ни одного Дашчанина. —

Никто не хотѣлъ уже сражаться съ тремя иноспранными Рыцарями ; въ эшопъ день не было болѣе битвы. Дворъ разѣхался рано , чтобы присутствовать на праздникѣ и балѣ , кошорымъ должно было окончить турниръ.

Сенш - Клеръ и его поварищи подъ предлогомъ скората опъѣзда отказались отъ приглашенія на праздникъ , которое сдѣлано имъ по приказанію Короля. Въ самомъ дѣлѣ они потчасъ выѣхали изъ

Перша, взявши пушь къ Эдинбургу, чшобъ исполнишь предпріяшіе свое. Они провели ночь въ одномъ шалашѣ, бывшемъ на дорогѣ, и на завтра продолжали пушь свой.

Г Л А В А VIII.

Карнежій, повѣренный Сенш Клера, жилъ въ окрестностяхъ Эдинбурга въ маленькомъ домикѣ, кошорый составлялъ часть собственности Сенш-Клера до совершеннаго конфискованія его имѣнія въ пользу фамиліи Роскелиновъ; домикъ сей опзданъ былъ ему для жишельсшва.

Туда - шо изгнанники пріѣхали ввечеру; они просили позволенія войпи, и слуги имъ опшворили вороша, думая, чшо это были сосѣдніе Рыцари, возвращавшіеся съ шурнира, кошорые имѣли дѣла съ ихъ господиномъ. Три мнимые оруженосца были опшавлены на дворѣ, а Сенш - Клеръ, Россъ и дю-Бургъ введенн

въ залъ. Карнежій ни мало не сомнѣвался, чтобъ это не были обыкновенные его гости, на счетъ коихъ надѣялся онъ удовлетворить свою гордость и скупость, вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ поспѣшностію и униженіемъ, которое онъ привыкъ оказывать высшимъ себя. „Благородные Рыцарі! сказалъ онъ: вы дѣлаете честь моему пресному жилищу; прошу васъ садиться, снятъ шлемы и покушать шо, что я могу вамъ предложить.“

Рыцари поклонились ему молча. „Вы, я думаю, возвращаетесь съ турнира, я безъ сомнѣнія были шамъ побѣдителями; а послѣ славы ошдыхъ и хорошее вино имѣюшъ шакже свои достоинства. Когда вамъ угодно объявить о себѣ, Рыцари, я буду очень радъ, узнавши въ васъ знаменитыхъ Лордовъ, коихъ имѣю честь приниматьъ. Пойду выну изъ моего погреба, что имѣю наилучшаго; хорошее вино, говорятъ, веселишъ душу и ошкрываетъ сердце.“ Рыцари улыбнулись,

но не опивѣчали. Карнежій, призвавъ людей своихъ, далъ имъ приказаніе, и они скоро возвратились въ числѣ четырехъ человекъ и несли вино и холодныя кушанья.

Рыцарь дю-Бургъ, который былъ не извѣстенъ Карнежію, поднялъ забрало и налилъ себѣ полный кубокъ. „Карнежій! сказалъ онъ: я хочу пить ностъ, наполни свой кубокъ и выпей его со мною; ибо я объявляю, что вонжу въ минушу кинжалъ мой въ сердце того человека, который откажется пить эпошъ носнъ.“ Карнежій съ удивленіемъ на него посмѣтрѣлъ; но видя плѣнительную фізіогномію и веселый видъ, онъ воспріялъ бодрость, думая, что это была шушка, и наполнивъ свой кубокъ, онъ приблизилъ его къ Рыцареву.

— За здоровье Сент-Клера Монтея! сказалъ дю-Бургъ, чокая свой стаканъ о Карнежіевъ, и за погибель враговъ его! — Карнежій ошпановился и шакъ препешалъ, что пролилъ вино изъ кубка. Его четыре служителя, не менѣ испуган-

ные, хотѣли подойти; но Россъ обнажилъ мечъ свой и заградилъ имъ пушь. „Оспановишесь, сказалъ онъ имъ: ешь-ли дорожите жизнию, шо ни шагу болѣе; вамъ не сдѣлаюшь никакого вреда, ешь-ли будете спокойны; но смершь за малѣйшее сопровивленіе. И такъ оставайшесь на своемъ мѣстѣ, слушайте и смотрише въ молчаніи.“

Рыцари, съ ногъ до головы вооруженные, казались слишкомъ страшны; и не лзя было имъ не повиновашься. Слуги ушли съ покорностію на конецъ зала и оставались неподвижными какъ сшашуи.

„Мой шосшь шеперь, сказалъ дю-Бургъ, наполняя другой кубокъ и подавая его Карнежію: ну, пей за благополучіе Сент-Клера и погибель его враговъ! Совѣшую шебѣ, эшо можешъ спасти шебѣ жизнь.“

Трепеща съ головы до ногъ, Карнежій повшорилъ шосшь, опорожнилъ кубокъ и молчалъ.

— Карнежій! продолжалъ дю-Бургъ: ты умнѣе, нежели я думалъ; я хочу зашвердись въ моей памяти прекрасную пословицу твою: *хорошее вино веселитъ душу и открываетъ сердце!* Теперь, милый Карнежій, опширой намъ въ одно время швое сердце и сундукъ; ты имѣешь, я знаю, въ рукахъ своихъ значительные доходы, принадлежащіе Сенш-Клеру, которые не вошли въ конфискацію его имѣнія, и въ коихъ онъ положился на швою вѣрность; покажи мнѣ, что онъ не ошибся въ выборѣ своемъ; опщишай мнѣ сіюжъ минушу шу сумму, которую я хочу опвезши на Барру, или, клянусь тебѣ, вмѣсто оной: самого тебѣ опвезу. —

Карнежій поблѣднѣлъ, какъ мерпвецъ. „Вправду, Г. Рыцарь, сказалъ онъ: вы поступаете со мною жестоко; ежели я и собиралъ доходы Сенш-Клера въ пользу Графа Роскелина, то по повелѣнію Короля.“

— Какое право имѣешь Король присвоить, что ему не принадлежитъ? возразилъ дю-Бургъ: я пребую у тебя доходовъ, ошданныхъ тебѣ Сенш-Клеровыми опкупщиками, пошому что имѣніе его было несправедливо конфисковано. Спупай, исполни; ошдай мнѣ деньги, или гошовься сопущспвовашъ намъ на Барру; мы имѣемъ оруженосцевъ у дверей и опрядъ воиновъ въ недалеиомъ разшюиіи. —

„Пошерпите, Рыцарь! Выслушайте меня, говориль Карнежіи: шолько шесшь мѣсяцовъ шому, какъ я предспавиль Графу Роскелину все, что ни было у меня изъ принадлежащаго Сенш-Клеру; съ шого времени я получилъ шолько 260 марокъ ошъ его опкупщиковъ; но могу ли я ошдашь ихъ незнакомымъ, кои, можешъ бышь, жошяшъ воспользовашься его ииенемъ?“

— Ты обижаешъ насъ, Карнежіи! мы не Іаковъ Шопландскій и не Жоиъ Роскелинъ; ешшли я покажу повелѣніе

Сенш - Клера, будешь ли ты доволен? Это спасетъ тебя отъ порицанія. —

„Нѣтъ! надобно имѣть мнѣ доказательство, что плашежь учиненъ мною по принужденію; а сей приказъ можешь быть подложенъ.“

— Довольно ли этого? сказала Сенш-Клеръ, поднимая забрало: смотри! Сенш-Клеръ собственною особою приказываетъ отдашь ему принадлежащее; какая увершка тебѣ еще остается? —

Карнежій смѣшался. „Я пойду за деньгами, кошпорыя у меня есть, сказалъ онъ: но прошу васъ дать мнѣ росписку.“

— Я хочу тебѣ соупсхвовашь, сказала дю-Бургъ: клянусь Небомъ, я не потеряю тебя изъ виду. — Онъ взялъ за руку шрепещущаго Карнежія и пошелъ за нимъ въ верхній этажъ, гдѣ въ одной комнатѣ находился большой сундукъ. Карнежій отперъ его и показывалъ дю-Бургу многіе свершки денегъ; на каждомъ изъ нихъ были написаны имена шѣхъ, коимъ они принадлежали. Карнежій зани-

маяся дѣлами многихъ сосѣднихъ господъ; на чешырежъ сверпкахъ значилось имя Сенш-Клера. Карнежій съ глубокимъ вздохомъ вручилъ ихъ дю-Бургу, который, возвращаясь въ залъ, ошдалъ ихъ Моншею.

„Дайше мнѣ черниль, сказалъ Сенш-Клеръ: я хочу написашъ этому бездѣльнику росписку въ суммѣ, мною полученной; не посшавляю себѣ въ шрудъ доказашъ Жону Роскелину, что я умѣю возвращашъ мнѣ принадлежащее. Скажи ему, показавъ эшу бумагу, что ештли онъ засшавишъ меня еще приняшъ шрудъ сюда пріѣхашъ, шо не шакъ дешево со мною разплашишся. Чложъ касаетшя до Такова, Короля Шопландскаго, ештли онъ хочешъ наказашъ меня, шо знаешъ гдѣ найши; я возвращушъ на ошпрровъ Барру, куда онъ сослалъ меня.“

Онъ написалъ квишанцію и ошдалъ ее Карнежію, ударивъ его плашмя своимъ мечемъ; послѣ сказалъ: „прощай, Карнежій, навсегда; помни однакожъ объ этомъ урокъ и воспользушя имъ.“ Пошомъ вы-

шли они безъ малѣйшаго сопротивленія, соединились съ своими друзьями, поспѣшно ѣхали всю ночь и на другой день находились уже въ безопасности отъ преслѣдованій. Чтожъ касается до Карнежія, онъ слишкомъ боялся оставить свое жилище до слѣдующаго дня. Наконецъ видя, что все было тихо въ окрестностяхъ, онъ осмѣлился сѣсть на лошадь, и въ сопровожденіи четырехъ отважныхъ своихъ служителей направилъ путь свой въ Замокъ Роскелина.

Г Л А В А IX.

По пріѣздѣ его въ Замокъ, онъ узналъ, что Графъ возвратился вчерашняго вечера въ непріяшномъ расположеніи духа, по причинѣ своего низложенія на турнирѣ. Карнежію введенъ былъ въ большой залъ, гдѣ онъ нашелъ Графа вмѣстѣ съ его супругою, маперью и прекрасною наслѣдницею Кишала.

Печальный видъ Карнежія предска-
зывалъ какое-то несчастіе. Прежде не-
жели выговорилъ онъ слово, Графъ его
спросилъ: какая случилась съ нимъ не-
пріятность? Къ великому удивленію,
онъ разсказалъ всему почтенному собра-
нію о происшедшемъ у него въ домъ. По
описаніи его о изгнанникахъ никто не
сомнѣвался, чтобъ по не были Датскіе
Рыцари, одержавшіе столько побѣдъ.
Воспоминаніе о своемъ низложеніи, при-
знаштельное обращеніе его прошивника и
смѣлость послѣдняго его поступка были
причиною страха для Графа Роскелина;
его оскорбленная гордость излилась въ
ужаснѣйшей брани и многихъ клятвахъ
ошмстивъ за себя и погубивъ изгнани-
ка такъ, чтобъ ничего болѣе о немъ не
было уже слышно.

Лади Роскелинъ мало говорила, но
казалась смущенною и огорченною; мо-
лодая Графиня бросила презрительный
взоръ на своего мужа, и сожалѣла, что

не была мущиною. „Никогда, сказала она, я не снесла бы побѣды, которую Сенш-Клеръ захошѣлъ бы одержать надо мною, хотя бы должна была погибнуть!“

Таково было дѣйствіе повѣсти Карнежія надъ тремя особами сего благороднаго общества. Четвертая же особа показала совѣтъ прошивное; она смѣялась отъ добраго сердца, чѣмъ и навлекла упреки своей опекуни.

„Амбрузина!“ сказала она ей: „ты теперь подливерждаешь то, что называла себя предъ Королевою молодою прасхою и не воспитанною дѣвушкою, потому что дѣло, насъ всѣхъ огорчающее, возбуждаешь въ тебѣ радость; какое ты шушь находишь для себя удовольствіе, я не могу понять.“

— Прошу васъ, сударыня, простишь меня, сказала Амбрузина: я не могла удержать перваго своего движенія; господинъ Карнежій долженъ быть такъ удивленъ, а эптошь Сенш-Клеръ сполъ ошваженъ. Женщины, какъ вы изволили

знать, любяшь мужество, и я признаюсь, что восхищаюсь, видя храброго Рыцаря, успевающего въ своихъ предпріятіяхъ. —

„Ты восхищаешься?“ возразила Лади Роскелинъ: „это уже дерзко говорить въ присутствіи оскорбленныхъ этими храбрецами, которые тебя восхищаютъ!“

— Небо да сохранишь меня, сказала Амбруазина съ лукавою улыбкою, углубляешь несчастіе какой-либо особы, несправедливо оскорбляемой. —

„Не удивляйшесь, мапущка, сказала молодая Графиня насмѣшливо, восхищенію Амбруазины; развѣ вы забыли, что этогъ подлый изгнанникъ избралъ ее на турнирѣ своею дамою и сражался для славы ея прелестей? У дѣвушки, не привыкшей къ лести, и кошорую называютъ прекраснѣйшею возлѣ Королевы и другихъ дамъ, почиаемыхъ красавицами, вѣроятно должна вскружиться голова; я бы не удивилась, увидя Амбруазину,

видающуюся въ объяшія своего храбраго
защипника.“

— Есшьли бы я имѣла чувства , ка-
кія вы мнѣ приписываете, и онѣ не бы-
ли бы опшвергнушы, сказала Амбруазина
смѣясь: шо, можешъ бышь, я сдѣлалась бы
шогда предметомъ всеобщей зависти. Не
правда ли, Милади, что жребій супруги
Мояшея, живущей на бесплодныхъ уше-
сахъ Барры, но любимой и покровитель-
ствуемой героемъ, былъ бы завиднѣе, не-
жели многихъ женщинъ въ пышныхъ чер-
шюгахъ, съ такими мужьями, кои не умѣ-
юшъ ни любить, ни защищать ихъ? —

„Вы шакъ думаете!“ возразила пре-
зришельно Графиня: „какъ же по сихъ
поръ онъ еще не женился? Увѣряюшъ,
что онъ очень хотѣлъ шого, и что не
всѣ женщины думали, какъ вы; онъ
шрасшно любилъ, но былъ опшвергнушъ.“

— И я шакже слышала, сказала
Амбруазина, но не вѣрю. Въ жару пер-
вой юности часно называюшъ любовью
чувство ложное и обманчивое, которое

приводить въ заблужденіе; но когда разумъ освѣщаетъ и показываетъ предметъ мнимой любви въ настоящемъ его видѣ, тогда любовь исчезаетъ и спыдъ заспу- паешь ея мѣсто. —

„Спроси Сенш-Клера не такъ была легка, прервала Графиня, покраснѣвъ отъ гнѣва: я знаю . . . я слышала, что не видывали человѣка, кошорый былъ бы сильнѣе влюбленъ!“

— По крайней мѣрѣ, отвѣчала Амбруазина, онъ, какъ великой философъ, съ твердостію перенесъ несчастіе свое. Я увѣрена, что надъ душою такого героя, каковъ Моншей, легкая спроси молодости, основанная единственно на красотѣ, или истинная спроси, но опвергнушая или измѣненная, должна произвеша по же самое дѣйствіе и исчезнуть совершенно. — Женщина, кошорая отда- ла бы ему свое сердце, и знала бы цѣну взаимныхъ его чувствованій, произвела бы въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. —

„По чести, сказала Лади Роскелинъ : естъли бы ты видѣла Монтея прежде турнира, то я подумала бы, что ты влюблена въ него ; но ты его не знаешь, ибо онъ не поднималъ забрала. — Ты не знаешь, сколько ли онъ хорошъ, чтобы можно было любить его.“

— Я никогда не думала, чтобы можно было любить человека только за красоту его : лучше было бы любить прекрасную спашую или поршреть ; но съ самаго дѣтства я была привязана къ храбрости. Когда наши горные Барды приходили въ Замокъ отца моего восхвалять славные подвиги древнихъ Шотландскихъ героевъ Оссіана, Фингала и ихъ, кои шли по ихъ слѣдамъ, я чувствовала, какъ билось мое сердце, и душевно всхлещалась ихъ героическими поѣвѣшями. —

Въ продолженіи сего разговора Графъ Жонъ печально размышлялъ, опершись головою на руку ; но вдругъ вспалъ и сказалъ : „я ѣду въ Эдинбургъ ; Король

туда возвратился, хочу его просить; онъ не пошерпашъ, чѣшобъ шакъ играли его волею, и чѣшобы изгнанникъ осмѣлился показываться въ его владѣнїяхъ.“ Онъ позвалъ людей, далъ приказанїе, чѣшобъ лошадь его и свина были въ минушу гошovy, и потчасъ уѣхалъ въ сшолїцу.

Онъ нашель Государя среди Вельможъ его Двора, съ коими онъ держалъ совѣшъ. Графъ принесъ ему свою жалобу на Сенш-Клера Монтея; она была выслушана съ удивленїемъ и гнѣвомъ на изгнанниковъ, за шо, что они осмѣлились показаться на турнирѣ, и за самовольную оплучку ихъ съ ошрова Барры, куда правительствомъ изгнаны были.

„Пошлише потчасъ, сказалъ Король, опрядъ войска, съ повелѣнїемъ арештовать сихъ измѣшниковъ, и сюда предсшавишь; они увидашь, можно ли безъ наказанїа оскорбляшь меня!“

Сиръ Александръ Ливингшпонъ, вѣрнѣйшїй совѣшникъ Короля, не имѣлъ ни сколько дружескаго расположенїа къ Сенш-

Клеру, но какъ прозорливый политикъ видѣлъ опасность, кошорая опъ сего предпріяшя произойти можеть. — Сколько людей, Ваше Величество, признавать изволише въ эпомъ случаѣ необходимыми? сказалъ онъ Королю. —

„Не знаю точно; но пятьдесять, сше человекъ, естли только нужно, могутъ, кажется, взять прехъ или чешм-рехъ изгнанниковъ.“

— Съ позволенія Вашего Величества, возразилъ Лордъ Ливингстонъ, я не желалъ бы для чести Шотландской короны предводишельствовашъ и тысячью человеками въ эшой экспедици. Сенш-Клеръ съ малолѣтства привыкъ жить на горахъ и островахъ; онъ знаетъ всѣ мѣста; для всякаго другаго, кромѣ тамошнихъ нагорныхъ жителей, онѣ неприступны. Взросши частію на островахъ сихъ и живя шамъ съ давняго уже времени, онъ безъ сомнѣнія снискалъ дружбу островитянъ, кои ему преданы, и будущъ съ пожертвованіемъ жизни своей защищать его

при малѣйшемъ знакѣ опасности. Тысячи подобныхъ имъ спекутся со всѣхъ Гербишскихъ острововъ подъ его знамена. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ къ грабежу, сдѣлають высадку на берега наши, и подобно тучамъ саранчи, распространяють разрушеніе и опустошеніе во кругъ насъ. —

„Не лзя отрицашь, что въ словахъ вашихъ ешь нѣсколько истинны, возразилъ Король : но не уже ли мнѣ позволить , чтобъ изгнанники оспавались ненаказанными и спокойно бы продолжали не повиновашься ?“

— Ваше Величество ! отвѣчала Ливингстонъ: гораздо лучше бы было, естли бы Сенш-Клеръ Моншей никогда не находился въ изгнаніи на островѣ Барръ, откуда, думаю я, ничто, кромѣ собственной воли, не можешъ его вывесшь, или по крайней мѣрѣ будещъ, онъ вышѣсвенъ не иначе, какъ съ нѣмъ рѣкъ крови и важною пошеркою казны для споль

маловажнаго предмета. До сего времени Сенш - Клеръ и поварницы его были спокойны. Мое мнѣніе, Ваше Величество, поелику вы его потребуеши, еспьшо, чтобъ не обращать вниманія на то, что можно почислать шалостью молодости. Турниръ возродилъ въ немъ желаніе испытать храбрость, а недостатокъ въ деньгахъ, какъ должно думаешь, заставилъ его посѣлшить Карнежія, и взять силою то, что онъ считалъ своею собственностію, попому что онъ пребывалъ недоплаченныхъ ему денегъ до времени конфискаціи его имѣнія. . . — Здѣсь Ливингстонъ останаовился - было; но Король не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія, и онъ продолжалъ: — Оспровишяне мужественны и жестоки, вѣрные друзья, но ужасные враги; еспьли они соединяшея и сдѣлаюшъ набѣгъ, безъ сомнѣнія, Ваше Величество, ихъ усмирите, но съ величайшею пошереею людей и денегъ, не говоря уже о ненависти, обыкновенномъ слѣдствіи междоусобныхъ

браней, кошорая таково бѣдствіе удобнѣ возобновляшь можешь. Вашему Величеству оспашаешь разсудишь, споишь ли сей случай споль великаго пожертвованія. —

„Вы весьма благоразумно судите, Ливингстонъ; но сужденія ваши не успокоиваютъ меня за совершенное презрѣніе моея власши и не удовлетворяютъ Графа Роскелина, споль дерзко обиженнаго симъ бездѣльникомъ.“

— Я не опшвергаю, Ваше Величество, основательности сихъ причинъ; напрошивъ думаю, что еспшли бы можно было схватишь Монтея здѣсь, или въ Першѣ, то для будущаго спокойствія вашего должно было бы имъ пожертвовать; но какъ сего сдѣлать не успѣли, то пошому и держусь перваго свѣта мнѣнія. —

По общешельнѣйшемъ разсужденіи мнѣніе Лорда Ливингстона было принято, но крайней мѣрѣ до шого времени, пока

найдушъ не такъ опасное средство ош-
мшишь ужасному Моншею.

Между шѣми Сент-Клеръ и шовари-
щи его благополучно прибыли на Барру
и смѣялись ошъ души съ друзьями сво-
ими надъ случившимися съ ними произ-
шествіями. Послѣдніе, безпокоясь о без-
разсудномъ предпріятіи сотоварищей сво-
ихъ, приняли ихъ съ восхищеніемъ, а
болѣе еще радовались они пошому, что
Сент-Клеръ, повидимому, освободился ошъ
мрачной меланхоліи, до ошъѣзда его
удручавшей, и воспріялъ прежнюю свою
веселость. Маленькой Рандольфъ карабка-
ся къ нему на колѣни, цѣплялся на шею
и тысячами ласкъ привѣтствовалъ его
возвращеніе. Сент-Клеръ взаимно ласкалъ
его, говоря: нѣтъ, милое дитя, нѣтъ!
я не возвращу тебѣ твоимъ родителямъ,
на коихъ ты ни мало не походишь! я
не могу повѣришь, чтобы ты имъ при-
надлежалъ; мнѣ и воспоминанію Рандоль-
фа ты будешь теперь принадлежать, и
взявъ его на руки, съ чрезвычайнымъ чув-

сшвомъ присовокупилъ : нѣтъ ! я не возвращу себя , хотя бы оныя шого зависть-ло спасеніе моеи жизни !

Открышіе наслѣдницы Киншала въ молодомъ Амброзіи восхищало изгнанниковъ ; всѣ они приписывали любви къ Сенш-Клеру странное ея посѣщеніе , хотя и не могли узнать , гдѣ она его прежде видѣла и что ее къ нему привязало. Сенш - Клеръ не соглашался съ мыслями ихъ ; однако же оныя пріятны были для его сердца. Нечувствительна Амбруазина начала занимать всѣ его помышленія , и возродила мысль , что естли бы она была первымъ предметомъ его любви , повѣроятно онъ не нашелъ бы въ ней такой неблагодарности , какъ въ вѣроломной Елеонорѣ.

Чрезъ мѣсяць послѣ ихъ возвращенія Сенш - Клеръ предпринялъ путешествованіе на островъ Спа съ дю-Бургомъ и Мак-Грегоромъ. Проведши тамъ нѣсколько дней , они перѣехали небольшою перешеекъ , раздѣляющій ихъ отъ Киншала , и въ

плашѣ простолюдимовѣ посѣпили Замокъ наслѣдницы, дѣлая вопросы, не возбуждающіе подозрѣнія. Они узнали, что прекрасная госпожа сего древняго Замка была боготворима своими крестьянами; что по завѣщанію своей матери она была отдана на время своего несовершеннолѣтія подъ надзоръ Лади Роскелинѣ, и живетъ нинѣ съ своею опекуншею внѣ родигельскаго дома.

„Давно ли вы видѣли г-жу свою?“ спросилъ Сенп-Клеръ у слуги, показывающаго имъ Замокъ.

— Шесть мѣсяцовъ тому назадъ, отвѣчалъ онъ: но пребываніе ея здѣсь было слишкомъ коротко; Лади Роскелинѣ шакъ спѣшила ѣхать, что на послѣдней недѣлѣ оставила даже здѣсь Лади Амбруазину одну, и она потомъ отправилась къ Графинѣ въ Инвернесъ. —

Это почто тогда, сказалъ Сенп-Клеръ шихонько дю-Бургу. „Скоро ли вы ее ожидаете?“ прибавилъ онъ громко.

— Очень скоро. Многія распоряженія по духовной Лади Киншаль не были еще исполнены, и для того единственно объ Лади прїѣдутъ сюда. —

Изгнанники, удовольствовавши свое любопытство, ушли отсюда, и послѣ нѣсколькихъ совѣщаній они согласились сдѣлать еще путешествіе въ Киншаль прежде возвращенія своего на Барру; но чтобъ избѣжать подозрѣній, возвратились въ тотъ же день на островъ Спа.

Черезъ десять дней прѣѣдали они тамъ отъ путешественниковъ, что на слѣдница Киншаль прїѣхала въ свой Замокъ съ Лади Роскелинъ; что по повелѣнію сей послѣдней дѣлались большія пригошвленія къ принятію многихъ особъ и къ блистательнымъ праздникамъ, кои по слухамъ должны были окончиться бракомъ Амбруазины.

„Естьли это согласно съ ея сердцемъ, сказалъ Сѣнп - Клеръ: да будетъ она щаслива! Но, въ противномъ случаѣ, клянусь Небомъ, ни Лади Роскелинъ, ни всѣ

ея сообщники, даже цѣлый свѣтъ, не могушь принудить Амбруазину; я не пощажу никакихъ средствъ къ ея освобожденію, хотя бы должно было ее похитить.“

Дю - Бургъ захохоталъ. — Приведи мнѣ, сказалъ онъ, тигровъ, зивѣй, фурій, все, что хочешь, кромѣ женщинъ! ... помнишь ли ты, Сенш - Клеръ, когда намъ это говорилъ? О! какъ мнѣ нравится твердость твоихъ разсужденій! —

„Смѣйся дю Бургъ, какъ хочешь, я тебѣ это позволяю, другъ мой, и достоинъ твоихъ насмѣшекъ; но не уже ли ты думаешь, что я въ помъ не разсказываюсь? Теперь признаюсь, что если бы имѣніе мое было у меня въ рукахъ, я повергъ бы его къ ногамъ Амбруазины; между шѣмъ долженъ сказать тебѣ, что пишу къ ней одну только дружбу.“

Дю-Бургъ спалъ еще болѣе смѣясь. — Такъ! я понимаю дружбу молодого прекраснаго мущины къ дѣвушкѣ девятнадцати лѣтъ, которая подобна Амбруази-

нѣ. Дружба ли эта, или любовь, нужды нѣтъ; но если ты не овладеешь этою обожаемою дѣвицею, если допустишь овладѣть ею другому, то будешь тогда величайшій глупецъ! —

„Ты имѣешь довольно основательности, сказала Сенш-Клеръ, такъ обо мнѣ мыслишь, хотя я и не подаль тебѣ къ тому причины. Если бы я могъ сдѣлать ее счастливою, то бы оспаривалъ ее у цѣлаго свѣта; но заставитъ ее раздѣлять мою бѣдность и изгнаніе, по крайней мѣрѣ, безъ собственннй ея на то воли, было бы противно чести и склонности моей.“

Г Л А В А X.

Прекрасная наслѣдница Кингала въ самомъ дѣлѣ пріѣхала въ свой Замокъ съ Лади Роскелнъ, и множесство знаменитыхъ гостей были шуда ожидаемы. Лади Роскелнъ находила величайшее удоволь-

ствіе яъ блескъ, любила собиратьъ во-
 кругъ себя все, что только походило на
 Дворъ, и щеславилъся многочисленными,
 богатѣйшими празднествами. Произше-
 ствіе, лишившее ее дражайшаго внука,
 юнаго Монпроза, казалось, сильно занѣма-
 ло ее и возродило въ ней вкусъ къ уеди-
 ненію; но безъ сомнѣнія, она шамъ была
 снѣдаема горестными воспоминаніями.
 Уединеніе пріятно только для шѣхъ, кои
 могутъ входить въ самихъ себя; но оно
 дѣлается несноснымъ, когда кто боится
 своей совѣсти. По сей-то причинѣ уеди-
 ненная жизнь скоро наскучила Лади Ро-
 скелинъ, и она искала болѣе, нежели ко-
 гда-либо, сообщества въ большемъ свѣтѣ;
 не пропускала однакожъ ни одного слу-
 чая и средства открыть похищителей
 юнаго Графа; но никакъ не думали ис-
 кать его на островѣ Баррѣ. По проше-
 ствіи двухъ лѣтъ, не имѣя объ немъ ни
 малѣйшаго свѣдѣнія, заключили, что смерть
 дышаши воспрепятствовала требовашъ
 за него выкупа, и оставлены были всѣ

поиски ; Роскелины утѣшались другимъ сыномъ , которъй родился послѣ , какъ единственнѣмъ своимъ наслѣдникомъ . Пошомъ родилась у нихъ еще дочь ; но Графиня Елеонора оказывала къ ней обыкновенную свою холодность ; бабушка однакожь любила ее нѣжно . Можеть бытъ , она была бы также расположена и къ прекрасной дочери , которую искренняя ея подруга Лади Киншаль поручила ей при смерти своей ; но свойства ея и Амбруазины были совершенно различны , и пошому между ими истинная дружба сущесствовать не могла : съ одной стороны тончайшее приговорство , съ другою чрезвычайная искренность , иногда слишкомъ излишняя ; въ первой ценомѣрная надменность предъ низшими и подлое униженіе предъ высшими , въ другой благородная гордость , соединенная съ пріятностію и снисходительностію . Хотя Амбруазина и часто ссорилась съ Лади Роскелинъ ; но почитала въ ней выборъ , сдѣланный покойною своею ма-

пѣрью, и во всемъ, что ни относилось близко къ чувствамъ и счастью ея, Амбруазина старалась ей нравиться, повиноваться и соображаться съ ея вкусомъ. Будучи воспитана въ Замкѣ Кинпаль среди островитянъ и жителей горъ, она совершенно могла назваться питомицею природы; склонности ея были сплошь жѣпросы, какъ невинна душа ея. Она предпочла бы въ тысячу разъ уединенную жизнь въ древнемъ Замкѣ своемъ, составляя благополучіе своихъ крестьянъ, нежели блистать при Дворѣ, или въ многочисленномъ обществѣ. Лади Роскелинъ, не желая доставить ей болѣе удовольствія въ Замкѣ Кинпаль, пригласила пѣвца всѣхъ ея пріятелей.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи ихъ въ Замокъ, во время ужина слуга доложилъ, что три музыканта просятъ позволенія показати свое искусство предъ ними. Это три дряхлые старца, прибавилъ онъ, кои въ молодости были

въ сраженіяхъ и изувѣчены: двое чрезвычайно хромающъ, а у претяго вышибенъ глазъ; на нихъ не шакъ пріятно смотрѣть, какъ слушать ихъ пѣніе и игру; одинъ играетъ на флейшѣ, другой на арфѣ, а претій кривой поетъ столь превосходно, что я ничего не слыживалъ подобнаго.

„Позвольте, сударыня, сказала Амбруазина, впустишь ихъ; я люблю всѣхъ храбрыхъ воиновъ. Мнѣ нѣсколько грустно, и музыка можешь меня разсѣять.“

— Хорошо, сказала Лади Роскелинъ: введите ихъ сюда; но прежде прикажише дать имъ поѣсть. —

Слуга вышелъ. Она спросила Амбруазину: — ошъ чего бы ей столь было грустно? чего тебѣ недостаетъ? сказала она: пы молода, богата и хороша; одинъ изъ первѣйшихъ Рыцарей Шотландіи желаетъ посвятить тебѣ жизнь. —

„Бы, Милади, пронули меня съ чувствительной стороны! Этошъ - пошаной Рыцарь и пятитъ мое сердце.

Никогда не могла я любить его не послѣ гоненій, кои онъ на меня навлекъ, я гонюва его ненавиждѣшь, а ненависть очень шягостное чувство!“

Раздраженная Лади Роскелинъ хотѣла опивѣчать, какъ слуга ввелъ прехъ музыканшовъ. Амбруазина обрадовалась, что они прервали разговоръ, и приняла ихъ съ благосклонною улыбкою. Они были шаковы, какими описалъ ихъ слуга — изранены и изуродованы: одинъ ходилъ на деревяшиѣ, другой ужасно хромалъ, а третій былъ еще страшнѣе, имѣя половину лица подъ чернымъ плашыремъ; однако же плашье ихъ было чисто и кристойно; сѣдые волосы ихъ и длинныя бороды внушали къ нимъ состраданіе и уваженіе.

Лади Роскелинъ была слишкомъ горда, чтобъ обратишь вниманіе на такихъ людей, коихъ она почитала за ничто. Ихъ наружность сдѣлала въ ней неприятное впечатлѣніе; она съ презрѣніемъ опьратила взоры. Но Амбруазина, пора-

женная ихъ несчастіемъ и печеннымъ видомъ, подошла къ нимъ и сказала пріятнымъ голосомъ: „вы очень дряхлы, добрые спарики! какъ можно вамъ въ такомъ положеніи ходить по міру: общество должно оказать вамъ благодарносшь за услуги ваши и дашъ вамъ убѣжище; вы, кажешся, много поперпѣли, защищая его?“

— Много, Милади! отвѣчалъ первой: мы сражались за Роберта Спурарна подъ знаменами храбраго Арчибада Дугласа и сына его Вилліама; мы были на ужасномъ сраженіи при Ошпербуанѣ; при насъ Генрихъ и Ральфъ Перей взяшы въ плѣнь и покрышы ранами; мы видѣли шакже смерть мужественнаго Графа Дугласа. Послѣ того мы вступили въ службу Роберта III. Подъ знаменами Вилліама Дугласа сражались проливъ враговъ креста до того времени, какъ нашъ храбрый вождь былъ измѣннически убитъ въ Доскинской гаванн

ни гнуснымъ Лордомъ Клиффордомъ; защищая его и желая за него опмспшшь, были мы изранены, какъ видите. —

„Бѣдные воины! сказала Амбруазина: они всегда бывають жертвами несогласія властей своихъ! Дайте имъ по бутылкѣ хорошаго вина, чшобъ подкрѣпить ихъ силы и оживить игру: я съ удовольствіемъ буду ихъ слушать.“

Слуги повиновались; и музыканты, выпивъ за здоровье двухъ Дамъ, начали играть. Кривой, аккомпанируемой очень хорошо своими поварищами, воспѣлъ Дрожщимъ, но пріятнымъ голосомъ коронованіе Роберта Брюса рукою Лади Бюханъ, пѣшомъ сраженіе Баноккбургское и многія другія баллады. Онъ остановился, выпилъ рюмку вина, кошерую ему подали, и спросилъ, желаюшь ли, чшобъ онъ еще пѣлъ.

„Когда угодно Лади Роскелинъ, сказала Амбруазина. Не имѣете ли вы, Милади, какой любимой баллады?“

— Нѣшь, никакой, возразила съ презрѣніемъ Лади Роскельнъ: пустьъ они скажутъ сами, какія знаютъ. —

„Хопите ли вы, Милади, слышатъ спраданіе Лади Барвары, или Гардія Кануша, или пораженіе Датчанъ?“

— Все эшо старое, сказала Лади Роскельнъ: не уже ли вы не знаете чего новѣе? —

„Нѣшь, Милади! для новыхъ пѣсень негодится мой голосъ; но я знаю одну на Ирландскомъ языкѣ, которая нравилась въ мое время всѣмъ Дамамъ: она называется *изгнаѣникъ и его ангелъ*.“

— Мнѣ не нравицца эшо названіе; однакожь посмопримъ, что эшо такое. Впрочемъ, какъ я не знаю Ирландскаго языка, шо, спарикъ, скажи мнѣ напередъ содержаніе баллады. —

„Охотно, Милади! Во время царствованія одного изъ древнихъ Королей Шетландскихъ, въ пѣснѣ не сказано, какого именно, одинъ человекъ, несправедливо осужденный, былъ сосланъ на острѣвъ

къ сѣвернымъ берегамъ: Нещасливецъ жилъ тамъ безъ помощи, безъ утѣшенія! Баллада соспоишь въ томъ, что его посѣтила дѣвушка, которая показалась ему ангеломъ, посланнымъ съ небесъ. Не только эшопъ ангель принесть съ собою все, могущее облегчить его; но распаваясь съ нимъ, оспарилъ вѣчное впечатлѣніе признашельности и заспавилъ его мужеспвенно сносите жребій свой.“

При названіи баллады Амбруазина вздрогнула, и опершись на руку, спаралась скрипеть свое замѣшацельство; но наконецъ прервала музыканпа, и румянецъ обнаружилъ ея смяшеніе; она сказала ему оъ живоспію: — прошу шебя, спарикъ, не пой эшой баллады; я ее знаю и не могу перпеть: потому что въ поступкахъ эшого мнимаго ангела есть нѣчто, чего одобришь не лзя, и что оскорбляетъ нѣжностъ ея пола и благоприспшойностъ. —

„Вы обманываешесь, Милади! прервалъ спарикъ: я не желаю оскорблять

вась пѣніемъ пѣю, что не прилично
вѣмъ слушаешь. Дѣвица моей Ирландской
пѣсни была добродѣтельна, какъ прекра-
снѣйшая дѣвица въ Шотландіи; она пови-
новалась движеніямъ великодушнаго серд-
ца, не оскорбляя невинности, и авторъ
баллады называетъ ее *ангеломъ* потому,
что она была шайже непорочна, чиста
и добродѣтельна. Милая, почитаемъ,
можешь быть, эту за другую какую бал-
ладу, если только она хочешь ее слы-
шать? "

— Нѣтъ, нѣтъ! я не обманываюсь, воз-
разила Амбруазина: это точно та самая;
комуго тебѣ разскажешь ее сначала до
конца: изгнанникъ не хотѣлъ ли прель-
стить ее, давши ей дорогую золотую
цѣпь, и не хотѣлъ ли заставить ее оспа-
саться съ нимъ? Одинъ изъ его товарищей
взялъ ее за руку и не спускалъ съ нее глазъ.
Ты видишь, чему подвергалась эта дѣви-
ца и какія имѣли объ ней мысли! Не зна-
ли твоя пѣсня, добрый шарикъ? —

„Испы въ ней куплесть, Милади, въ коемъ упоминается о золотой цѣпи, которую ангель не хотѣлъ принять.“

— А другой, въ коемъ сказано, что она опяяда свою руку, подхвашилъ одинъ изъ хромыхъ, когда другъ изгнанника хотѣлъ взять ее, и сдѣлала ему суровой отвѣтъ. —

„Въ третьемъ куплесть, сказалъ кривой, есть, что изгнанникъ не зналъ совсѣмъ, кто былъ энопъ ангель; что онъ убѣждалъ по утру не открывшись, оставивши золотую цѣпь, и когда онъ узналъ, что энопъ ангель былъ дѣвица, то взиралъ на нее, какъ на ангела хранишеля.“

— А я утверждаю, сказала Амбруазина, что она была молодая безразсудная дѣвушка, которая не должна бы была увлекаться движеніями своего сердца. Эта баллада очень худаго содержанія: я не люблю ее, пойде другую, прошу васъ. —

„И мнѣ она не нравится, сказала Графиня Роскелинъ, коей также не нравилось слово *изгнанникъ*: я одобряю твою

разборчивость; пускай они поюшъ шакія баллады, кошорыя особы, подобныя намъ, могушъ слушашъ безъ нарушенія благоприспойности.“

— Какъ вамъ угодно, — сказалъ музыкантъ, и запѣлъ подвиги Александра I, прозваннаго Гордымъ, съ такою силою и выразительностію, что внушилъ бы мужество самымъ трусливѣйшимъ людямъ. Перебннвши пошомъ шонъ, онъ запѣлъ смерть прекрасной Моды, супруги Давида I, и плачь ея мужа, кошорый клялся на ея гробѣ не смопрѣшъ никогда ни на одну женщину. Въ словахъ и музыкѣ этого романса было что-то столь проташельное, и шарикъ пѣлъ его столь хорошо, что Амбруазина не могла удержашъся отъ слезъ. Сама Лади Роскелинъ была очень пронута и чувшвовала шакое удовольствіе, что просила Амбруазину приказатъ музыкантамъ ошпашъся съ Зайкѣ, чтобы забавляшъ благородныхъ гостей, кошорые были ожидаемы.

Амбруазина ничего не опивчала; глаза ея были орошены слезами; сказали бы, что она видѣла предъ собою прекрасную Моду, испускающую дужь, и чувствительнаго Дэвида, плачущаго на ея гробѣ. И такъ сама гордая Лади Роскелинъ принуждена была приказашь музыкантамъ оспашься и людямъ своимъ имѣшъ объ нихъ попеченіе. Они ушли въ комнату, которую имъ указали, засвидѣтельствовавши свою благодарность. При выходѣ ихъ Амбруазина не взглянула на нихъ и не сказала ни слова; Лади Роскелинъ также ушла и оставила ее погруженною въ глубокую задумчивость.

Сначала она никакъ не могла узнать музыкантовъ (такъ хорошо они переодѣлись); и въ самомъ дѣлѣ предещій голосъ, кошорымъ пѣлъ Септ - Клеръ, препитствоваль узнать его; но въ то время, какъ онъ началъ говорить о изгнанникѣ и его ангелѣ, она узнала его и пришла въ чрезвычайное безпокойство, и те-

перъ не знала, что дѣлать: ни за что въ свѣтъ, хотя бы даже жизнь ея была опъ того въ опасности, она не открыла бы объ нихъ мстительной Лади Роскелвинъ. Однако же согласилась, чтобы онъ оставались въ Замкъ, было также не возможно: это значило бы подвергнуть ихъ опасности быть узванными, и вмѣстѣ сдѣлаться участницею въ ихъ переодѣяніи и обманѣ, который оскорблялъ ея скромность; она не могла теперь не видѣть, сколько Монтей занималъ ея сердце на турнирѣ; и когда онъ подошелъ къ ней и началъ говорить, не смотря на приговорный его выговоръ и Данское вооруженіе, внутреннее чувство сказала ей, что это Сенш-Клеръ. Она была въ смертномъ безпокойствѣ о его опасности до той минуты, какъ Карнежій сказалъ ей объ его опъздѣ. Едва избѣжалъ онъ опъ сего безразсуднаго предпріятія, и она прѣпестала, видя его подверженнымъ той же опасности, чтобы только ее увидѣть. Въ эту минуту она думала.

что первый долгъ ея состоялъ въ томъ, чѣмбы поговорить съ нимъ, засшавишь его возвращишься въ крѣпость и оставяшь тамъ до тѣхъ поръ, пока время и дружескія спаранія перемѣнятъ его жребій.

Одна мысль видѣвъ его послѣ безразсуднаго поступка, который она сдѣлала, прѣзжая передѣлою въ Барру, заставлялъ ее красивѣе ошъ спыда; какъ осмѣлилась ей порицать его за поступокъ, къ которому она сама подала ему поводъ? Амбруазина чувствовала тогда, какъ одинъ проступокъ влечетъ за собою тысячу другихъ; но эшошъ проступокъ усладилъ горести Сенш-Клера, познакомилъ ее съ нимъ; она не могла въ томъ разкаяваться, и думала его исправить, упросивши Монтея оставишь пошчасъ Замокъ. Она ушла въ свою комнату, съ неперпѣніемъ дожидаясь завшрачнаго дня, чѣмбы исполнить свое намѣреніе.

Г Л А В А XI.

Амбруазина, привыкши къ сельской жизни, всегда рано пробуждалась; но нынѣшній день она еще раньше встала, и какъ Лади Роскелинъ обыкновенно долго спала, по они никогда вмѣстѣ не завтракали. Амбруазина съѣла у стола и приказала ввести къ себѣ музыканшювъ, желая слушать игру ихъ и пѣніе въ продолженіи завтрака. Музыканшювы вошли, слуги высланы, и она осталась съ ними одна. Тогда замѣщательство ея было столь велико, что она не могла произнести ни одного слова; но Сент-Клеръ не оставилъ ее долго въ семъ положеніи: сорвавши проворно съдой парикъ, къ которому прикрѣплена была длинная борода и пластырь, онъ бросился къ ногамъ ея. „Прекрасная Амбруазина! произнесъ онъ съ жаромъ: скажише, что прощаете обманъ, причиною котораго была только одна живѣющая благодарность! Сердце мое уже чувствовало нѣжнѣйшую дружбу къ всему

благодѣшело Амброзію; посудите, что почувствовало оно, узнавъ его въ чершахъ божественной Амбруазины Кинпаль? Не возможно было выразить чувствъ моихъ въ шолпѣ, гдѣ сверхъ того я долженъ былъ оставаться неизвѣстнымъ; но заключить ихъ въ своемъ сердцѣ — было еще не возможнымъ! . . . И такъ я прибѣгъ къ этой хипроси, чтобы васъ увидѣть и возвратить по, чѣмъ вы хотѣли подарить меня.“ Сказавши это, онъ положилъ предъ нею маленькой ларчикъ, который она привезла ему на Барру. „Я возвращаю вамъ только деньги, въ коихъ не имѣю болѣе нужды, прибавилъ онъ: но признательность начерталась въ моемъ сердцѣ неизгладимыми чершами!“

Между шѣмъ, какъ Сент-Клеръ говорилъ, Амбруазина имѣла время прилпнп въ себя; она начала говорить въ свою очередь съ достойною скромностію: — Чтобы вы мнѣ ни говорили, Сент-Бляръ! я все оставусь въ шѣхъ мысляхъ, что поспулки мои съ вами должны вамъ казаться

ся необыкновенными и могущь бышь исполкованы въ жудую спорону; но я знала, что хочу посѣвшишь чловѣка чеспнаго и благороднаго, знала, что онъ нещасливъ — и вопшь мое оправданіе! —

„Милая Амбруазина!“ сказалъ Сент-Клеръ, поцѣловавъ ея прекрасную руку, коюсрой Рыцарь дю-Бурръ сполько удивлялся на Баррѣ.

— Опець мой, продолжала она, внушилъ мнѣ чрезвычайное участіе къ жребію Сент-Клера Моншея; онъ часто говорилъ объ немъ какъ о жерпвѣ матерней гордоспи и непроспишельной слабоспи опца, хвалилъ его жраброспъ, чувспвишельность, привязанность къ дядѣ своему, коему онъ помогаль въ староспи; онъ говорилъ, что эшопъ доброй и мужеспвенный молодой чловѣкъ сдѣлаль бы чеспъ своему имени и опечеспву. Послѣ этого нещаспія случились съ вами, Сент-Клеръ: вы лишились дяди, и ваши неприятели нашли средспво завладѣтъ вашимъ имѣнемъ и изгнашь васъ; годи-

шель мой также умеръ. Безъ сомнѣнiя онъ бы принялъ вашу сторону предъ Королемъ, а дочь его могла только плакать о вашемъ злополучiи! Нещасiе, соединенное съ мужествомъ, весьма прогашельно для женщинъ; я очень желала съ вами познакомиться; но какъ вы находились въ ссылкѣ, то невѣроятнымъ казалось, чтобы желанiе мое когда-либо могло исполниться. Съ самой смерти родителя моего я жила уединенно съ мапущкою въ этомъ Замкѣ. За два года предъ симъ дѣла опоздали въ Левсъ, куда я ей сопутствовала; шамъ вновь привели мнѣ на память Моншея похвалы, кои я слышала со всѣхъ сторонъ о его благопоришельности въ несчастнымъ жителямъ острововъ, куда онъ былъ изгнанъ съ нѣкоторыми изъ преданныхъ ему друзей. Зима была бурная и жестокая; изгнанники старались, чтобы островитяне отъ того не потерпѣли, раздѣлили съ ними всѣ свои запасы; и Моншей, коего всѣ они величали именемъ начальника, былъ ими обождемъ.

Мое желаніе, видѣшь его, увеличилось. Наконецъ однажды по упру, прогуливаясь по водѣ съ нѣкоплыми, молодыми подружками изъ Левса до острова Барры, мы встрѣшили судно, шедшее къ берегу; нѣсколько чловѣкъ стояли на палубѣ: это изгнанники Баррскіе! вскричала одна изъ подружекъ моихъ; а Моншей съ ними ли? спросила я. Вотъ онъ, отвѣчала она мнѣ, указывая на васъ. Наши суда повстрѣчались и сдѣлали должное приѣшспвіе. Вы и друзья ваши сняли шляпы; тогда я увидѣла и замѣшила васъ довольно, чтобы послѣ узнать, когда видѣла васъ на Баррѣ. —

„Мнѣ очень памятна эта прогулка и эта интересная встрѣча! прервалъ Сенш-Клеръ: но какъ я былъ слѣпъ! я ничего особеннаго не замѣшилъ; ешьли бы только увидѣлъ я Амбруазину, то узналъ бы ее подъ всѣми возможными переодѣваніями!“

— Не пребую у васъ привѣспвій, сказала Амбруазина улыбаясь: я воспользовалась нынѣшнимъ случаемъ, чтобы

изъяснить вамъ мой поснупокъ; и еспь-
ли можно оправдашь себя и удовлеспворить
вашему любопышству, прошу васъ, слу-
шавь меня шerpвливо. . . . —

Моншей и друзья его молча покло-
нились; она продолжала: — Вскоръ послѣ
возвращенія нашего въ Кинпаль я лишилась
машушки и была ввѣрена по ея волѣ въ
продолженіе моего несовершеннolъшя Ла-
ди Роскелянъ, ея искренней пріятельницѣ
и дальней нашей родеспвенницѣ. Она помо-
гла мнѣ опдашь послѣдній долгъ машуш-
кѣ, и когда эшо было кончано, шо увезла
меня съ собою въ полуденную Шопландію.

По пріѣздѣ нашемъ къ фамиліи Ро-
скелиновъ я шакже слышала о Моншеѣ,
но совершенно оплично опъ прежняго; и
еспьдиль я не имѣла объ немъ рѣши-
тельно хорошаго мнѣнія, шо привыкла бы
опъ вихъ почитавь его чудовищемъ. Во
время моего пребыванія въ Замкѣ Роске-
линъ Милади, поручивъ меня сыну и
невѣспкѣ, поѣжала въ свою дачу Биздаль
и взяла съ собою своего внука улдепгаго

Лорда Моншроза, имѣвшато тогда годъ съ небольшимъ. Жестокое несчастіе поразило ее: на возвратномъ пути близъ границъ Англии на коляску и провожающихъ ее напали разбойники; которые похищили дитя и увезли его, чшобъ получить выкупъ; но какъ объ немъ никогда не было объявлено, то и должно думать, что онъ вскорѣ послѣ похищенія умеръ.

Вы можете судить, какъ опечалилась вся фамилія, когда узнала объ этомъ несчастіи, а болѣе всѣхъ Лади-Роскельнъ; кошорая очень его любила, и Графъ, кошорый видѣлъ въ немъ своего наследника. Что же касается до молодой Графини, то она не можетъ любить никого, кромѣ самой себя, и привела меня въ негодованіе нечувствительностію, кошорую показала въ этомъ случаѣ. Чувства ея всѣмъ не походили на материнскія, и я удивлялась холодности ея къ этому дитяшю, кошорымъ бы всякая другая мать

гордилась и восхищалась, ибо это было прекраснѣйшее дитя; но она его не находила такимъ, пошому что онъ не похожъ былъ на нее. Графиня бѣлокура и имѣетъ голубые глаза, а маленькой Монпрозь былъ шемнорусь и глаза имѣлъ черные. Она говорила объ немъ всегда съ чрезвычайнымъ презрѣніемъ, называла его совершеннымъ Монтеемъ и огорчалась, находя въ немъ столь неависпное для нея сходство. . . . Чтожъ касается до меня. . . я любила это дитя. . . . очень любила и судила по плѣнительной его фізіономіи, что онъ будетъ нѣкогда совершеннымъ Монтеемъ, какъ называла его мать, сожалѣла объ немъ болѣе ея, и совершенно увѣренъ былъ, что гордая фамилія Роскелиновъ справедливо наказана за свою жестокость. Незадолго до этого происшествія, Моншей прислалъ приказаніе къ Карнежію, своему повѣренному, выдать бо марковъ. По повелѣнію Графа ему оказано было въ томъ съ ругательствомъ, и Карнежію получилъ особенное приказаніе.

ніе ничого не давашь Сенш - Клеру. Когда услышала я столь жестокое приказаніе , шо почувствовала негодование , котораго не могу выразить, и сильное желаніе сдѣлать шо, что бабюшка мой сдѣлалъ бы, еспьли бы былъ живъ, ш. е. помочь героку, говимому съ шакимъ не правосудіемъ и вручить ему деньги, въ коихъ онъ имѣлъ нужду, но надобно было найти средство, чтообъ они дошли до него вѣрно , и я не могла вообразить другаго. . . —

Она оспановилась на нѣскольکو минутъ, а Моншей, устремивъ на нее свои взоры, казался еще ея слушающимъ. Слова Амбруазины, подобно благошворному дождю, увлажевающему сухую землю, оживляли сердце Сенш - Клера и давали ему новую жизнь; однако же, когда она говорила о похищеніи дитяти, онъ ощутилъ тягосшное чувство : лице его покраснѣло, онъ готовъ былъ прервать ее и обвинить себя виновнымъ въ шомъ, въ чемъ на самомъ дѣлѣ былъ невиненъ. Мак-Грегоръ, который надзиралъ за нимъ, по-

далъ ему знакъ , приложивши палець къ губамъ своимъ , и Сенш - Клеръ не имѣлъ мужества заслужить въ сію минушу порицаніе Амбруазины ; онъ замолчалъ , а она продолжала .

— Повѣсть меня увлекаешь и опшдаляешь опъ предмета , помнишься , я остановилась на опказѣ Графа въ разсужденіи выдачи Сенш - Клеру 60 марковъ и моемъ справедливомъ негодованіи . . . Графиня , споль же щеславная своимъ богатствомъ , какъ и красопою , любила наряжаться великолѣпно и перемѣняшь свои драгоценности ; она начала скучать вашими , которыя доспались ей послѣ конфискованія и завидовашъ шѣмъ , кои получила я въ наслѣдство опъ мапери моей и привезла съ собою . Воспользовавшись случаемъ къ полученію нѣкоторой вашей собственности , я предложила ей помѣняться , что она приняла съ восхищеніемъ , и я получила безъ запрудненія золотую цѣпь и бриліанты , которыя привезла на Барру . . . Вы знаете шеперь всѣ мои шайны , ска-

зала она смѣясь : шаинспивенный другъ — ешь бѣдная Амбруазина! — Моншей хошѣль кинуться къ ногамъ ея; но она, удержавъ его, заспавила сѣспь, говоря: — не хопите ли вы знать, какимъ образомъ пробралась я въ вашу крѣпость? Лади Роскелинъ по моей просьбѣ провожала меня въ Киншаль, куда я объявила желаніе возвратиться; но чрезъ нѣсколько дней, нашедши сіе жилище слишкомъ печальнымъ, она оставила меня одну и посѣшила друзей своихъ, живущихъ близъ Ивернесса. Въ краткое ея отсутствіе исполнила я свое предпріятіе; воспользовалась рыбачьимъ судномъ, принадлежавшимъ мужу моей кормилицы, кошорой мнѣ преданъ; онъ доставилъ мнѣ мужское платье, отвезъ меня на Барру и благополучно возвратилъ сюда — вошь моя исторія. Признаюсь, я прѣспушила границы моего пола; но чистосердечіи моихъ намѣреній извиняешь меня въ общесивенныхъ моихъ глазахъ, а надѣюсь и въ вашихъ. —

„Превосходнѣйшая изъ женщинъ! сказала Моншей, поцѣловавъ ея руку: у меня не доспаетъ словъ выразишь вамъ мою признательность! Амбруазина! Амбруазина! чѣмъ я заслужилъ отъ Неба тако-го друга, какъ вы, я бывший споль дол-го игралицемъ заблуждений? Я нѣкогда думалъ, что буду любить дѣвушку, ко-торая была только хороша! но та, копто-рой совершенная красота есть малѣйшее достоинство, та, которая соединяетъ съ небеснымъ видомъ сердце еще лучше, захопѣла мною занявшись! Нѣтъ! Амбру-азина не можешь обмануться; и человекъ, коего она удостоиваетъ своею дружбою, докажетъ, что онъ ея достоинъ и ка-кую цѣну она имѣетъ въ глазахъ его!..“

— Хорошо, сказала Амбруазина улыбаясь: пусть же покажетъ онъ мнѣ шеперь, что эша дружба имѣетъ надъ нимъ нѣ-которую власть. Сент-Клеръ! вы не въ безопасности въ Кингалъ, и я прошу васъ немедленно возвратишься на осп-ровъ Барру. Вижу, что слово опасность

заставило васъ улыбнущся, и что въ
 ея не спрашишесь; однакожь согласи-
 шесь, надѣюсь я, для другихъ причинъ,
 для чести и славы Амбруазины! Дѣвица
 моихъ лѣтъ, подѣ надзоромъ друга сво-
 ей матери, не должна ее обманывать,
 оставляя въ своемъ домѣ и при ея гла-
 захъ молодаго переодѣшаго мушину; мо-
 жетъ бытъ я не понимаю всѣхъ тонко-
 стей строгихъ законовъ, предписанныхъ
 вашему полу. Когда мнѣ должно будетъ
 помочь угнѣшенному, можетъ бытъ я
 еще нарушу ихъ; но никогда не опсшу-
 плю отъ границъ чести. Ваше пребыва-
 ние здѣсь бесполезно и опасно для васъ
 и для меня; я надѣюсь, что вы долго
 не останетесь? —

„Сколь ни шегошно это приказа-
 ние, но я вамъ повинуюсь, сказалъ Мон-
 шей: честь Амбруазины для меня дороже
 жизни.“

— Благодарю васъ, сказала она ему:
 мы можемъ, я надѣюсь, еще увидѣться;
 но прошу васъ, возьмите эшопъ ларчикъ,

я теперь никакой не имѣю нужды въ деньгахъ; вмѣнѣ его возвратите въ другое время. —

„Милая Амбруазина! вы забываете, что я ограбилъ самого себя наѣздомъ моимъ на Карнежія, и что теперь богатъ. Позвольте мнѣ отказать оупъ вашей милости. Чтожъ касается до брилліаншовъ, я остаюсь вашимъ должникомъ; они на Баррѣ, я счелъ ихъ принадлежавшими моему дядѣ и не зналъ того великодушнаго средствъ, кошорымъ вы ихъ достали на счетъ вашихъ драгоценностей.“

Амбруазина согласилась взять деньги. — По крайней мѣрѣ, сказала она, вспомните въ нуждѣ, что вы имѣете друга. — Она встала, дала поцѣловать ему руку въ знакъ прощанія, и ласково поклонилась его двумъ спутникамъ. Дю-Бургъ не могъ болѣе оставаться на своемъ мѣстѣ; онъ кинулся къ ногамъ ея. „Сударыня! сказалъ онъ ей съ жаромъ: назовите также своими друзьями преданныхъ друзей

Сенп - Клера ; почините эшимъ драгоцѣн-
нымъ именемъ человека гошоваго пожертво-
вашь жизнию за него и за васъ, который
не будетъ хронать, когда долженъ слу-
жить вамъ.“

Амбруазина улыбнулась. — Это Ры-
царь дю-Бургъ, сказала она, который при-
водитъ въ замѣшательство бѣднаго Ам-
врозія, и который заставилъ его уѣхать
изъ Барры нѣсколькими часами ранѣе, не-
жели онъ хотѣлъ! —

„Вы теперь за себя опшцаете,
опвѣчалъ Рыцарь, опсылая насъ шакъ
скоро и шакъ жестоко въ нашу печаль-
ную крѣпость!“

— Я не смѣю просить, сказалъ Мошпей,
опперочки на нѣсколько часовъ; однако же
можешъ бышь самое благоразумге пре-
буешъ, чтобы мы не показывались убѣ-
тающими и чего нибудь боящимися. При-
зваюсь, что желалъ бы сдѣлать Амбруа-
зинѣ одинъ вопросъ, который очень ме-
ня занимаешъ, прежде нежели разстанусь
съ нею? —

„Чтожь, предложите его!.. Вы медлите? Какой долженъ быть эшотъ вопросъ, еспьли вы не смѣете сдѣлать его при друзьяхъ шоль вѣрнѣхъ?“

— Мой вопросъ, сударыня, касается шолько де васъ самихъ. Моншей не забылъ, что онъ шолько несчастный изгнанникъ; но однакожь желалъ бы предложить вамъ вопросъ мой наединѣ. —

Амбруазина приняла на себя важный видъ. Подумавъ нѣсколько, она сказала ему: „я васъ огорчила и хочу что вознаградишь и докажешь вамъ мою довѣренность. Останьшесь до утра, я поищу случая еще съ вами поговорить. Прощайте, друзья мои! пусть попушный вѣпръ доставишь васъ на Барру! — Миѣ горесшно такъ худо васъ у себя принимаешь, а еще болѣе принуждаешь васъ ошюда удалиться; но можетъ быть нѣкогда буду я шаспливѣе — необходимосшь меня извиняешь.“ Она подала руку каждому изгнаннику и выбѣжала съ легкостію

Сильфиды, оспавивши ихъ всѣхъ про-
ихъ въ восхищеніи.

— Нѣтъ! сказала Мак-Грегоръ: нѣтъ!
я никогда не женюсь: пошому что нѣтъ
на свѣтѣ двухъ Амбруазинъ; а какъ я не
могу искашь руки ея, по отказываюсь
ошъ всѣхъ женщинъ! —

„Эшо правда, отвѣчалъ дю-Бургъ: она
имѣешь всѣ прелести своего поля, и я
не видывалъ никогда дѣвицы, которая мо-
гла бы съ нею сравнишься! Помнишь ли
пы, Мак-Грегоръ, сколько разъ глупой
Сенш-Клеръ превозносилъ прелести сво-
ей Елеоноры, какъ онъ вѣрялъ насъ,
что она не имѣешь равной; но въ сравне-
ніи съ Амбруазиною она шель же ничто-
жна, какъ крапива предъ розою, или кре-
мень предъ алмазомъ. Вездѣ можно видѣшь
подобныхъ Елеоноръ, но Амбруазина шоль-
ко одна!“

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала Моншей:
вы оба, также какъ и я, влюблены въ
эшого ангела; ибо, признаюсь шеперь, что
эшо не дружба, а шо, что можно чув-

сповоашъ къ дѣвицѣ. Я желалъ бы избрать для нее другое слово, а не любовь; ибо я ее осквернилъ, чувствуя къ другой женщинѣ, недостойной внушать ее. Елеонора! Елеонора! ахъ, какъ я тебѣ благодаренъ! —

„Какія глупости! сказалъ Мак - Грегоръ: я тебя не понимаю.“

— Ахъ! сказалъ Сент - Клеръ: если бы она не заплашила мнѣ за любовь неблагодарносшю, если бы не измѣнила мнѣ и не была самою вѣроломнѣйшею изъ женщинъ, то было ли бы теперь свободное сердце? могло ли бы предаться чувствамъ, копорыя дѣлають славу и честь моей жизни? Никогда они не приведуть меня къ щасшю; я даже не долженъ эшого желашъ. Но скажу самъ себѣ: я осмѣлился любить Амбруазину, она была ко мнѣ не нечувствительна, и эшо сдѣлаешъ меня щасшливѣйшимъ и щеславнѣйшимъ, нежели обладаніе всякою другою женщиною. —

Оспапюкъ дня музыканты такъ искусны были въ своей должности, что, казалось, будто они ни чѣмъ кромя этого не занимались. Лади Роскелинъ была такъ довольна, что возобновила приказаніе оспашься въ Замкъ. Послѣ ужина Амбруазина, дѣлая видъ, будто пробуетъ свою арфу, подошла къ нимъ, и заигравъ прелюдію одного романса, нашла средство сказать Сенш-Клеру: когда пробьешь полдень, придише въ большой корридоръ.

Когда вечеръ кончился и Лади Роскелинъ, Амбруазина и всѣ домашніе пошли спать, то Моншей, вмѣсто того, чтобы возвратиться съ друзьями въ свою комнату, пошелъ въ корридоръ, который назначила ему для свиданія Амбруазина; — онъ дожидался ее тамъ цѣлый часъ, и принужденъ былъ прожакиваться, ибо тамъ не было ни одного спула.

Наконецъ услышалъ легкій шумъ, и прекрасная наслѣдница предстала предъ нимъ съ восковою свѣчею въ рукѣ.

„Благодарю, милая пріятельница, сказала онъ, подошедши къ ней, что вы согласились на мою прозѣбу; — я скажу вамъ только одно слово и не долго задержу. — Я былъ бы очень несчастливъ, еслибы ушелъ, не сдѣлавши одного вопроса, который вы почтете можете быть нескромнымъ, но надѣюсь, что дадите отвѣтъ съ свойственною вамъ искренностію!“

— Еслибы я не хотѣла вамъ искренно отвѣчать, сказала она: то и не пришла бы сюда. Знаю, что я заслуживаю упреки и что продолжаю преступать изъ дружбы къ вамъ границы моего пола и дѣвъ; но знаю также свое сердце и люблю вамъ ввѣряться; и такъ говорите, скажите мнѣ все, что вамъ надобно перепишнымъ вечеромъ и разспанемся о шѣвъ, чтобы увидѣться только тогда, когда Небу угодно будетъ соединить насъ. Я не могу изъяснить вамъ, въ какое безпокойство звергаетъ меня ваше пребываніе здѣсь! Все желаніе

вашихъ непріятелей соспоишь только въ шомъ, чшобы схватишь васъ внѣ вашего острова; и будыше увѣрены, Сенш-Клеръ, что они лишашъ васъ жизни. — (Она узнала опъ Графа Жона, что произошло въ Королевскомъ Совѣшѣ и мнѣніе Лорда Ливингстона.)

„Ваши приказанія для меня законъ, возразилъ Сенш-Клеръ: „чтожъ касаеться до моей жизни, шо она имѣеть цѣну въ глазахъ моихъ только опъ шого, что вы принимаете въ ней учаспіе.“

— Мы ожидаемъ ежеминутно, сказала она, гостей, и я не могу перенести мысли, что васъ могутъ узнать. Знаю, что друзья ваши и островишяне употребяшъ всѣ способы къ вашему освобожденію; но островъ опсюда далеко и все будешъ бесполезно; непріатели ваши прибѣгнушъ къ вѣроломству, вы будете ихъ жершвою, и ни что не можешъ спасти васъ опъ смерти! И это я, Сенш-Клеръ, вовлеку васъ шуда! я... — Она остановилась, ибо чувствва ея едва

же открыли сердечной шайны, и попомъ продолжала: — Меня будущъ упрекашь въ шомъ, что допустила васъ переодѣпнымъ въ свой Замокъ! — Моншей, будучи внѣ себя, взялъ руку Амбруазины: „Любезнѣйшая, я скорѣе умру, нежели подвергну васъ упрекамъ! Мы уѣдемъ на разсвѣщѣ. Но кто шаковы госпи, копорыхъ вы ожидаете?“

— Лордъ и Лади Роскелинъ и многіе господа изъ друзей ихъ; они хощащъ здѣсь провести цѣлый мѣсяць. —

„Рыцарь Лорнъ будещъ ли съ ними?“

— Не знаю, я не звала его; однакожъ думаю, что будещъ: онъ рѣдко оспавляетъ мою опекуншу. —

„Не она привлекаешъ его шуда; гдѣ вы находитешь, милая Амбруазина, и въ эпомъ-шо заключаешся вопросъ, копорый я вамъ хощѣлъ сдѣлать: любите ли вы Рыцаря Лорна?“

— Я не люблю его; исканіе его шещенно, и я никогда не буду его жемою. —

„Лади Роскелинъ однако же распустила слухъ, что вы прѣехали сюда для всшупленія въ бракъ.“

— Она ошибается. Я очень знаю ея намѣренія, но знаю также, какъ опъ нихъ опдѣлашья. Но не уже ли не были на турнирѣ, Сенш-Клеръ, когда Королева напала на меня въ разсужденіи эшого предмета? —

„Щаспливая минуша, когда я, или правду скажашь Рыцарь дю-Бургъ узналъ Амврозія. Я не хошѣлъ въ томъ вѣришь ни ему, ни собсшвеннымъ глазамъ, и былъ совершенно внѣ себя, нащедши чершы милаго посланнаго въ лицѣ прелестной наслѣдницы Киншала; я почти не слыхалъ ничего, что тогда происходило.“

— Понимаю ваше удивленіе. Они сговорились, чтобы посредствомъ изумленія заставить меня публично опдашь мою руку; но Небо вдохнуло въ меня мужество къ уничтоженію эшого. Знаю намѣренія. Королева любить Рыцаря Лорна, и не могла ему принадлежать, стараешья

обогатишь его на мой счетъ ; Лади Роскелинъ также желаетъ, чтобы имѣніе мое досталось ей фамиліи : ибо Рыцарь Лорнъ ближній ей родственникъ, и сверхъ того хочеть поправиться Королевѣ и умножишь вліяніе свое при Дворѣ. —

„Вы отвѣчали на мой вопросъ на турнирѣ, сказала Сент-Клеръ : но мнѣ хошлось слышать изъ собственныхъ устъ вашихъ, что ваше сердце свободно. Лади Роскелинъ неистощима въ вымыслахъ и всегда успѣваетъ въ своихъ предпріятіяхъ ; но какъ вы съ нею несогласны, то я клянусь, что ей не удастся исполнить своихъ намѣреній въ разсужденіи васъ !“

— По крайней мѣрѣ она не посмѣетъ употребить насилія, возразила Амбруазина : здѣсь окружена я крестьянами моего родителя ; они видѣли мое рожденіе — я между ими воспитана ; они защищаютъ мою молодость и не потерпятъ, чтобы принуждали меня. Пусть повелѣваетъ она въ Замокъ Роскелинъ ; но здѣсь я сама

госпожа. — „Примише Моншея въ число вашихъ защитниковъ. Ахъ! повѣрьте, что рука его сдѣлается непобѣдимую, еслии только нужда того потребуетъ. Боже мой! не ужь ли могу я оставитьъ васъ подверженною оскорбленіямъ, перенесшъ одну мысль, чтобы мнѣ воспрещено было защищать васъ!“

Амбрузина вздохнула, Моншей продолжалъ: „Прекрасная, милая Амбрузина! не для собственной, но для вашей пользы я хочу защищать васъ; безъ сомнѣнія вы должны выйти за-мужъ, потому что имѣете нужду въ защитникѣ; но желаніе мое состоятъ въ томъ, чтобы выборъ вашъ былъ свободенъ, чтобы палецъ оный на теловѣка васъ достойнаго, которъ бы чувствовалъ всю цѣну того сокровища, коимъ будете обладать, и которому бы соответствовали взаимною любовью. . . . Для Моншея довольно одного имени брата; съ благополучіемъ Амбрузины онъ забудетъ свои собственные несчастія.“

— Братецъ! сказала она съ чувствомъ: я не хочу никогда выходитьъ за мужъ. —

„Ахъ! воскликнулъ Сент-Клеръ: Амбруазина рождена для того, чтобы сдѣлать щасливимъ наилучшаго изъ людей! Дай Богъ! чтобы она могла найти его, чтобы была столь же щаслива изъ женъ и машерей, какъ любезна изъ дѣвиць! Дай Богъ! чтобы она наслаждалась щасливою жизнію съ знаменитымъ супругомъ, коего славная участь увѣнчала бы ее собешвенною и прервала нишь жизни своей въ кругу столь же добродѣтельныхъ дѣшей какъ она, которыя украсили бы новою славою старость ея!“

Чувства, съ коими Сент-Клеръ говорилъ, пронули Амбруазину. — Не уже ли можно найши щасье при Дворѣ? сказала она: вы желаете мнѣ блистательной участи; а я напротивъ того хочу провести пріятную, безъизвѣсную и спокойную жизнь въ уединеніи.“ —

„Щасье будетъ сопровождать васъ повсюду, сказалъ Сент-Клеръ: гдѣ

только вы будете, при Дворѣ и въ жи-
знь!“

— Но я не буду никогда искашь его при Дворѣ. Обманщикъ! примолвила она, перемѣнивъ тонъ: вы сказали мнѣ, что въ ларчикѣ нѣтъ ничего, кромѣ денегъ; я нашла эту цѣль, предметъ нашего спора, и копорую хопите вы, чтобы я непременно хранила у себя. Хорошо, чтобы доказашъ вамъ, что я умѣю принимать дары дружбы, я принимаю ее; она послужитъ намъ взаимнымъ исполкованіемъ. Я пошлю вамъ ее тогда, какъ буду имѣть нужду въ другѣ; вы будете для меня единственныи чловѣкъ, коего защита и совѣты для меня нужны. Здѣсь я совершенно увѣрена въ своей безопасности; но по возвращеніи въ Шонландію они будутъ для меня необходимы. Имѣя друга и брата, я ничего болѣе не спрошусь! —

„Да благословишь васъ Небо за это обѣщаніе! возразилъ Сент-Клеръ, цѣлуя ее руку. О милая Амбрузина! я возвра-

щаюсь въ Барру. Теперь только почишаю себя изгнаннымъ!“

— Это изгнаніе не вѣчно, сказала съ живоспію Амбруазина: повелѣнія Іакова не суть опредѣленія судьбы. —

„Правда; но ошъ него ли зависипъ возвратишь мнѣ, чего онъ лишилъ меня, шо естъ чшобъ шипло изгнанника не безславило моего имени. Это пашно никогда не можешъ изгладипься, сдѣлавъ меня навсегда несчастнымъ!“

— Это несчастіе только въ вашемъ воображеніи; такая слабость низка для души Маншея. Съ котораго времени неправосудіе спало почипашься безславіемъ? Прошу васъ, будьте мужеспвеннѣе и благодарите Небо, что Оно одарило васъ благороднѣйшимъ характеромъ, нежели какой имѣлъ отецъ вашъ, и сердцемъ лучшимъ, нежели какое имѣетъ ваша мать. Но мы слишкомъ уже заговорились — лампада скоро погаснешъ и дневной свѣтъ показываешся уже на горизонтѣ; намъ надобно распашься; но

прежде дайше мнѣ вѣрное обѣщаніе. Я дала вамъ слово, что въ случаѣ нужды буду требовашь вашей помощи, такъ обѣщайтесь и мнѣ, что въ подобной нуждѣ не опровержете и мою. —

— Доходы мои велики, ихъ весьма много для меня, и я прошу васъ располагать ими какъ собственными. Не опважайтесь болѣе на предпріятіе, подобное тому, которое вы и друзья ваши щасливо, но неблагоприятно окончили у Карнежія. Если вы мнѣ въ этомъ опкажете, то наше условіе будетъ ничтожно. —

Моншей безъ прекословія огласилея на требованіе ея. Поцѣловавши руку Амбруазины и прижавши ее къ своему сердцу, съ усиліемъ вышелъ изъ корридора; онъ и товарищи его пошъ же часъ оставили Замокъ, достигли острова Спа, а опшуда Барры.

Г Л А В А XI.

Прельспившись играю музыканшовъ, Лади Роскелинъ спросила ихъ во время обѣда; и когда слуга сказалъ, что неизвѣстно, куда они дѣвались, почла очень непристойнымъ, что они не исполнили своей должности. Амбруазина извиняла ихъ шѣмъ, что они можетъ бысть прогуливаюшся въ паркѣ; когда же вечеръ наступилъ, а музыканшовъ все еще не было, то Лади Роскелинъ называла ихъ безпутными бродягами, которые возвращаясь для полученія только плащы; но когда они на другой и въ слѣдующіе попомъ дни не явились, то она чрезвычайно удивилась и приказала все пересмотрѣть въ Замкѣ, чтобы узнать, не унесли ли они чего нибудь съ собой. — Все было цѣло. Амбруазина, чтобы удержатъ ее отъ сего подозрѣнія, сказала ей, что она заспавляла ихъ пѣшь по ушру, и будучи ими весьма довольна, дала нѣсколько денегъ, кои безъ сомнѣнія

почли они награжденіемъ и приказаніемъ оставить замокъ. Лади Роскелинъ побранила ее, что она не изъяснила имъ пошупка своего, и послѣ совѣмъ о томъ забыла.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали Роскелины и Спуаршы. Молодая госпожа Замка приняла гостей своихъ съ обыкновенною своею учпивоспшію; но общія усилія двухъ фамилій и наспоянія самаго Сирь Жамеса были для него бесполезны.

Твердоспъ Амбруазина заставила ихъ не шревожиспъ болѣе ея спокоепспвія. Проживши мѣсяцъ въ Киншалѣ, они возвратились въ Роскелинъ вмѣстѣ съ Лади Роскелинъ и ея воспитанницею.

Чего Амбруазина ожидала, то и совершилось. Гоненія усилились, коль скоро она выѣхала изъ своего дома. Королева приказала предспависпъ ее къ себѣ въ Спирлинскомъ Замкѣ, гдѣ принуждала рѣшииспъся вышпши за - мужъ за Рыцаря, или объявиспъ, что сердце ея было ошдано другому, присовокупляя, что Лади Роске-

лингъ, которая сама очень желаетъ ша-
кого со стороны ея согласія, увѣрила ее,
что и Лади Кингаль, естли бы была
жива, не имѣла бы инаго желанія.

„Эпо очень вѣроятно, отвѣчала
Амбруазина: ибо Лади Роскелинъ имѣла
надъ нею много власти; и мапушка по
склонности или по привычкѣ съ моло-
дыхъ лѣтъ цѣнила нѣсколько пышную
и шумную жизнь большаго свѣта, а я
по тѣмъ же самымъ причинамъ привязана
къ проснопѣ и уединенію. Но она, какъ
нѣживѣйшая мапъ, хотя бы и одобрила
такое предложеніе, но безъ сомнѣнія
отдала бы на волю мою выборъ въ дѣлѣ,
споль важномъ для моего благополучія.
Башюшка, естли бы живъ былъ, оставилъ
бы мнѣ ту же свободу; онъ зналъ
мое сердце, зналъ, что чаетъ моей фа-
миліи и имена, которое онъ мнѣ оставилъ,
были споль же для меня дороги, какъ и
для него. Я знаю, что они передали на
нѣсколько времени власть надо мною
Лади Роскелинъ; но естли она во зло

упопробитъ ее единственно къ моему нещасію, но я принуждена буду есшупитъ въ свои права и въ случаѣ необходимости искашь въ монастырѣ защитны прошивъ ея угнетенія, за что она будетъ болѣе меня достойна порицанія. Я не сдѣлаю никакого рѣшительнаго поспупка въ разсужденіи учащи моей во время несовершеннолѣтія, лишь бы только меня къ тому не принуждали. Но, Ваше Величество, согласишесь, что защитненіе самой себя ешь первой законъ природы.“

— И пакъ вы совершенно опказываете Рыцарю? возразила Королева; но вы не отвѣчали на мой вопросъ: заняшо ли ваше сердце? —

„Вы приводите меня въ замѣшательство. Королева Шотландская имѣетъ на до мною власшь, предоспавляемую ея саномъ, и мое высокопочитаніе не прекословитъ оной ни въ чемъ, кромѣ одного — дѣлашь мнѣ подобный вопросъ.“

— Вы смѣлы и умны не по лѣшамъ, сказала Королева съ холодносщю и гнѣвомъ: я слишкомъ была милоспива, что вами занималась; послѣ сего не хочу болѣе брать никакого участія въ эпомъ дѣлѣ. —

„Благодарю, Ваше Величество, за участіе, которое вы изволили принять въ эпомъ дѣлѣ, и за то, что вамъ угодно пощадишь меня на будущее время опъ горестной необходимости вамъ не понравиться.“ Поклонясь почтительнѣйшимъ образомъ, она вышла и возвратилась въ Роскеллинь, будучи довольна своею пвердосщю, и мысленно занимаясь предметомъ, которой оную ей внушилъ.

Съ своей стороны Сенш - Клеръ думалъ только о Амбруазинѣ. Со дня на день изгнаніе спановилось ему несноснѣйшимъ; онъ приходилъ въ несповсшво при мысли, что пожертвовалъ своимъ имѣніемъ и свободою самой неблагодарнѣйшей изъ женщинъ, и что не могъ опдашь ни сердца, ни руки своей шей,

которая бы сдѣлала его совершенно щасливымъ. Сравненіе между предметами первой любви его и шѣмъ, который теперь совершенно обладалъ всею его душою, увеличило презрѣніе его къ Елеонорѣ и удивленіе къ Амбруазинѣ. Но чѣмъ сильнѣе любилъ ее, шѣмъ болѣе честь ея становилась для него дороже и выше самаго даже обладанія ею; почему швердо рѣшился, что Амбруазина Киншаль, чего бы то ни стоило, не будетъ супругою несчастнаго изгнанника.

Дю - Бюргъ и всѣ друзья его смѣялись его разсужденіямъ; всѣ искренно желали щастія Сенш-Клеру; съ желаніемъ симъ неразлучно было то, чтобы уничтожить замыслы Роскелиновъ; они имѣли уже у себя въ рукахъ наслѣдника эшой фамиліи, и естъли Моншей женился на наслѣдницѣ Киншала, то власпъ его не только на островахъ, но также и въ Графствѣ Асекиръ, гдѣ были ея помѣстья, будетъ чрезвычайна. Между тѣмъ, какъ они разсуждали такимъ обра-

зомъ о пользѣ союза и искали способъ
 сплотивъ къ оному Сенту - Клеру, ибо ни
 сколько не сомнѣвались въ согласіи Амбруа-
 зины, ея великодушный любовникъ
 думалъ только, какъ бы пожертвовалъ
 собою для шой, которая была ему столь
 драгоценна, иногда однако же посреди
 самыхъ швердыхъ намѣреній, чтобы не
 видашь ее болѣе, очаровательный образъ
 ея представлялся ему во всехъ преле-
 стяхъ, и противныя намѣренія его изче-
 зали. Ахъ! думалъ онъ тогда, благо-
 родное сердце Амбруазины гораздо выше
 гордости и богизства! Она нашла бы
 во мнѣ, въ моей неограниченной предан-
 ности все, что можетъ сдѣлать ее
 истинно щасливою... щасливою!...
 здѣсь, въ этомъ ужасномъ обиталищѣ на
 сихъ бесплодныхъ утесахъ!... Это ли
 жилище небесной Амбруазины!... Онъ сно-
 ва ощущалъ въ себѣ силу отказаться на-
 всегда отъ нея и благополучія. Часто
 имѣлъ мысль убѣжать, оставить свое
 отечество, войти въ службу какого ни-

будь иносстраннаго Государя; найши славу и богатство и осмѣлишься тогда предложить Амбрузинѣ раздѣляешь свой жребій; но должно было оставишь ее безъ защиты, среди гоненій, копорымъ, можешь бышь, должна будешь она уступишь, — и тогда чувствовалъ непреодолимое отвращеніе войши въ шакія дѣла, въ копорыхъ сердце его не будешь имѣшь участія, посвящать свою руку, и мужество за чужестранныя выгоды, можешь бышь служишь прошивъ своего опечесшва, и даже когда онъ обогатился симъ способомъ, по предложитъ ли онъ Амбрузинѣ удалишься изъ опечесшва, оставишь землю, гдѣ покоются ея предки и отецъ, коего она такъ любила. Онъ перемѣнилъ намѣреніе свое и рѣшился по крайней мѣрѣ остаться на Баррѣ.

Такъ прошли три мѣсяца, какъ въ одно утро доложили объ иносстранцѣ, желающемъ переговорить съ начальникомъ. Его немедленно ввели. „Я принесъ

вѣтъ, оказалъ онъ Моншею, сію золотую цѣпь и это письмо; мнѣ приказано вручить ихъ самому начальнику. Я очень поспѣшно пріѣхалъ сюда изъ Ро-скелина и ожидаю отвѣста, чтобы сей же часъ возвратиться.“

Сент-Клеръ едва выслушалъ посланнаго, какъ узналъ въ минутому цѣпь, которую онъ опдалъ Амбруазинѣ, и тожь же почеркъ, какой былъ въ книжкѣ, оставленной на столѣ, которую онъ читалъ и перечитывалъ тысячекратно. Онъ поспѣшно разломилъ печать, и читалъ слѣдующее :

„Я окружена пираниями; со мною
„поступають какъ съ невольницею. Со-
„вершенно выхожу изъ терпѣнія, и не-
„хочу болѣе переносить этого мученія.
„Поспѣшите ко мнѣ на помощь; только
„съ вашими совѣтами, потому что я
„не хочу, для избѣжанія еще сноснато
„да, подвергнуться несчастію, котора-
„го не въ силахъ буду перенести. Въ...

„спо подписа цѣпочка скажешъ, ипо
„вамъ пишешъ. Прощайше.“

Едва только онъ кончилъ, какъ по-
сланный просилъ его пошчасъ дасть оп-
вѣсть..

„Синупай поспѣшише, сказалъ ему.
Моншей : я пошлю курьера, который
пріѣдетъ прежде тебя, какъ я думаю;
но ежели сверхъ чаянїя ты прежде
поспѣешь въ Роскелинъ, совѣшуй особѣ,
тебя пославшей, *ничего не страшиться.*“
Ему дали поѣсть — и Сени - Клеръ ще-
дро его наградилъ; онъ пошчасъ уѣхалъ
въ томъ же суднѣ, на коемъ пріѣхалъ.

Когда Сени-Клеръ объявилъ друзьямъ
содержаніе полученнаго имъ письма, по-
всѣ они хопѣли за нимъ слѣдовать; но
какъ было необходимо нужно, чпобъ двое
по крайней мѣрѣ изъ нихъ оспавались на
Баррѣ, шо они кинули жребій; онъ палъ
на Мак-Грегора и Гамильнона. Моншей,
Россъ и дю-Бургъ съ тѣми же шоварища-
ми, которые слѣдовали за ними на шур-
нирѣ, сѣли пошчасъ на судно бри по-

пушномъ вѣтрѣ въ короткое время до-
 спигли порша Ардвамуржана. По выходѣ
 на берегъ, купили хорошихъ лошадей;
 опшуда продолжали свой путь съ воз-
 можною скороснію и остановились въ
 одной жижинѣ въ шести миляхъ опъ
 Роскелина; тамъ оставили они своихъ
 лошадей, и слѣдую плану, начертанному
 имъ еще на Баррѣ, Моншей, Россъ и
 дю-Бургъ переодѣлись черными пилигри-
 нами, поддѣляли цвѣтъ волосъ, лицъ
 и бородъ шакъ хорошо, что не возмо-
 жно было самымъ короткимъ друзьямъ
 узнать безъ предваренія ономъ; въ нѣ-
 кошоромъ разстояніи слѣдовали за ними
 поварищи ихъ, кои были одѣты по кре-
 сшьянски и назывались тремя братьями,
 возвращающимися съ горы, куда они хо-
 дили будшо бы для полученія малаго на-
 слѣдства.

Доспигнувъ парка Замка Роскелинъ,
 друзья изгнаниковъ остановились въ го-
 спитницѣ опдохнуть, какъ сказывали
 они, опъ продолжительнога пупешествія,

а между тѣмъ мнимые пилигримы пошли прямо къ Замку, гдѣ просили при-спазнища во имя Святаго Кюмберта, сказывая, что они по обѣщанію посѣщали церковь, ему посвященную, для очищенія грѣховъ своею молодости. Хотя жила Замка не слишкомъ славились гостепрїимствомъ; но Свяшый Кюмбертъ былъ въ споль великомъ почтеніи въ сей часни Шотландїи, что согласились въ честь Святаго на то, въ чемъ бы ошказали всякому чловѣку, даже въ крайней нуждѣ. Пилигримы были введены въ переднюю, гдѣ слуги дали имъ холодныхъ кушаньевъ.

Поблагодаривши людей, они сдѣлали какъ бы невзначай нѣкошорые вопросы о господахъ, и обративъ особое вниманіе на разговоры слугъ, они узнали, что Сиръ Жамесъ Лорнъ Сшуартъ былъ въ Замкѣ; что Графъ и Графиня Роскелинъ находились при Дворѣ съ Спирлингъ, и что Лади Роскелинъ и ея молодая воспитанница вскорѣ по возвращеніи

своимъ должны были ѣхать въ Гервичъ, въ женскій монастырь. — Тогда начался жаркой споръ между людьми Замка и слугами господъ, которые въ ономъ находились; каждый выражался по чувствамъ и личной привязанности своей. Иные не понимали, какимъ образомъ молодая особа можетъ предпочитать скучный монастырь союзу съ Сирь Жамесомъ, молодымъ прекраснымъ мужчиною, мужественнымъ и имѣющимъ прекрасныя и богатыя помѣстья. Можно чувствовашь, сколь важными должны быть таковыя сужденія слуги Сирь Жамеса. Въ нѣкопорохъ онъ распроспранялся предъ слугами и горничными Графини со всѣмъ краснорѣчьемъ лакейскимъ (какъ часто имѣющъ они пагубное вліяніе надъ умами господъ своихъ, особъ хорошо воспитанныхъ, коихъ чувства должны бы быть самыми благородными). Всѣ согласились съ рассказикомъ, и подобно ему дивились; одна только молодая дѣвица молчала, но скоро привязанность къ госпожѣ своей превзо-

шла ея природную скромность; она сильно начала защищать Амбруазину, свободной выборъ, права и участіе сердца въ союзѣ сшоль важномъ, каковъ есть бракъ. За симъ обратилась она къ поведенію гѣспожы своей, которое одобрела не запинаясь; увлекшись споромъ, утѣряла, что и она сдѣлала бы то же, и что, какъ она ни бѣдна, но ни за что въ свѣстѣ не захотѣла бы выдши за Сиръ Жамеса; за защищеніемъ Амбруазины послѣдовало обвиненіе Лади Роскелинъ, ея гонимельницы, и на послѣдокъ она заключила пакъ: прекрасная причина запирашь бѣдную барышню въ монастырь, потому что она не хочеть выходишь за - мужъ! Лучше бы самой Лади Роскелинъ заключиться шуда, и добрыми дѣлами поспаранься загладитъ грѣхи своей молодосши, а можешъ бышь и послѣднихъ лѣшь.

Живость молодой дѣвицы и ея гнѣвъ прошивъ Лади Роскелинъ произвели смѣхъ и веселость въ собраніи; дразнили ее и доказывали прошивное, чтобы еще боль-

ше ее разсердить. Она защищала инѣнїе свое съ шюю же вѣрностїю и привязанностїю къ гжѣ своей. Да, прибавила она: Амбрузина болѣе имѣеть права, нежели другая, избрать супруга. Есльи бы избавишься ошъ всѣхъ тоненїй и убѣжала бы такъ далеко, что ни Лади Роскелинъ, ни Сиръ Жамесъ не нашли бы меня, я эшо ей самой сказала; и не моя вина, что она не приняла шаковаго средства.

Разговоръ сей не занялъ бы вниманїя пилигримовъ, есльи бы Амбрузина не была его предметомъ, и есльи бы все, что до нее касалось, не производило въ нихъ учасїя; чрезъ оной нашли они драгоцѣнностъ въ лицѣ молодой дѣвицы, споль сильно объявившей себя въ пользу свободы брака и споль привязанной къ пользѣ Амбрузины; они предположили употребить ее къ исполненїю своихъ плановъ, и скоро имѣли къ прѣму случай и средства. Подали на споль, люди ушли служить; а пилигримы, которые казались

удрученными усилалосшію и сномъ, принявъ видъ, что не обращаютъ никакого вниманія къ разговору, оспались одни съ Брижешшою — это было имя молодой дѣвицы.

Рыцарь дю-Бургъ, коего разумъ былъ плодовишь въ изворошахъ, обратилъ разговоръ на особу молодой несчастливцы — жершву намѣреній и самолюбія Роскелиновъ. Онъ казался участвуящимъ въ ея жребіи и живо пронумымъ ея несчастіями. Вкравшись такимъ образомъ въ умъ Брижешши сходствомъ мыслей и участвія, онъ обратилъ какъ добрый пилигримъ свои разсужденія къ религіи, которою всегда жершвуюющъ видамъ пользы и самолюбія, божесшву, какъ ничшо болѣе не оскорбляло, какъ союзы основанные на порочныхъ средствахъ. Наконецъ, принимая мало по малу шонъ вдохновеннаго, увѣрялъ, что у него есть першенъ, посвященный Св. Кюпбершу, имѣющій силу предохранящъ особу, которая будущъ носить его съ вѣрою и

Благочестіемъ ошъ нещастія найбільше для нихъ опаснаго; но, прибавиль огъ, какъ гжѣ вашей ничего, кажешся, не должно такъ бояшся, какъ невольнаго суружества: по вѣрояшно, чшо съ перспнемъ симъ избавишся она великаго гоненія. Учасшіе, которое я принимаю въ положеніи ея, заставляешъ меня пожертвовашъ ей симъ перспнемъ.

Брижешпа сначала очень удивилась подобнымъ рассказамъ и не знала, какъ о шомъ думать; но мало по малу уступила преимуществу, которое обыкновенно беретъ надъ молодой дѣвушкою, простою и безъ воспитанія образованный разумъ молодаго плѣнншельнаго челоѣка. По любопытству и желанію доставить госпожѣ своей споль благопріяшныя надежды, она взялась отдашъ ей боже-сшвенный палисманъ, ешъли ей его повѣряшъ.

Намѣреніе Рыцаря дю - Бурга было дашъ знашъ Амбруазинѣ о ихъ присушствіи въ Замкѣ, предсшавивши глазамъ ея

рубиновой перстень, находившійся между драгоценностями, которыя Амбруазина привезла на Барру. Онъ былъ у Монтея. „Братъ! сказалъ ему дю-Бургъ: я повѣрилъ тебѣ эпошь перстень, чтобы предохранить тебя отъ несчастій, которыя тебѣ угрожали; а нынѣ мы ничего не можемъ сдѣлать лучшаго, какъ избавимъ молодую дѣвицу отъ гоненій сша-рухи и ненавистнаго любовника. Я надѣюсь, что ты не менѣе меня будешь великодушень и согласишься пожертвовать мнѣ, что ошь меня получилъ.“ Моншей, погруженный въ размышленія и заняшый любовью, печишалъ рѣчь дю-Бурга оборотами живаго и веселаго его воображенія; но посчитнувъ наконецъ наспоющее дѣло, поспѣшно опдалъ перстень Брижештѣ. Въ это время услышала она звукъ колокольчика. — А! сказала она, вошь моя барышня хочеть ложиться почивать; я теперь же предшавлю ей эпошь чудесной перстень! — Моншей и Россъ не замедлили послѣ уходу Брижешты поблагода-

ришь дю-Бурга за его вымыселъ и остроумное средство, которое онъ нашелъ, чтобы дашь знашь Амбруазиня о присутствіи друзей и вѣрныхъ ея защитниковъ. Они много шутили надъ набожнымъ пономъ, которъй принялъ дю-Бургъ, дабы лучше увѣришь Брижешпу, надѣясь щаспливаго успѣха набожной шуткѣ; жохопали надъ легковѣріемъ Брижешпы и удивлялись Амбруазиня, какъ слышали шумъ . . . „Молчите! сказалъ дю-Бургъ: примемъ наши набожныя мины и лукавой шонъ; я слышу кто-то идетъ...“

Въ самомъ дѣлѣ это былъ слуга, пришедшій за шѣмъ, чтобы опвесить пилигримовъ въ комнату, назначенную для людей шакого состоянія: это былъ чердакъ на верху самой высочайшей башни Замка; поселя ихъ состояла въ свѣжей соломѣ и одѣялъ; онъ пожелалъ имъ спокойной ночи и ушелъ, поручивъ себя ихъ молишвамъ.

ГЛАВА XIII.

Брижешпа вошла съ поспѣшностію въ комнату къ гжѣ своей совершенно съ веселымъ лицомъ, что весьма изумило Амбразину. Привыкши видѣть сію молодую дѣвушку, раздѣляющую съ нею горе и радости, которая всегда сообразовалась съ испоящимъ ея расположеніемъ, она удивилась, видя ея столь веселою въ такихъ обстоятельствахъ, когда она сама была весьма печальна; но и болѣе еще удивилась, когда Брижешпа, желая изяснить причину своей радости, не наблюдая ни связи, ни порядка, перялась въ безтолковыхъ рѣчахъ своихъ. „Радуйшесь! сказала Брижешпа: у меня есть лѣкарство противъ всѣхъ вашихъ несчастій! . . . Лади Роскелинъ и съ они побѣждены. За насъ Святой Кюшбертъ . . . Я имѣю перспень, съ которымъ дѣвицы выходятъ за-мужъ по своей волѣ, который предохраняетъ ихъ отъ принужденнаго замужства!“

— Брижешта! сказала Амбрузина съ недовольнымъ видомъ и сшрогосшію, хотя и необыкновенною ей, но которую внушила въ нее веселость, споль различествующая отъ скорбныхъ ея чувствованій: Брижешта! оставь свои глупости; я не расположена ихъ слушать; еспьлиты дура, то я о тебѣ сожалею; но еспьли шупишь, то шупки твои совершенно не приличны. — „Я совсѣмъ не дура и не шучу; вотъ першень, о которомъ я говорила, подарокъ, посылаемый Святымъ Кюпбершомъ; вотъ вѣрное предосперженіе противъ мамвреній Лади Роскелинъ и тоеній Сиръ Жамеса!..“ Амбрузина вскрикнула, узнавши рубиновой першень, который оставила она на Баррѣ, и не могла понять, какимъ образомъ очутился онъ въ рукахъ ея горничной. Первая ея мысль была, что Вилліамъ возвратился изъ Барры, куда былъ отъ нее посланъ, чтобы увѣдомишь Сент-Клера о жестокомъ ея положеніи. — Не кричалъ ли Вилліамъ? — спросила она поспѣш-

но. „Нѣтъ, отвѣчала Брижешта: Я увѣрена, что онъ всевозможно поспѣшитъ для васъ и даже для меня, прибавила она смѣясь и покраснѣвъ: но невозможно, чтобъ онъ такъ скоро возвратился, и сверхъ того какая связь между Вилламомъ островомъ Гарра и симъ прекраснымъ персиднемъ?“ Амбрузина въ свою очередь покраснѣла изъ опасенія не проговорилась ли, но тотчасъ орави-лась, и чинясь лучше обмануть Брижешту, приняла суровый видъ. — Откуда у тебя взялся эшонтъ персидень? сказала она: я приказываю тебѣ оплатить его тому, отъ кого его получила; да и кто ты? дерзкій и безразсудный, который вздумалъ дѣлать мнѣ подарки? — Брижешта не много смѣшалась отъ спротаго шона госпожи своей и рассказала о приходѣ трехъ пилигримовъ въ Замокъ, о томъ, какъ они, не зная ее, свѣдали о печальномъ состояніи Амбрузины, рассказала, какъ участие они въ ней принимали и наконецъ рѣчи одного изъ нихъ,

когда она по уходѣ слугъ оспалась съ ними одна. Она не забыла о подаркѣ перспна и силахъ, которыя въ немъ заключались, и къ коимъ она имѣла совершенную довѣренность. Амбрузина узнала все, что долго казалось ей непонятнымъ; она взяла перспень, разсмотрѣла его внимательно, и еще болѣе увѣрилась, что онъ былъ тотъ самый, который она оставила на островѣ Баррѣ, повидимому мало по малу входила въ легковѣрие Брижешты. Она сдѣлала ей тысячу вопросовъ о пилигримахъ; Брижешта удовлетворила ее со всею подробностью, не замедлила упомянуть о красотѣ пилигримовъ, а болѣе одного изъ нихъ, которой, какъ замѣтила она, не взирая на печальный его видъ и большую шляпу, которая была на немъ, имѣла прекрасные черные глаза, живой цвѣтъ лица и бѣлые зубы. Амбрузина, поразивши ее, что она смотрѣла съ такимъ вниманіемъ на мужчину, и сказавши ей шуца, что Вилліамъ не съ ша-

кимъ бы: удовольствіемъ слушалъ всѣ сполъ вѣрныя и обстоятельныя ея замѣчанія; потомъ спросила: лучшей ли изъ трехъ пилигримовъ далъ ей перспень? „Нѣтъ, Милади, отвѣчала Брижешта: но онъ имѣлъ его на пальцѣ. Боже мой! какъ онъ хорошъ! я не могу не сказать этого, хотя бы вы меня и побранили! Жалко было видѣть его на скамьѣ между слугами; если бы вошелъ какой незнакомецъ, то почелъ бы его господиномъ Замка, который шакъ переодѣлся. Отъ печали или гордости онъ не сказалъ ни одного слова. Но, продолжала Брижешта, приходя въ веселость по мѣрѣ успокоенія Амбруазины, не будетъ ли шакже покровительствовать и мнѣ зпочнъ перспень? не избавитъ ли и меня отъ мужа, котораго не хочу, и не доставитъ ли того, котораго желаю? Для чего же не такъ? Святой Кюпбертъ не долженъ ли Брижештъ покровительствовать шакже, какъ и Амбруазинѣ?“ — Надѣюсь, что онъ соединитъ швой жребій съ Вилліамомъ

вымъ , и ручаюсь , что онъ для вѣрнѣйшаго въ томъ успѣха дастъ тебѣ приданое; за все сіе я тебѣ опивѣчаю, милая Брижешта! — Расположивши столь благоприятно легковѣрную дѣвицу нѣкошорыми подарками, и кромѣ того лестнымъ обѣщаніемъ, сказала ей наконецъ: — Послушай, моя милая! пусть ешь нѣчто чудное, что можетъ быть объяснено только самыми пилигримами. Ешьли не должно опказываться отъ подарка Святаго Кюшберша, но не должно его также приниматьъ безъ должнаго изслѣдованія. Сказанное тобою мнѣ можетъ быть справедливо; но ты могла обмануться; и такъ надобно, чтобъ я поговорила не много съ шѣми, отъ коихъ получила ты сей необыкновенный подарокъ, и постаралась опкрыть, не лицемѣры ли они и обманщики, или люди истинно набожные и достойные быть исполкователями воли великаго Святаго. Гдѣ ихъ помѣстили? —

„Въ комнатѣ, назначенной для путешественниковъ, которая въ башнѣ на лѣво; я имъ прикажу придти сюда, Милади!“

— Нѣтъ, Бриженша, нѣтъ! когда всѣ уснушь, ты возвратишься сюда, и мы пойдемъ вмѣстѣ въ башню, гдѣ узнаемъ твою и мою участь. —

„И такъ вы теперь видите, Милади, что это не глупости, и что пилигримъ честной человекъ?“

— Такъ, перстень увѣрилъ меня въ истиннѣ его посланія; онъ говоритъ, что счастье или нещастье цѣлой моей жизни зависить отъ одного изъ пилигримовъ, и что необходимо нужно, чтобы я повѣствовала съ ними тайно. Замѣчай, что происходишь въ Замкѣ, и когда всѣ лягушь спать, извѣсти меня и принеси съ собою факель. —

„Не боишься ли вы, Милади, идти ночью въ башню?“

— Совсѣмъ нѣтъ; впрочемъ мнѣ не должно терять времени; можетъ быть завтра пилигримы отсюда выдутъ. —

„Да, съ разсвѣшомъ спорожь уже даль приказаніе.“

— Ты видишь, что ешьли мы хопимъ знашь опредѣленія Вышняго, копорого они называющъ себя исполковашелями, по надобно поговорить съ ними сего дня же ввечеру; но ошанься, ешьли ты боишься. —

, Боже сохрани! я пойду за вами на край свѣта. . .“

— Благодарю шебя за расположеніе и мужество швое. Сшупай шеперь, возьми ошсюда свѣчу, чшобы сочали, что я уже сплю, а между шѣмъ я подожду шебя въ пошьмахъ на софѣ. —

Брижешша повиновалась; мужъ, копорого она уже любила, и приданое, какъ чрезвычайное для нее шаспіе, имѣло сильное вліяніе на послушность ея, и хопя очень желала она похвасташъ передъ своими подругами о чудныхъ вещахъ, копорыя слышала, и важной роли, копорую играла въ шполь необыкновенномъ приключеніи; но разсудила молчать до шѣхъ

поръ, пока Амбруазина позволишь ей говорить. И шакъ Св. Кюшбернъ былъ по истиннѣ чудо: онъ сдѣлалъ молчаливою молодую горничную дѣвушку.

Амбруазина оставшись одна, не могла соскучиться, предавшись размышленію; едва могла повѣришь, чшобы изгнанники имѣли время пріѣхашь въ Роскелинъ, послѣ того, какъ она послала къ нимъ на Барру. Всѣ поступки Монтея на шурнирѣ и въ Киншалѣ и послѣшность почти невѣроятная, съ кошорою онъ лепѣлъ къ ней на помощь, подали ей лестную мысль, что онъ къ ней неравнодушенъ. Но жестокая спрасишь, кошорою онъ имѣлъ къ Елеонорѣ Роскелинъ, угнѣшала ея сердце. — Но нѣшъ, нѣшъ! я спыжусь подозрѣвашь его; Монтея не можешь бышь безпрерывно игралищемъ бездушшой спрасиши; онъ не можешь любишь, не понимая предметъ любви своей, и ешъли я не занимаю его сердца, но сама виновата, а не онъ. Чѣмъ болѣе я думаю, шѣмъ болѣе увѣряюсь.

что щасливая Амбруазина есть един-
ственный предметъ его привязанности.
Тщеславіе побудило его прѣхать на тур-
ниръ и биться за честь мою; призна-
тельность, можешь быть, привела его
въ Киншаль; но его смущеніе во время
разговора въ корридорѣ, горестъ при раз-
лукѣ со мною, гордые глаза его въ сле-
захъ, шрепешаніе его руки, когда онъ
пропаясь пожималъ мою; все, даже его
великодушное желаніе видѣть меня ща-
спливою съ другимъ, все показываетъ
его истинныя чувства; шуть иѣтъ ни
щесъ звія, ни пресной признательности,
и я осмѣливаюсь видѣть доказательства
истинной любви. Ему простишительно
имѣть худое мнѣніе о женщинахъ; онѣ
оправили жизнь его. О! если бы я
была шакъ щаслива, что могла бы воз-
становить въ глазахъ его почтеніе къ
своему полу, съ какимъ восхищеніемъ
промѣняла бы всѣ ложныя величія Двора
на безплодные ушесы Барры!

Таковы были размышленія Амбруазины во ожиданіи Брижешпы. Наконецъ она пришла увѣдомить, что всѣ легли уже спать, и огонь во всемъ Замкѣ погашенъ. Послѣ короткаго совѣщанія онѣ пошли къ башнѣ, гдѣ находились пилигримы. Это было на противной сторонѣ; надобно было идти чрезъ весь дворъ. По выходѣ ихъ покоевъ пришло ей на мысль, что пилигримы были, можетъ быть, не шѣ, за кого она ихъ считала, и хладъ разлился по ея сердцу. „Покажи мнѣ еще твой перстень, сказала она Брижешпѣ: онъ одинъ можетъ поддерживать мое мужество въ трудномъ поступкѣ, которой мнѣ предстоить.“ Брижешпа съ почтительностію его ей подала; она снова его разсматривала при свѣтѣ факела. Это былъ рубинъ, не имѣющій ничего особеннаго, и могъ походить на многія другія. Она выходилась въ шягоспномъ сомнѣніи, какъ вдругъ примѣшила внутри вырѣзанныя слова, кои были начальныя ея име-

ни А. К.; Сенш-Клеръ начерпиль ихъ булавкою. Тогда, увѣрясь совершенно, продолжала свой пушъ при шумѣ совѣ и нешопырей, привлеченныхъ свѣтомъ ея факела; ночныя ппицы сіи, гнѣздившіяся въ зубцахъ башенъ, лепали и кричали вокругъ ихъ. Брижешта умирала отъ спралу и внупренно призывала своего засшупника; между тѣмъ Амбруазина, бывъ выше всѣхъ шаковыхъ слабоспей, свойспвенныхъ многимъ женщинамъ, со смѣхомъ трясла своимъ факеломъ, чтобъ ошдалишь ночныхъ ппиць.

Пришедши къ башнѣ, Амбруазина ошавила Брижешту внизу лѣшпницы, а сама съ мужествомъ взшла. Когда она была на верху башни, шо ошановилась, чтобъ собраться съ духомъ, и постушась въ дверь, кошорая ошдѣляла ее отъ ея избавишеля. Она долго медлила и наконецъ легонько постушчалась; въ шужъ минушу всѣ пягосшныя чувспва спали съ ея сердца, ибо она услышала голось Сенш-Клера. Онъ спрашивалъ: кто

шущъ? Амбруазина Кинпаль, сказала она, которая бы желала имѣть крашкѣй разговоръ съ пилигримами; она ожидаетъ ихъ внизу въ сѣняхъ.

Едва кончила она эти слова, какъ дверь отворилась; она увидѣла предъ собою трехъ пилигримовъ безъ шляпъ и безъ маншій; ихъ обнаженные мечи лежали на снѣгѣ, а кинжалы воткнуты были за поясомъ. Они приняли шаговую предосторожность въ Замкѣ Роскелиновъ, чтобы на случай, когда будутъ узнаны, дорого продать жизнь свою, и пошюму рѣшились совсѣмъ не ложиться спать.

Амбруазина опшшупила на нѣсколько шаговъ шрепеща. Сенш - Клеръ, подошедши къ ней, ободрилъ ее. „Вы ли это, сказала онъ ей съ нѣжнѣйшимъ почтениемъ, великодушнѣйшая изъ женщинъ? Я не надѣялся такъ рано васъ видѣть, даже не осмѣливался желать сего; не испугались ли вы, проходя въ такое время одни чрезъ дворъ?“

— Я не одна, сказала Амбрузина: Брижешпа дожидается меня внизу, и я боялась только, что пропущу случай васъ видѣть, Сенш-Клеръ! Надобно мнѣ было видѣть васъ въ эту же ночь, или никогда.—

„Мы нашли средство освободиться здѣсь однимъ днемъ болѣе: дю-Бургъ присвоится больнымъ и по законамъ госпитальности намъ не могутъ спсказать.“

Амбрузина печально покачала головою. — Ахъ! сказала она: одинъ день болѣе можешь васъ погубить, Сенш-Клеръ. Я просила у васъ совѣта, а не присутствія въ столь опасномъ мѣстѣ. Если бы я шрепешала въ Замкъ Киншаль, то судите о томъ, что я ощущаю, вида васъ у Роскеллиновъ, раздраженныхъ непріятелей вашихъ. Какъ я безразсудна, что завлекла васъ сюда! Но что мнѣ было дѣлать; у меня нѣтъ другаго друга, кромѣ Сенш-Клера, и остается только три дни до рѣшенія судьбы моей. Должно, чтобы я согласилась выйти замужъ за Рыцаря Лорна, или пошла въ монастырь Св. Франциска

въ Бервикѣ. Я никакого не имѣю отвращенія ни къ одному монастырю, исключая того, куда меня хогляшь везти. Настоятельница онаго предана Лади Роскельнѣ, и я не сомнѣваюсь, чѣмъ она не сдѣлала меня несчастною. Я хоглѣла попросить васъ защитишь меня — и вопшь мой плачь. На сѣверѣ, при рѣкѣ Тай, при подошвѣ горы Крампіанѣ ешь женскій монастырь, какъ кажется Целестинскаго ордена; но все равно, онъ спомышь въ дикомъ и уединенномъ мѣстѣ, опдаленъ опъ владѣнія моей гонительницы; шамъ желала бы я провести послѣдніе два года моего несовершеннотвѣстія, но не хочу вспунить шуда бѣглянкою. Сенп-Клеръ! вы обѣщались мнѣ бытъ братомъ, я пребую нынѣ эшого имени. Хошите ли опвезти меня въ эшопъ монастырь и представишь меня какъ свою сеспру? —

Моншей въ молчаніи прижалъ руку Амбруазины къ своему сердцу; Россъ и дю-Бургъ говорили за него и клялись лю-

безной своей пріятельницѣ защищать, ея съ опасностію: своей жизни.

— Избави Боже! возразила она, чшобы вы принуждены были показашь мнѣ шаковый опышъ вашей дружбы; но я надѣюсь, чшо мы не будемъ въ опасности. Приготовыше хорошихъ лошадей; я привыкла къ шакому роду пушешествія; мы помчимся подобно въпру: и избавимся отъ говеній. —

„У насъ превосходныя лошади, вы можете судить о помъ по нашему пріѣзду; они псюда только въ десяти миляхъ, и мы скоро ихъ достанемъ. Одной недостаешь для васъ; но мы ее купимъ, сказалъ ей Жамесъ Россъ.“

— Не имѣете ли вы нужды въ деньгахъ? сказала она. —

„Нѣшъ, прерваль дю-Бургъ: я казначей, и моя шкапулка полна.“

— Хорошо, сказала она: пакъ намъ надобно поспѣшиться; время не терпещь, и я считаю минушы, въ кошорыя остаешся здѣсь Сент-Клеръ. Завтра,

въ эпошъ же часъ въ полночь пройдите дворъ, ведущій къ этой башнѣ, поды папершію направо есть маленькая дверь въ капеллу; вы можете ее легонько опворить, войдите туда и тамъ меня ожидайте. Лампы, кошорыя безпрестанно горятъ предъ олпаремъ, довольно будутъ вамъ для свѣта, а я принесу фанель; ибо не могу пройти въ пошмажъ корридоровъ Замка. —

„Позвольте, сказалъ Сентъ - Клеръ, дабы я проводилъ васъ до вашей леспницы.“

— Я не согласна; не входите во внутренность этого жилища. Мнѣ совсѣмъ нечего бояться, а вы должны всего спрашиться. Въ церковной ризницѣ есть проходъ, чрезъ кошорый можно выдти намъ изъ Замка; а лошадей вы можете спрятать въ ближнемъ отсюда лѣсу. Прощайте! я забыла бѣдную Брижетту; боюсь, чтобъ вся преданность ея къ своему защитнику Св. Кюшбершу не была недостаточна сохранишь ее отъ спраху во

ожиданіи меня внизу башни. — Съ симиъ словомъ она проспилась со всѣми ими рукою; но Моншей, взявъ оной мечъ, завладѣлъ прекрасною ея рукою, и объявилъ, что хочешь проводишь Амбруазину чрезъ дворъ. Она хотѣла отказатьсь; но онъ настоялъ, взялъ факель и подъ руку Амбруазину, сошелъ съ лѣшницы, на срединѣ коей встрѣпили они шрепещущую Брижешшу, кошорахла на встрѣчу Госпожѣ своей.

„Брижешша! сказала Амбруазина: все идешь хорошо; Небо требуетъ отъ тебя только молчанія и вѣрности: швоя и моя судьба отъ того зависяшь.“

— И не приказываетъ ли онъ мнѣ: также выдши за-мужъ за Вилліама? Ахъ, Боже мой! что я вижу, сказала она, поражена будучи удивленіемъ и сипражомъ при видѣ Сенш Клера безъ шляпы и безъ маншіи, вооруженнаго обнаженнымъ мечемъ и кинжаломъ: не мужъ ли это шопъ, кошораго посылаешь вамъ Св. Кюшсбергъ? —

„Нѣтъ, сказала Амбруазина смѣясь: эшо только братель. Посмотри, Брижешта, не узнаешь ли ты своего прекраснаго пилигрима?“

— Мать Пресвятая Богородица! эшо оный самый, я узнаю его: черные большіе глаза и Королевскій видъ; но у моего любимца Св. Кюмберта ешлы также обнаженный мечъ? —

„Непремѣнно, Брижешта, и эшо все по повелѣнію великаго Святаго.“

— Тутъ заключающа великія странности, думала молодая дѣвушка; но оный хочеть, чтобы я вышла замужъ за Вилліама, и эшо очень мнѣ нравишся. —

Когда они прошли черезъ дворъ, шо оный увидѣли ночныхъ птицъ, кошорыя дожидались ихъ въ проходѣ. Моншей употребилъ шо же средство, какъ и Амбруазина, чтобы разогнать ихъ. Брижешта дрожала и молилась, Амбруазина смѣялась, и Сенш-Клеръ удивляясь, что она была столь далека отъ ребяческихъ страховъ, кошорые, не смотря на

своею любовью къ Елеонорѣ, часто замѣчалъ въ ней, и кошорые всегда казались ему смѣшными.

Когда они подошли къ периспиллю, Амбруазина остановилась и хотѣла съ нимъ проститься; но онъ просилъ ее подождать одну минушу; факель поставили на полъ, Брижешпа отошла на нѣсколько шаговъ. „Какъ вы удостоили меня вашею довѣренносцію, то позволите сдѣлать одинъ вопросъ: не можете ли вы перемѣнить намѣренія вашего заключиться въ монастырь; ибо не лзя вамъ рѣшишельно положить, что останешесь шамъ два года; участіе Королевы и Лади Роскелинъ въ Рыцарѣ Лорнѣ можете засавить васъ изъ него выдши, или можете быть и произнести обѣщанія?“ — Я одного съ вами мнѣнія; но не имѣю другаго средства; нѣтъ ли у васъ какогонибудь? —

„Увы, нѣтъ! отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, милая Амбруазина. О! для чего не могу истребить прошедшаго;

во это желаніе бесполезно и щастіе со-
творено не для меня.“

— Не говорите этого, Сент-Клеръ; въ
последній разъ, кзкъ мы видѣлись, вы
кошѣли знать мое сердце: могули я такъ
же знать ваше? —

„Безъ сомнѣнія я открою его предъ вами,
какъ предъ высочайшимъ Существомъ.“

— Вы спрашивали меня, люблю ли
я Рыцаря Дорна? Я вамъ поклялась, что
нѣтъ; теперь ваша очередь отвѣчать
мнѣ: любите ли вы Леди Елеонору Ро-
скелинъ? —

„Нѣтъ! клянусь душою моею и че-
стію; при тогда, какъ уже для меня она
не существуешь. Тогдашъ послѣ ея из-
мѣны я такъ возненавидѣлъ ее, что
осмѣлился бы поклясться, что больше
ее не люблю: величайшее презрѣніе за-
ступило мѣсто гнѣва; тогда я могъ спра-
ведливо оказать, что излѣчился. Теперь
пишаю къ кей совершенное равнодушіе;
если мнѣ случится о ней думать, то

онъ удовольствія, что избавился величайшаго несчастія бытъ ея мужемъ.“

— Вы увидите, какъ я любопытна и смѣла. Еще одинъ вопросъ! совершенно ли свободно ваше сердце? навсегда ли вы отказались отъ любви? —

„Амбруазина! я изгнанныкъ, и . . . мнѣ запрещено любить и говорить о любви. . . . Нѣтъ, милая Амбруазина, я не смѣю любить!“

Амбруазина удивилась споль великой вѣжності, и замолчала. Послѣ короткаго молчанія сказала она: — намъ должно разсѣпаться; скоро разсвѣнепъ. Не забудьте придти въ полночь въ церковь съ вашими товарищами, а прочее предоспаваемъ судьбѣ. Прощайте! найдете ли въ пошмахъ дорогу къ вашимъ товарищамъ? . . . —

„Я ее хорошо замѣшилъ; сверхъ что я бывалъ здѣсь въ малолѣтствѣ съ моимъ дядею Моншемъ.“

— И шамъ прощайте до завпрешняго дня! да руководсвуешъ насъ Небо! —

„Любезная Амбруазина! Ангелы, копторыжъ вы изображеніе, должны хоранишь васъ!“ Онъ поцѣловаль ея руку.

— Не хотиште ли вы взяшь факель? онъ миѣ вовсе не нуженъ. —

— Нѣтъ... о, Амбруазина! милая дѣвица! сказаль онъ съ чувствомъ, прижавъ руку ея къ своему сердцу: надобно было видѣшь васъ шеперь, или никогда не видашь.“

— Не знаеше ли вы пословицу, сказала она ему шушкою: *лучше поздно, нежели никогда?* Еще разъ прощайте! — Она взяла факель, позвала дремлющую Брижешу и взошла на лѣшницу къ комнатамъ Замка. Моншей возвратился въ башню.

„Ахъ! думаль онъ, какъ я обманулся, помнишая, что я зналь любовь. Амбруазина! шпелѣшь только можно внушитъ, что я нечувствую. Не хочу знать, хороша ли ты; но обожаю невинное и чистое швое сердце, которое не позволяешъ тебѣ шозрѣвать зла, и которое всѣ слова шбой и поступки покрываетъ завѣсою

благѣпристойности и добродѣтели; какъ швоя благородная смѣлостъ возвышаетъ себя предъ женщинами обманчивыми и припворными, копорыя осмѣляясь, могутъ быть, порицать себя.“

Съ своей стороны Амбруазина говорила самой себѣ: — я вѣду съ моимъ супругомъ; не могли ли я ввѣришься человѣку, копорому хочу посвящать жизнь свою? Ему, сказала она, поднявъ глаза къ Небу, Коему навсегда, или ежели онъ ошкажешъ Богу, Коего призываю въ свидѣтели моихъ кляшвъ. —

Она пришла съ Брижешпою въ корридоръ; дрожащія дѣвицы прошли его очень скоро. Поровнявшись съ комнашами Лади Роекелинъ, онѣ услышали ввупри лай собачки, копорой ихъ испугалъ; онѣ послѣшно вошли въ комнату Амбруазины, копорая приказала Брижешпю провесши съ нею ночь.

К о н е ц ъ I ѣ Ч а с т и .